

Союз краеведов России. Псковское региональное отделение
Российская Международная академия туризма. Псковский филиал

ТРЕТЬИ ПСКОВСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Псков
10–12 октября 2012 года

Псков – Москва
2013

ББК 63.3 (2Рос – 4Пск)

Редактор-составитель Т.В. Вересова

Третьи Псковские региональные краеведческие чтения. (Псков. 10–12 октября 2012 г.)

Редактор-составитель Т.В. Вересова. Союз краеведов России. Псковское региональное отделение. Российская Международная академия туризма. Псковский филиал. Псков – Москва, 2013, с. 300. ил.

В сборник включено 30 докладов участников Третьих Псковских региональных краеведческих чтений – не только местных исследователей исторического прошлого Псковской земли, но и представителей других регионов России и соседней Эстонской Республики. Чтения были посвящены 1150-летию первого упоминания Изборска в летописи, 200-летию Бородинской битвы, а также общим вопросам краеведения – все эти темы и нашли отражение в представленных статьях сборника.

ББК 63.3 (2Рос – 4Пск)

© Вересова Т.В., составление, 2013

© The Estate of Leonid Zurov

(Великобритания),

все тексты Л.Ф. Зурова, 2013

© Коллектив авторов, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

I. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...	
Вересова Т.В.	6
II. КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	
Белюков Д.А. Краеведческое движение в Великих Луках: организационные формы и направления исследовательской деятельности	11
Иванова И.Е. Струги Красные: история и современная деятельность районного краеведческого сообщества	22
Цветков Н.А. Путь длиной в четверть века: от Краеведческого общества по изучению сельской истории до регионального отделения Всероссийской Энциклопедии российских деревень	31
Белюкова С.В. Слёт юных краеведов как форма подведения итогов работы за год (Из опыта работы муниципальной системы образования)	35
III. ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРОДА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ И ИХ РОЛЬ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО (К 1150-летию первого упоминания Изборска в летописи)	
Левин Н.Ф. Проблемы топонимики Изборска	40
Сторокожева Е.С. Ресурсы Псковской областной универсальной научной библиотеки об Изборске	50
Аун М., Киристая А. О вкладе краеведов в изучение древней истории Сетумаа (Печорского края)	57

Пономарёв А.Ю.

О священных камнях Печорского края,
работе Леонида Зурова и судьбе его наследия 67

Никитенко Н.В.

Усвяты – один из древнейших городов Руси 90

Кондратеня А.В.

Две известные осады города Опочки 102

Юринова Е.Д.

Крепость Заволочье 109

Конов Ю.Г.

Красногородская крепость в годы Ливонской войны 124

**IV. «СЛАВЬСЯ БИТВОЙ ИСПОЛИНСКОЙ,
СЛАВЬСЯ ВЕК, БОРОДИНО!»**

Свиридова С.Л.

Псковичи – участники Отечественной войны 1812 года
в документах Государственного архива Псковской области .. 129

Яковлева Т.И.

Псковские дворяне в войне 1812 года 136

Орлов В.В.

Одиссея генерала Пущина 156

Анисимова Н.В.

«Далёкому мужеству верность храним...» 164

Новиков И.А.

Вклад Южного Урала в разгром армии Наполеона
в Отечественной войне 1812 года
(на примере северо-западной России) 177

**V. ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ –
«ВРЕМЁН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ...»**

Иванова Е.Д.

Образ Александра Невского в сознании
современных школьников 194

Рахматуллин А.М. Предпосылки к «затиранию» имени князя Довмонта в русской истории	200
Фёдоров А.И. Лев Николаевич Модзалевский	211
Лединина Т.Г., Яшин Ю.Я. Возрождая – сохраняем	223
Прокуденкова Е.В. Подвижническое служение музыке (К 145-летию со дня рождения Василия Ястребцева, друга и биографа Н.А. Римского Корсакова)	233
Симакина Г.Ф. Сохранить связь с прошлым	240
Постников С.В. Материалы личного архива академика Т.Н. Кары-Ниязова как источник по новейшей истории Узбекистана	251
VI. МЕТОДИКА И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Дудченко Л.Ю. Особенности англоязычного описания псковских реалий ...	262
Родионова Е.А. Что означало изъятие риз с икон? (По материалам «Дела комиссии по изъятию церковных ценностей Великолукского уисполкома» 1922 года)	266
Котов Д.В. Проблемы изучения памятников архитектуры школьниками	279
Анисимова Е.И. Краеведение: закат или рассвет?	286
Оргкомитет чтений	292
Участники Третьих Псковских региональных краеведческих чтений	293

ТРЕТЬИ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Вересова Т.В.,

председатель

Псковского регионального отделения

Союза краеведов России

В Третьих региональных краеведческих чтениях приняли участие 52 человека (в Первых – 29, во Вторых – 44), однако в сборнике представлены не все доклады: три из них подготовлены к публикации в альманахе «Псковский летописец», который выйдет к началу Четвёртых чтений, – А. Александров /Псков/ «Находки римских монет в Псковской области»; В.П. и Л.В. Пушкины /Москва/ «Книжные покупки Пскова на Московском печатном дворе в XVII веке» и Е. Чижикова /Ярославль/ «Изображения Святого Довмонта на фресках храмов Ярославля XVII века»; кое-кто не нашёл времени выслать свои доклады для подготовки их к печати. Однако в конце сборника помещён Список участников Чтений с темой их выступлений, так что читатель сможет сам оценить настоящий объём конференции. Хочу также заметить, что статьи здесь распределены тематически, независимо от «происхождения» исследователей, тогда как в сборнике Вторых чтений доклады наших гостей были обобщены.

Главные темы Третьих чтений – 1150-летие первого упоминания Изборска в летописях и 200-летие Бородинской битвы. Специально к Чтениям был издан «Псковский летописец» (№7), полностью посвящённый Изборску. Необходимо подчеркнуть, что в большей степени он основан на зарубежных архивах (Великобритании, Франции и Эстонии) и фондах Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, – материалах малодоступных... Это касается в основном Изборска 1920-х – 1940-х годов, когда он входил в состав Эстонской

Республики, – соответственно, и исследователей Изборска этого времени: Ивана Заволоки, Александра Макаровского, Леонида Зурова, Эрика Прэна, Евгения Климова, которые встречались в Изборске, любили его. Эта любовь объединяла их и на чужбине. И вот он вновь собрал их уже на страницах «Псковского летописца» – надо сказать, что случилось это для меня совершенно неожиданно, когда в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына я работала с фондом Е.Е. Климова...

Лидский Русский архив сохранил за собою издательские права, потому мы обратились туда за разрешением опубликовать работу Л.Ф. Зурова, – на его, архива, условиях: обозначить эти права в выходных данных альманаха и два экземпляра отправить в Великобританию. При подготовке этого сборника (статья А.Ю. Пономарёва) мы повторили запрос и получили, на прежних условиях, позволение печатать работы Л.Ф. Зурова, некогда хранившиеся в Лидском Русском архиве.

Однако традиционная рубрика альманаха «Хронология – око истории» представлена статьями Николая Лопатина, участника Изборской Археологической экспедиции В.В. Седова (Труворово городище), и Татьяны Закуриной, проводившей раскопки в Изборской каменной крепости в течение 2012 года и сделавшей ряд открытий. Как раз об этих открытиях и рассказала Татьяна Юрьевна участникам Чтений во время экскурсии в крепость 11 октября – так был обозначен и её вклад в работу конференции.

В ходе Чтений было представлено 12 литературных новинок – все они касались заявленных тем, но преподнесены были по-разному: в докладе, краткой информации и в экскурсии. Так, Людмила Макеенко, старший научный сотрудник Музея-заповедника, о своей книге «России честь, надежда, щит» рассказала во время экскурсии по одноимённой выставке, организованной ею же в одном из залов «Золотой кладовой» Музея-заповедника, – книга и выставка посвящены нашим землякам-участникам войны Двенадцатого года. Все 12 краеведческих новинок читатель может видеть на 2-й странице обложки данного сборника. Хочется отметить, что некоторые издания («Усвяты» Николая Никитенко; сборник «Нам есть, что помнить, чем гордиться», подготовленный краеведами Струг Красных) вышли в свет при поддержке районных Администраций, – это в нынешней жизни редкость...

Почти 40 лет собирал материал по истории своей малой родины, старинного села Велье (в Псковской летописи впервые упоминается под 1368 годом), Анатолий Васильевич Филимонов; результат его кропотливых поисков – книга «Велье и его округа». Сначала Велье входило в систему обороны Пскова, одновременно достойно защищая и Русь-Россию; в XVIII веке оно было вотчиной царских вельмож П. Ягужинского, Г. Потёмкина-Таврического, А. Ланского, А. Куракина. До недавнего времени Велье прекрасно сохраняло черты богатого купеческого села позапрошлого столетия – к сожалению, сейчас всё это катастрофически исчезает...

Желамский Александр Гаврилович (Невельский район), создатель Музея пейзажного наследия «Окоём», прочитавший интересные доклады на Вторых и Третьих чтениях, привёз несколько экземпляров своей книги «Русский пейзажный вектор» (Очерки родиночувствия), изданной в 2008 году (за свой счёт), но ранее не представленной в нашем кругу...

Великолучане рассказали о трёх своих новых книгах: Белоков Дмитрий Анатольевич – «Очерки истории физической культуры и спорта Псковского края»; Буйко Игорь Викторович – «Великолукцы на службе Империи», про 12-й Великолукский пехотный полк, основанный в 1811 году; Орлов Владимир Викторович – «Окно в исчезнувший мир. Великие Луки», из серии «В поисках утраченного». Две последние книги вышли в частном издательстве Сергея Маркелова.

Для участников Чтений ежедневно организовывались экскурсии: в первый день, 10 октября, в Кремль и Троицкий собор; 11 октября после заседания «изборской секции» – Изборск (Труворово городище и каменная крепость), Свято-Успенский /Псково-Печерский/ монастырь и Музей народности сету в деревне Сигово. 12 октября, после окончания работы конференции, наши гости побывали в Музее-заповеднике на выставке «России честь, надежда, щит», в залах древнерусского искусства (икон) и Картинной галерее. А тех, кто остался на 13 октября, мы отвезли в Крыпецкий и Елеазаровский монастыри. Познакомить со всеми достопримечательными окрестностями Пскова мы, конечно же, не успели – на это понадобится не одна неделя. Или до очередных Чтений – продолжение везд следует...

Наши краеведческие форумы (доклады и книги, представленные на них) лишний раз подтверждают, что Псковская земля – богатей-

ший пласт обширного культурно-исторического наследия нашего Отечества. И мне очень хочется, чтобы подобные конференции собирали как можно больше людей, преданных и своей малой родине, и нашей большой Отчизне...

Отечественное краеведение, удушенное в 1920-х, в 1990 году возродил академик Сигурд Оттович Шмидт, – он считал, что правильнее это явление называть «краелюбием», а тех, кто занимается изучением и исследованием истории своей малой родины, – «краелюбями»... К великой скорби, об этом великом (простите за повтор!) краелюбие теперь приходится говорить в прошедшем времени... Так вот, Сигурд Оттович Шмидт на конференции «Малые города России: проблемы истории и возрождения» говорил:

«...Уже и название её (конференции – Т.В.) подразумевает особое внимание к размышлениям о значении исторических традиций для развития города в настоящем и будущем, к воспитанию у молодёжи уважения и интереса к прошлому своего края и к возможностям использования опыта прошлого для познания настоящего и строительства будущего. Опыт прошлого – это не только историческое развитие края, но история его познания, это, прежде всего, история краеведческой деятельности.

Под краеведением понимают сферу научной и просветительской работы, а также и общественную деятельность. Причём такую, к которой причастны не только учёные-специалисты и педагоги, но и значительно более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. Круг интересов краеведа – прошлое и настоящее какого-либо края, определённой местности, от крупного региона до отдельного села, улицы, храма, фабрики, учебного заведения и т. д. во всём многообразии тем. С этим тесно связано и изучение истории отдельных родов (семей, «фамилий»). Краеведческое (или краеведное, как чаще писали в 1920-е годы) знание – знание комплексное: историческое (историко-культурное, даже историко-литературное, историко-экономическое) и естественно-географическое одновременно... Интерес к тому, что ближе и доступнее, – основа интереса ко всему остальному. Это помогает составить общие представления о мире, о взаимосвязях явлений и времён, общества и природы. Краеведение – это школа и методики мышления (освоения взаимосвязи аналитического и синтетического методов), школа воспитания культуры. А основа культуры – память, поэтому можно особо говорить

о воспитании историей. Всё это предопределяет важность и полезность вовлечения в краеведение молодёжи ещё в годы школьного учения... Краеведение – не только познание края, но и способ сохранения и совершенствования того, что выдержало испытание временем, проверку практикой поколений – в быту, природопользовании, сельском хозяйстве и промыслах, материальной и духовной культуре, конечно же, в сфере нравственности» (С.О. Шмидт. После 75: Работы 1997 – 2001 годов. М.: РГГУ, 2012, с. 677 -678).

Верится, что все мы и оцениваем своё участие в региональных краеведческих конференциях именно с этих позиций...

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВЕЛИКИХ ЛУКАХ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Белюков Д.А.,

*кандидат исторических наук,
декан социально-гуманитарного факультета ВЛГАФК,
заместитель председателя ПРО СКР*

Краеведческое движение в Великих Луках имеет давние устойчивые корни и представлено в деятельности как общественных организаций, так и муниципальных учреждений культуры и образования.

Центральное место среди общественных организаций занимает городское Краеведческое общество, которое было создано 15 ноября 1992 года как общественная самостоятельная организация при Комитете культуры Администрации г. Великие Луки. В его состав вошли преподаватели высших учебных учреждений города, учителя истории, журналисты, научные сотрудники краеведческих и народных музеев, архива, библиотекари ЦГБ им. М.И. Семевского, преподаватели общественных дисциплин средних профессиональных учреждений, студенты вузов города.

Основными направлениями работы общества являются изучение истории и культуры родного края, жизни и деятельности за-

мечательных земляков, проведение научно–практических конференций, посвящённых памятным датам в истории страны, города, южной зоны области, судьбам выдающихся великолучан. Среди них – научно-практические конференции, посвящённые победе советского народа в годы Великой Отечественной войны, освобождению города, памяти братьев Семевских и учёного-агронома И.А. Стебута, истории становления и развития высшего образования в Великих Луках, юбилейным датам со дня первого упоминания города в древнерусских летописях. Великолукские краеведы принимали самое активное участие в подготовке материалов для первого и второго изданий «Псковской энциклопедии». Материалы краеведческих конференций публикуются в специальных сборниках и распространяются среди учебных учреждений города.

В результате активной работы краеведов были увековечены имена М.И. Семевского, редактора-издателя журнала «Русская Старина» (его имя присвоено Центральной городской библиотеке), установлены мемориальные доски Ф.К. Тетерникову (литературный псевдоним «Сологуб»), И.А. Стебуту; мемориальная доска на здании Академии физической культуры и спорта, где располагалось первое среднее образовательное учебное учреждение города – Реальное училище, которое закончили многие выдающиеся деятели науки, культуры, искусства.

С первых дней работы и до настоящего времени великолукские краеведы находят понимание и поддержку во всех своих инициативах у Администрации города и прежде всего у председателя Комитета культуры Валентины Ивановны Зандер. Все мероприятия, проводимые обществом – научно-практические краеведческие конференции, открытие мемориальных досок, посвящённых выдающимся землякам, презентации книг по истории города и южной зоны области – проходят с обязательным участием представителей Администрации Великих Лук, председателя Комитета культуры и работников Комитета [1].

Вопросы развития краеведения занимают большое место в деятельности Общественного совета по вопросам историко-культурного наследия Великих Лук.

С 2011 года по инициативе Общественного совета в городе на Ловати издаётся краеведческий альманах «Великолукский вестник», на страницах которого публикуются материалы исследователей ис-

тории и культуры родного края, среди которых как известные учёные, так и начинающие краеведы [2]. Информация об альманахе «Великолукский вестник» включена в базу данных портала «Краеведческая периодика России» на сайте Российской национальной библиотеки.

В конце 2012 года стартует долгосрочный муниципальный книгоиздательский проект «Великолукская книга». Увидят свет переизданные произведения А.И. Пульхерова «Великолукское городское общественное управление 1785-1891 гг.» (1892 г.) и «Образование и образовательные средства в г.Великие Луки и его уезде» (1893 г.). Эти хорошо известные специалистам книги ни разу не переиздавались и давно стали библиографической редкостью. К 70-летию освобождения Великих Лук от немецко-фашистских захватчиков – 17 января 2013 г. – приурочен выпуск сборника документов «Великие Луки в годы Великой Отечественной войны» [3].

В планах проекта на 2013 год издание книги известного краеведа, Почётного гражданина города Великие Луки А.П. Лопырёва «Прогулки в прошлое» (под ред. А.В. Юрасова) и поэтического сборника великолучан – членов Союза писателей (составитель А.Б. Канавцов). Реализация книгоиздательского проекта «Великолукская книга» обещает стать ярким событием в области историко-культурного наследия Великих Лук и Псковской области.

Великолукские краеведы занимают активную позицию и в созданном в 2010 году Псковском региональном отделении Союза краеведов России, входят в Совет отделения, участвуют в мероприятиях под эгидой отделения. При участии Общественного совета по вопросам историко-культурного наследия и Великолукского городского краеведческого общества в октябре 2011 года в Великих Луках прошли Вторые Псковские региональные краеведческие чтения.

Большая краеведческая работа проводится с учащимися общеобразовательных школ города и в системе дополнительного образования. В течение всего учебного года проходят краеведческие конкурсы, викторины, конференции. Организатором краеведческих конференций является отдел туризма и краеведения Дома детского творчества имени Александра Матросова.

Одной из форм организации исследовательской работы учащихся являются краеведческие конференции, на которых учащиеся имеют возможность представить результаты своей работы в

области краеведения. С 2005 года конференции проводятся регулярно – не реже одного раза в год. Конференции проводятся в соответствии с планом мероприятий Управления образования Администрации города Великие Луки. Положения о конференции и приказы по итогам размещаются на сайте Великолукского образования eduvluki.ru. Целью конференции является развитие интереса к краеведению среди учащихся. К задачам относятся: изучение различных сфер истории города; совершенствование навыков исследовательской работы; развитие творческих и интеллектуальных способностей учащихся; воспитание патриотизма, уважения и бережного отношения к природному и культурному наследию родного края; выявление лучших исследовательских краеведческих работ для участия в областных и всероссийских мероприятиях (Всероссийский конкурс краеведческих исследовательских работ участников туристско-краеведческого движения «Отечество», научно-практическая конференция «Шаг в будущее», Всероссийская конференция «Юность. Наука. Культура», конкурс «Человек в истории. Россия. XX век» и др.)

Тематика исследований определяется двумя факторами:

1) направлениями программы туристско-краеведческого движения «Отечество» («Летопись родного края», «Великая Отечественная война», «Военная история», «Земляки», «Родословие», «Литературное краеведение», «Экология», «Культурное наследие», «Православное краеведение», «Школьные музеи», «Охрана памятников»);

2) юбилейными датами в истории России, Псковской области, Великих Лук («История образования» (история образовательных учреждений общего образования, дополнительного образования (Дом пионеров, Станция юных техников; спортивные, музыкальные и художественные школы и т.д.), среднего и высшего профессионального образования, судьбы известных выпускников, педагогов и т.п.), «Педагогические династии», «Физкультурно- спортивное краеведение (история спорта, туризма, физического воспитания в образовательных учреждениях, история спортивных школ, биографии спортсменов-великолучан, тренеров, учителей физической культуры и др.)», «Трудовые династии земли Великолукской», «Из истории детского движения», «История кадетского движения и его современность», «Промышленные предприятия и социально-культурные объекты родного города (исторический обзор)», «Архитектура, ин-

женерно-строительные сооружения – гордость Великих Лук (памятники, здания, мосты)», «Туристские и экскурсионные маршруты», «Партизанское движение на Псковщине» (65-летию партизанского движения на Псковщине), «История туристско-краеведческого движения в образовательных учреждениях», «Мой Пушкин» (170-й годовщине со дня смерти поэта), «К 200-летию Отечественной войны 1812 года», «История космонавтики на страницах средств массовой информации, в материалах семейных архивов, коллекциях, фондах школьных музеев», «Интернационализм» (международная солидарность людей различных наций и рас, основа их взаимопонимания, взаимного доверия, взаимопроникновения культур, ценностей, знаний и технологий; города-побратимы) и др.

С 2005 по 2012 год состоялось 9 краеведческих конференций [4].

Длительное время в краеведческом движении Великих Лук не существовало отдельной составляющей в работе со студенчеством. Студенты принимали участие в мероприятиях городского Краеведческого общества, но самостоятельных мероприятий не имели. Этот пробел был устранён совсем недавно: 16 февраля 2012 года в Великолукской государственной академии физической культуры и спорта состоялась I межвузовская студенческая краеведческая конференция «Великие Луки: проблемы региональной истории и современность». В конференции приняли участие студенты трёх высших учебных учреждений города Великие Луки (Великолукской государственной академии физической культуры и спорта, Великолукского филиала Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики и Великолукской государственной сельскохозяйственной академии). Организаторами конференции выступили Великолукское отделение «Научно-педагогического союза историков Российской Федерации» и Великолукское городское краеведческое общество. Поддержали мероприятие Комитет по делам молодёжи Администрации города Великие Луки и Великолукская государственная академия физической культуры и спорта. С приветствием к участникам конференции выступили Александр Шулаев (заместитель Главы Администрации города Великие Луки) и Руслан Городничев (ректор ВЛГАФК). В адрес конференции пришло приветствие от секретаря Общественной палаты Псковской области Валерия Павлова и председателя Комиссии по вопросам культуры и сохранения духовного наследия Ирины Голубевой.

На конференции прозвучало 14 докладов, которые были разбиты на три блока: «История Великих Лук и Псковского края», «Их имена забыться не должны» и «Физкультурно-спортивное краеведение». Студенты представили самые разнообразные темы своих исследовательских работ. Вот лишь некоторые из них: «Опыт участия в археологических раскопках 2010 года в г. Великие Луки» (Рудакова Алёна, студентка III курса ВФ СПбГУСЭ), «Именами Героев названы улицы Великих Лук» (Орлов Владимир, студент I курса инженерного факультета ВГСХА), «Александра Никитична Анненская – переводчик романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» (Родионова Елена, студентка III курса социально-гуманитарного факультета ВЛГАФК), «Выдающиеся спортсмены и тренеры – Почётные граждане городов Псковской области» (Морозова Кристина, студентка I курса социально-гуманитарного факультета ВЛГАФК), «Эффект проведения соревнований «Юные олимпийки» (на примере Великих Лук)» (Крупенич Ольга, студентка II курса факультета физического воспитания и спорта ВЛГАФК), «Великие Луки – столица российского воздухоплавания: история и современность» (Мальшев Владимир, студент IV курса ВФ СПбГУСЭ). По итогам конференции лучшие доклады были рекомендованы к публикации во втором номере краеведческого альманаха «Великолукский вестник» и к участию во Всероссийской студенческо-аспирантской научно-практической конференции «Региональная история. Краеведение. Московведение», в которой великолукские студенты участвуют с 2011 года.

Краеведение – одно из приоритетных направлений в деятельности МУК «ЦГБ им. М.И. Семевского». Важность просветительской деятельности в области краеведения, привлечения жителей к чтению краеведческой литературы, распространению краеведческих знаний очевидна. Ранее ответственность за организацию краеведческой работы в ЦГБ им. М.И.Семевского была «размыта» по всем подразделениям центральной библиотеки. Постепенно пришло понимание того, что для успешного осуществления краеведческой деятельности в библиотеках необходимы специальные организационные структуры, официальное назначение ответственного за это направление работы, для того, чтобы данные подразделения стали центрами научно-исследовательской и методической работы, а специалисты – координаторами краеведческой деятельности. И такое подразделение было создано в 2010 году. Теперь за краевед-

ческую работу отвечает заместитель директора по библиотечной работе и специалист краеведческого сектора ЦГБ. Разработано положение о секторе краеведения и должностная инструкция библиотекаря-краеведа.

Краеведческий фонд – основа в распространении знаний о малой родине, её традициях и культуре. Это книги, альбомы, карты, буклеты, брошюры, открытки, периодические издания, посвящённые нашему краю: Псковской области в целом и городу Великие Луки в частности. Хронологический охват этих изданий – с 1943 года по настоящее время. Однако в фонде имеются и более ранние издания, которые хранятся в отделе редких и ценных изданий. Краеведческий сектор ЦГБ занимается формированием «народных архивов», фонд которых включает сегодня фотографии, мемуары, дневники, неопубликованные литературные миниатюры, стихи, песни из личных собраний граждан города. Комплектование краеведческого библиотечного фонда осуществляется через российские, региональные и городские издательства и издающие организации. Получает библиотека и местный краеведческий экземпляр, который предоставляют местные издающие организации. Особое значение в фонде краеведческой литературы имеет информация из периодических изданий.

Успех в краеведческой работе во многом зависит от справочного аппарата библиотеки, от его состояния, наполняемости, актуальности. Выполняя краеведческие запросы читателей, библиотека не забывает о справочном фонде по краеведению. Это, прежде всего, энциклопедические и справочные издания, включающие Псковскую энциклопедию, Псковский биографический словарь. И, конечно, разнообразные библиографические краеведческие пособия, посвящённые родному краю (памятки, путеводители, указатели).

Проблематика библиографических пособий подборок, вырезок и копий документов в последнее время значительно расширилась. Особенно востребованы читателями те пособия, в которых предоставляется развёрнутая или интерпретированная информация, то есть профессионально обработанная в соответствии с их потребностями. Это папки-досье. Достоинство этих пособий в том, что весь материал собран в одном месте, и к тому же папки-досье восполняют пробелы по недостающей краеведческой информации. Специалистами сектора краеведения и ЦПИ ЦГБ создано более 100 таких

папок. Досье – это формализованная, то есть составленная по определенному плану, развёрнутая характеристика объекта (отдельных личностей, организаций...). Она создаётся в результате аналитической переработки большого числа исходных документов и постоянно актуализируется и включает в себя дайджесты, памятки, театрализованные представления, игры, иллюстрации, списки литературы. Можно назвать такие папки как «Итоги социально-экономического развития города за 2010 год», «Решения городской Администрации», «Социальная защита», «Местное самоуправление», «Люди, прославившие наш город», «Полезное знание», «Великая Отечественная война и наш край», «История Великих Лук», «Софья Ковалевская», «И.М.Виноградов», «А.М.Матросов», «Почётные граждане города» и множество других.

Более 10 лет библиотекой ведётся сбор и хранение фактографической краеведческой информации по теме «Юбилейные и памятные даты г. Великие Луки», на основе которых создаётся ежегодно «Календарь знаменательных и памятных дат г.Великие Луки», включающий, кроме фактографической информации, иллюстративный материал, а также библиографическую информацию в виде списков литературы. Этот календарь представлен как в печатном, так и в электронном виде на сайте библиотеки. На парадном входе в библиотеку основные юбилейные даты текущего года представлены в виде баннера. «Календарь знаменательных и памятных дат г.Великие Луки» ежегодно публикуется в разделе «Хронограф» краеведческого альманаха «Великолукский вестник».

В последние годы библиотека стала активно создавать собственные библиографические ресурсы. Только в 2011 году выпущено 3 крупных библиографических указателя: «Созвездие героев», посвящённый героям Великой Отечественной войны, имена которых носят улицы одного из микрорайонов нашего города; «Шары над городом», посвящённый истории воздухоплавания в Великих Луках и «Мой город, твой герб – золотые три лука...», посвящённый геральдике города.

Создаёт библиотека и электронные ресурсы на компакт-дисках, среди которых и пользующийся успехом у великолучан мультимедийный диск «Прогулки по литературным Великим Лукам». Сотрудники библиотеки разработали также «Литературную карту города», которая открыта для обозрения пользователей в фойе библиотеки.

Ещё одним из перспективных направлений в области краеведения является создание веб-сайтов. Веб-сайт – основная форма предоставления информации о деятельности библиотеки в Интернете. Сайты, как правило, содержат сведения о фондах и структуре библиотеки, предоставляемых услугах, проводимых мероприятиях, реализуемых проектах. Обеспечивают читателям доступ к электронному каталогу и базам данных.

Краеведческий раздел сайта – один из основных информационных ресурсов нашей библиотеки. Главная задача – предоставление широким кругам пользователей краеведческой информации, в том числе ранее не опубликованной. Краеведческий раздел сайта включает следующие подразделы: «Календарь знаменательных дат», «Историческая справка», «Характеристика города», «Достопримечательности», «Литературная жизнь», «Лица». Интерес к сайту увеличивается, хотя времени на его систематическое пополнение катастрофически не хватает [5].

В краеведческом движении Великих Лук особое место занимает муниципальное учреждение культуры «Краеведческий музей города Великие Луки», который насчитывает более 30 тыс. единиц хранения, среди них – предметы археологии, нумизматики, этнографии, документы и фотографии, коллекция оружия... Структурным подразделением Краеведческого музея является Мемориальный дом-музей академика И.М. Виноградова [6].

Одним из признанных центров краеведения Великих Лук, безусловно, является Великолукская государственная академия физической культуры и спорта. Именно в академии стало разрабатываться новое направление исследовательской деятельности – физкультурно-спортивное краеведение. Работу в области физкультурно-спортивного краеведения проводит одноимённый центр, который существует с октября 2007 года. На наш взгляд, физкультурно-спортивное краеведение занимает особое положение в системе гуманитарного знания, находясь на стыке таких научных дисциплин, как краеведение, отечественная история и история физической культуры и спорта. Положение об общественном объединении «Центр физкультурно-спортивного краеведения кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Великолукской академии физической культуры и спорта» одобрено ректором академии, профессором Р.М.Городничевым и принято на заседании кафедры 30 октября 2007 года.

Основными целями являются: изучение истории развития физкультурно-спортивного движения в Псковской области; героико-патриотическое воспитание молодёжи на примерах достижений спортсменов Псковской области; формирование у современной молодёжи привлекательности занятий физкультурой и спортом; пропаганда здорового образа жизни, борьба с социальным неблагополучием среди отдельных категорий молодёжи на примере спортивных достижений псковичей.

Исследовательская работа находит отражение в виде выступлений на конференциях, публикации материалов в научных журналах и сборниках научных конференций, ежегодном сборнике трудов кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин «Традиции – Инновации – Развитие».

Результатом исследовательской работы по спортивной истории региона стали монографии Д.А. Белюкова «История физической культуры и спорта Псковской губернии в конце XIX – начале XX вв.» [7] и «Очерки истории физической культуры и спорта Псковского края» (2012 г.) [8].

В 2009 году Центр физкультурно-спортивного краеведения провёл научно-практическую конференцию, посвящённую 85-летию Комитета по физической культуре и спорту Администрации города Великие Луки [9]. Увидели свет воспоминания заслуженного работника физической культуры С.П. Борисова «Удивительное время. Воспоминания ветерана физкультурно-спортивного движения» [10].

Серьёзное внимание уделяется увековечиванию памяти известных спортсменов-земляков. Эта работа ведётся совместно с Управлением образования, городским Спорткомитетом, Комитетом культуры и Общественным советом по вопросам историко-культурного наследия города. Большим резервом исследовательской и практической работы видится развитие физкультурно-спортивного краеведения в школах города и региона [11].

Таким образом, краеведческое движение в Великих Луках занимает достойное место в культурно-образовательном пространстве города, существует на разных организационных и дидактических основах, объединяя людей, интересующихся историей и культурой родного края.

Литература

1. Трофимова Г.Т. Опыт работы Великолуцкого городского краеведческого общества // Первые Псковские региональные краеведческие чтения (Псков, 18–20 ноября 2010 г.). Редактор-составитель Т.В. Вересова. – Псков, 2011. – С. 17–20.
2. Великолуцкий вестник. – Краеведческий альманах / Гл. ред. Г.Т. Трофимова, зам. гл. ред. Д.А. Белоков. – № 1. – Великие Луки, 2011. – 120 с.; Великолуцкий вестник. – Краеведческий альманах / Гл. ред. Г.Т. Трофимова, зам. гл. ред. Д.А. Белоков. – № 2. – Великие Луки, 2012. – 144 с.
3. Великие Луки в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов, посвященный 70-летию освобождения города / отв. ред. Д.А. Белоков. – Великие Луки, 2012. – 344 с.
4. Белокова С.В. Опыт проведения краеведческих конференций учащих-ся // Вторые Псковские региональные краеведческие чтения (Великие Луки, 20–22 октября 2011 г.). Редактор-составитель Т.В. Вересова. – М., 2012 – С. 108–115.
5. Ковалёва Г.В. Роль библиотек в распространении краеведческих знаний // Вторые Псковские региональные краеведческие чтения (Великие Луки, 20–22 октября 2011 г.). Редактор-составитель Т.В. Вересова. – М., 2012 – С. 93–101.
6. Сайт Великолуцкого краеведческого музея.
7. Белоков Д.А. История физической культуры и спорта Псковской губернии в конце XIX – начале XX вв. – Монография. – Великие Луки, 2011. – 292 с.: ил.
8. Белоков Д.А. Очерки истории физической культуры и спорта Псковского края. – Монография. – Великие Луки, 2012. – 228 с.: ил.
9. Сборник статей научно-практической конференции, посвящённой 85-летию Комитета по физической культуре и спорту Администрации г. Великие Луки / под ред. Д.А. Белокова, Г.Т. Трофимовой. – Великие Луки, 2009.
10. Борисов С.П. Удивительное время. Воспоминания ветерана физкультурно-спортивного движения / Отв. ред. Д.А. Белоков. – Великие Луки, 2008. – 219 с.
11. Белоков Д.А. Физкультурно-спортивное краеведение в Великолуцкой государственной академии физической культуры и спорта // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Владимир, 27–28 мая 2011 г.) / Отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. – М., 2012. – С. 209–214.

СТРУГИ КРАСНЫЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЙОННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Иванова И.Е.,

*главный библиограф ЦРБ (посёлок Струги Красные),
член Совета ПРО СКР*

*Краеведение может стать в той или иной
местности самым массовым видом науки.
Д.С. Лихачёв*

ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ. В наши дни краеведение занимает всё более видное место в общественной жизни страны. И это не случайно, ведь краеведение – не абстрактная наука. Краеведение – более широкое понятие, нежели изучение истории края: это и генеалогия, и экологическая деятельность, и фольклористика, и этнография, изучение экономики и жизни района и многое другое...

Краеведение – это то, что можно увидеть своими глазами и, возможно, даже увидеть в другом ракурсе то, что знакомо с детства; сопоставить свою землю с великими личностями и великими событиями, произошедшими в прошлом и повлиявшими на жизнь в том или ином виде. Приобщить то, что можно увидеть рядом, пощупать своими руками, к деятельности, затрагивающей жизнь страны, мира, человечества. Важность изучения краеведения в том, чтобы через малое, близкое и родное сердцу познать большее, ощутить себя и окружающих людей частью общества, социума; поверить в собственные силы для развития, достижения жизненных целей, в том числе и для развития общества в целом.

УНИКАЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ. Локальная история в каждой местности интерпретируется в зависимости от социально-эконо-

мической и культурной ситуации, вплетена в контекст различных инициатив, интересов, мнений, в том числе немаловажным фактором является административно-территориальное деление.

Кратко история административно-территориального деления территории современного Стругокрасненского района такова:

В XV веке большая часть территории района принадлежала Залесской половине Шелонской пятины Новгородской земли, лишь юго-западная часть входила в состав Заклинской засады Псковской земли. В XVIII веке – территория Псковского наместничества. К середине XIX – началу XX века современная территория Стругокрасненского района включала в себя полностью Узыминскую волость Гдовского уезда, Лудонскую, Яблонецкую, Соседненскую, Феофиловскую волости Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии, Горскую волость Порховского уезда и Жуковскую волость Псковского уезда Псковской губернии. Затем территория вошла в состав Ленинградской области, с 1927 года образован Стругокрасненский район, и лишь в 1944 году район вошёл в состав Псковской области.

Благодаря хитросплетениям административно-территориального деления, долгого нахождения большей части территории в составе Санкт-Петербургской губернии и последующей передачи района из Ленинградской в Псковскую область, на данный момент даже небольшое архивное наследие Струг Красных разбросано по различным архивам Пскова и Петербурга. Современная краеведческая общественность Пскова и Петербурга, обрабатывая архивные источники, зачастую просто не берёт в расчёт документы, касающиеся территории современного Стругокрасненского района, ибо краеведы-петербуржцы изучают в основном территорию города и современной Ленинградской области, а краеведы-псковичи – исконно псковские земли, к которым Струги не относятся, да и в архивах Пскова именно о нашем районе сведений крайне мало.

Серьёзные историки-исследователи также редко упоминают о районе, лишь только в связи с событиями, мимо которых пройти невозможно, а таковых событий, происходивших на Стругокрасненской земле в период новейшей истории, изучено не так и много: наступление Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича да действия партизанских бригад в 1943–44 годах. Пожалуй, и всё. Именно такая исторически сложившая уникальность территории Струго-Красненского района и повлияла на развитие крае-

ведения, которое сложилось не самым благоприятным образом, но данный аспект открывает практически неограниченные возможности к изучению и открытию новых страниц в истории района.

РАЗВИТИЕ КРАЕВЕДЕНИЯ В РАЙОНЕ. На данный момент найдены редкие исследования конца XIX – начала XX веков, которые позволяют сказать, что краеведение существовало на нашей территории уже в это время. Оно не было никак объединено, но оно существовало. По поручению земства и различных ведомств проводились исследования школьного образования [1], состояния школьных зданий [2], медицинских учреждений [3], наличие производства и иных отраслей жизни населения. Увлечённые исследователи проводили свои опыты и изыскания на территории района: например, ботаник И.Ф. Шмальгаузен изучал местную флору [4], К.К. Гильзен проводил исследования грунта местных озёр [5]. Изучали местность помещики Модзалевские – Борис Львович Модзалевский описал близлежащие кладбища [6], Вадим Львович проводил раскопки курганов. Свою лепту вносили и школьные учителя: учитель Л.А. Васильев в 1910 году у села Логовеще проводил раскопки древних захоронений [7]. Отдельным видом исследований являются и памятные записи о церквях, расположенных на современной территории района [8], жития местночтимых святых [9] и отшельников [10].

Выше перечислены лишь некоторые примеры краеведческих изысканий, которые известны на сегодняшний момент. Деятельность краеведов XIX – начала XX века подробно не исследована, лишь некоторые примеры, представленные выше, показывают, что данную местность обследовали и профессионалы, и любители.

После 1917 года о каких-либо краеведах или исследователях пока ничего неизвестно, вплоть до 1960-х годов. Именно в 1960-е годы возобновился интерес к краеведению, хотя и развивался он несколько однобоко, лишь по двум направлениям: история Гражданской войны и становления Советской власти, и история партизанского движения в период Великой Отечественной войны. В этот же период на территории района организованы несколько комнат боевой и трудовой славы.

Узость краеведческой тематики была обусловлена не только социально-политическим строем, существовавшим в СССР, но и тем,

что основные краеведы-организаторы, изучавшие и обобщавшие материалы краеведческой тематики, были участниками данных событий, по сути, публиковавшие свои воспоминания. К краеведам 1960-1970-х годов можно отнести Д.С. Архипова, С.И. Гусева, Д.П. Никитина, Н.А. Некрасова.

Прорывом в местном краеведении стала изданная в 1988 году книга Г.В. Петрова «Струги Красные». Автор обобщил многие документы и источники и последовательно рассказал о становлении посёлка и района.

Естественно, краеведческую работу проводила и библиотека, но данная работа сводилась в основном к библиографическим и методическим исследованиям.

В 1990-е годы краеведение возродилось как вид подвижничества. Нарботанные за советское время краеведческие материалы по революционному движению и партизанской борьбе стали неактуальны. После общего в стране подъёма интереса к Церкви, к фактическим данным по истории родной страны, возрос интерес к краеведению как к прикладной науке. Именно в это время истинным подвижником и организатором краеведческих работ в районе стал Е.М. Фёдоров, под его руководством был организован районный Краеведческий музей, обследованы все церкви района, собрано большое количество экспонатов для музея, проведена работа с доступными архивами. Тогда же, в 1990 году, организована группа «Поиск», занимающаяся уже более 20 лет розыском неустановленных погребений советских солдат и партизан на территории района. Проведены интересные изыскания заведующей музеем В.П. Константиновой. В районной библиотеке выходит библиографический указатель «Частица родины моей».

В 2006 году организуется проект «София». Детско-юношеский молодёжный краеведческий проект «София» окончательно оформился осенью 2008 года, когда появилось это название. Проект занимается изучением исторических природных и культурных объектов на территории Струго-Красненского района и Псковской области. Особый интерес вызывают места, которые почитаются Русской Православной Церковью, – так называемые святые места. Кроме изучения таких мест, изучают потребность и возможность в их благоустройстве. Руководитель проекта – Матвеев Николай Викторович, учитель общественных дисциплин МБОУ «Струго-Краснен-

ская средняя общеобразовательная школа», координатор проекта – Соколов Алексей Алексеевич, предприниматель, а также иерей Дмитрий Ульянов, настоятель прихода храма Святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

Основные направления работы: исследовательское, социально-культурное проектирование, популяризаторское и экскурсионная деятельность.

Наиболее значительные за прошедшие годы. Первой ласточкой проекта стал Никольский источник у бывшей деревни Посадница. Это, наверное, – самое знаковое для проекта место. Соколов Олег, Богданов Александр, Хомяков Алексей, Леонтьев Александр, Гаврилова Екатерина, Браузмэн Максим, Алексеев Максим, Попов Максим – все эти ребята в разные годы, вместе или в коллективе, представляли работы о Никольском источнике в различных вариантах на конференциях и конкурсах самого разного уровня. Участие в благоустройстве принимали практически все: построили часовню, поддерживают в ней порядок; иконы, оригинальные подсвечники, аналои – ко всему этому приложили руки ребята. Ежегодно чистится купальня, прокашивается тропинка (1,5 км), наводится порядок на прилегающей территории.

Большинство школьников готовит и представляет свои исследовательские работы – темы их самые разнообразные: Никольский источник, Хмерской погост, Щирской погост, Быстреевский погост, Посолодинский монастырь, Черноезерский монастырь, Феофилова пустынь, судьба псковского пустынножителя иеромонаха Мардария, храмы посёлка Струги Красные, усадьбы вокруг Щирского озера, топонимика района, история народного образования, памятники посёлка Струги Красные, Александр Невский и многое другое. Эти работы представлялись на конференциях различного уровня. Пять раз участники проекта становились призёрами и лауреатами финальных мероприятий программы «Шаг в будущее» и «Юность. Наука. Культура».

Проведение различных краеведческих мероприятий. Мероприятия годового цикла: Рождественские встречи (Новоселье – 2012, Пятчино – 2011), «Проект «София» собирает друзей».

Проведение тематических классных часов: «По следам далёких костров», «Путешествие по старым фотографиям», «Что такое струги», «Преподобный Феофил и Феофилова пустынь».

Проведение оригинальных мероприятий: поездка «Георгиевское кольцо», которая проводится ежегодно в начале мая, приурочена ко Дню памяти великомученика Георгия Победоносца и 9 мая; «Подвиг русского народа и его духовные истоки» – ко дню начала Великой Отечественной войны.

Следующая ступень в развитии районного краеведения началась в 2006 году с проведения первой краеведческой конференции «Наш край в истории России». По сути, объединение краеведов в 2006 году явилось мощным толчком для развития всей культуры района. На данный момент опубликованы сотни статей, десятки книг. Количество краеведческой литературы растёт год от года. С 2008 года выпускается литературно-краеведческий альманах «Наш край» – не каждый провинциальный город может похвалиться таким периодическим изданием.

За достаточно короткий период в районном краеведческом обществе сформировались определённые традиции, основными из которых можно назвать следующие:

1. *Преемственность.* Завершение или серьёзное дополнение предыдущих работ коллег или предшественников.

2. *Профессионализм.* Развивается не только пересказ воспоминаний, а поставленный на научную основу интеллектуальный труд.

3. *Взаимопомощь.* Совместная работа над темой, поиск источников для темы, над которой работает коллега, высказывание собственного мнения по спорным вопросам.

4. *Организованность.* Без руководства, пусть даже самого ненавязчивого, направления деятельности, коррекции движения в изучении тех или иных объектов, обобщения собранной информации, невозможно развитие.

5. *Объединение усилий.* Совместная работа на результат государственных учреждений, общественности и издателей. Без данных традиций успешное функционирование и развитие краеведческого общества практически невозможно. Большую роль в распространении краеведческой информации, безусловно, играет районная пресса – естественно, это районная газета «Струги», публикующая статьи местных краеведов в отдельном разделе «Родиноведение». Как уже упоминалось, издаётся литературно-краеведческий альманах «Наш край». Печатаются и отдельные краеведческие издания. Основная и повседневная работа районного Краеведческого музея

заключается именно в накоплении, популяризации и распространении краеведческой информации. С данными задачами музей вполне справляется, но для развития музея необходимы новые площади, ибо в существующих помещениях разместить уже имеющуюся экспозицию крайне тяжело, а количество экспонатов постоянно увеличивается. Причём, замечу, что экспонаты музея безвозмездно дарят местные жители, – покупкой экспонатов музей не занимается. Способствовала развитию краеведения и Русская Православная Церковь. Именно церковное краеведение – одно из направлений в изучении родного края.

ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ. Одной из важнейших задач районной краеведческой общественности является работа со школьниками. Краеведение – один из инструментов формирования локальной идентичности. Преподавание краеведения – важнейшая задача гражданского воспитания молодёжи. Дети редко соприкасаются с практикой гражданской активности. Для полноценного развития личности в школьном возрасте крайне важно восприятие общего через частное. И именно краеведение осуществляет в полной мере данную задачу. К тому же краеведение, в силу специфики предмета обучения, требует от человека неравнодушного отношения. Вслед за уроками зарубежной и отечественной истории, краеведение должно дать понимание логики исторических событий, их обусловленность и связь. Краеведение должно на местном уровне показать процесс становления общества и его роль в истории. На местном материале следует показать и роль личности в истории.

Основными проблемами развития школьного краеведения, на мой взгляд, являются следующие:

1. Недостаточное количество преподавания в рамках школьной программы местного материала. Недостаточность факультативов, кружков по краеведческой тематике.

2. Финансовая проблема. Отсутствие учебников, учебных пособий, наглядного материала.

3. Не существует учебного плана и описания минимума знаний по краеведению.

4. Не существует системной разработки дополнительного образования в плане краеведения.

В случае успешного решения даже части означенных проблем, ожидаемыми результатами преподавания краеведения школьникам станут следующие:

1. Расширение кругозора, помощь в усвоении знаний по школьной программе.
2. Осознание значимости культурного наследия края для Отечества.
3. Ощущение себя преемником наследия прошлого.
4. Понимание связи с окружающим миром.
5. Понимание значения района в мировой культуре.
6. Возможность самостоятельно находить информацию о заинтересовавшем объекте, о деятельности людей, учреждений...
7. Реализация своего творческого потенциала.
8. Приобретение навыков и опыта социальной практики, взаимодействия, работы в коллективе. Общественная активность детей, развитие коммуникативных навыков.
9. Приобретение устойчивого стремления к самовоспитанию.
10. Развитие любви к малой родине, воспитание патриотизма.

ПРОБЛЕМЫ КРАЕВЕДЕНИЯ. Кроме вышеописанных проблем школьного краеведения, существует целый ряд проблем общего характера, присущих многим краеведческим сообществам, в том числе и стругокрасненскому.

1. Проблема создания и продвижения краеведческих ресурсов, распространения краеведческих изданий и в целом – знаний.
2. Организация научно-исследовательской деятельности лишь в свободное от основной работы время, в результате – недостаток времени;
3. Проблема использования новых информационных технологий (создание сайтов и форумов, организация интернет-публикаций и т.п.) в связи с отсутствием знаний по использованию передовых технологий;
4. Обеспечение сохранности и учёта краеведческих материалов, их обобщение;
5. Проблема методической поддержки деревенских библиотек и краеведов;
6. Трудность поиска информации в изданиях, отсутствие электронных копий изданий и указателей по содержанию литературы.

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. В данный момент в Стругокрасненском районе существует коммуникация и обмен информацией между заинтересованными лицами, краеведами, но нет *научного* руководства.

1. Основные направления работы краеведческого общества:
2. Планирование и отчётность.
3. Поддержка и поощрение результативных краеведов.
4. Направление поисковой деятельности.
5. Издательская деятельность.
6. Просветительская деятельность.
7. Работа по сохранению памятников культуры.

Литература

1. Школьная сеть Лужского уезда СПб губ., 1911.
2. Шабад Ц.А. Санитарное состояние сельских школ Гдовского земства и санитарно-гигиеническое положение учащихся в них. По данным, собранным зимой 1910 года путём личного осмотра и опроса. Москва, 1910
3. Варшавский С.Я. Обзор развития земской медицины в Лужском уезде С.-Петербургской губернии: С 1868 по 1889 год. СПб, 1889.
4. Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей/ Под ред. А.Бекетова. Т.IV. –СПб, 1873.
5. Гильзен К.К. Исследование грунта озёр России: Озёра «Песчино», «Малое Линно» и «Долгое» Лужского уезда С.-Петербургской губернии. – СПб, 1902.
6. Провинциальный некрополь. СПб, 1914.
7. Соболев В.Ю. Материалы раскопок у деревень Логовеще и Селище в собрании фонда археологии МАЭ// Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып.1. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2006. Стр. 302-341
8. Памятные записи о церквях и приходах в уездных городах и сёлах Петроградской епархии. Ч.1. Уезды: Гдовский, Лужский, Новолодожский и Петергофский. – Пг, 1915.
9. Преподобный Феофил Лужский и основанная им Омучская обитель. СПб, 1902.
10. Князев А. Иеромонах Мардарий, псковский пустынножитель. – Остров, 1896.

ПУТЬ ДЛИНОЙ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА: ОТ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ СЕЛЬСКОЙ ИСТОРИИ ДО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ РОССИЙСКИХ ДЕРЕВЕНЬ

Цветков Н.А.,

*председатель Пыталовского регионального отделения
Всероссийского общества
«Энциклопедия российских деревень»*

В 1986 году было создано Пыталовское краеведческое общество по изучению сельской истории, состоящее из 7 человек. Первоначально в нём работали 4 бывших учителя истории сельских школ района, сотрудник районной библиотеки Евгения Васильевна Мартынова, заведующая отделом районной газеты Ольга Борисовна Пятковская и Николай Анатольевич Цветков, научный сотрудник музея «Дружбы Народов», – филиала Псковского музея-заповедника.

Новым этапом стал 1994 год, когда Н.А. Цветков перешёл на работу в профтехучилище №19 и создал юношескую секцию общества. В этот период члены общества занимались изучением родословной семьи, трудовыми династиями, известными людьми сельского сообщества. Начался сбор информации по основным промыслам и праздникам края. В дальнейшем прошла реорганизация общества в Региональное отделение.

Различные задачи решает сейчас Пыталовское региональное общество «Энциклопедия российских деревень». Во-первых, его активисты используют все имеющиеся интеллектуальные ресурсы района, чтобы исследовать, осмыслить и доступно изложить историю развития материальной и духовной культуры не только Пыталовско-

го края в целом, но и его отдельных территорий, проживающих на них сельских сообществ.

Для этого составляется полный перечень всех населённых пунктов, когда-либо существовавших на территории района, и собираются материалы для их описания. Например, в 2005 году в этот список входило 513 сельских населённых пунктов, к 2010 году он увеличился ещё на 84 деревни. Составляются родословные сельских семей и известных своей общественно-благотворительной деятельностью в прошлом крупных землевладельцев Пыталовского, Островского и Красногородского районов. Ежегодно пополняются сведения об известных земляках, открываются малоизвестные страницы истории района.

Работа регионального общества построена на некоммерческой основе – на инициативе и энтузиазме людей различных возрастов и профессий: это бескорыстная общественная работа рядовых граждан. Она оказалась возможной потому, что инициативы и начинания активистов регионального общества «Энциклопедия российских деревень» находят понимание и поддержку муниципальных органов власти, руководителей и общественных организаций. Работники муниципальных органов устанавливают контакты с предпринимателями, изыскивают технические и финансовые ресурсы на проведение мероприятий регионального общества. Конечно, поддержка оказывается не всех, не любых инициатив, а тех, которые соответствуют общей социально-экономической стратегии развития района.

Администрация района и активисты регионального отделения «ЭРД» стремятся сделать научно-исследовательскую и историко-краеведческую работу настолько добротной и качественной, чтобы она приобрела форму либо законченного научного труда, либо стала учебником или учебным пособием в сельских школах.

Самым большим достижением регионального общества стало издание при организационной и финансовой поддержке Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова трёх крупных монографий.

В 2005 году в книге «История пыталовских деревень» были опубликованы результаты 20-летних историко-этнографических и социально-экономических исследований населённых пунктов района. В 2008 году изданы исторические и социально-экономи-

ческие очерки о развитии сельского хозяйства района в XX веке – в книге «Апология и проблематика семейного хозяйства», а в 2009 году в серии научных трудов ВИАПИ им. А.А. Никонова вышла монография «Материальная и духовная культура пыталовских крестьян в XVIII-XX вв.».

В 2009-2010 годах при финансовой поддержке Администрации района были опубликованы две книги: очерки истории населённых пунктов сельского поселения «Пыталовская волость» – «В междуречье Утрой и Кухвы» – и брошюра «Антифашистское сопротивление в годы Великой Отечественной войны на территории Пыталовского района».

С начала 2000-х годов полевые исследования носят комплексный характер. Во время полевых исследований формируется один научно-исследовательский коллектив (Экспедиция) из экономистов, краеведов, историков, журналистов, преподавателей, учащихся школ и сельского профтехучилища. Такая организация оказалась довольно эффективной: большой объём экономических, социологических, историко-этнографических работ выполняется при минимальных транспортных и материальных затратах. При этом обеспечивается высокое качество, так как все работы ведутся по единому организационно-методическому плану и у всех участников, особенно молодых людей, есть возможность в процессе сбора материалов получить совет, консультацию от старших специалистов.

За последние 10 лет на страницах газеты опубликовано 390 материалов членов общества. Н. Цветковым, членом Союза краеведов России, и Н. Вавиловым, членом Союза журналистов России, подготовлено и выпущено 29 разворотов и полос краеведческого выпуска в газете под названием «Край мой, что мне известно о тебе».

В работе местных краеведов и историков участвуют сотрудники районной газеты «Наша жизнь». На страницах газеты постоянно даётся материал по истории Пыталовского района.

Самая массовая работа проводится в школах и профессионально-техническом училище № 19. Чрезвычайно важно, что в школах не только изучается история Псковской области и Пыталовского района, но и исследуются отдельные территории, сельские поселения, деревни и хутора. Эта работа наиболее эффективно ведётся в тех школах, где она не ограничивается классными часами, а дополняется широкой историко-краеведческой, поисковой и туристичес-

кой деятельностью, где созданы школьные музеи, уголки истории, краеведческие комнаты, где систематически обновляются музейные экспозиции.

Практическим воплощением всей исследовательской и культурно-просветительной работы в районе стали систематические историко-краеведческие конференции, в которых принимают участие жители района всех возрастов. В 2009 году сотрудники Краеведческого музея «Дружба народов» и активисты Пыталовского отделения культурно-просветительского общества «ЭРД» выполнили исследовательский проект «Отчий дом. Связь времён и поколений» – при финансовой поддержке Администрации Псковской области.

Ежегодно осенью в районе проводятся историко-краеведческие конференции под общим названием «Никоновские Чтения». Они посвящены памяти академика РАСХН Александра Александровича Никонова. Организаторами «Никоновских чтений» являются отделы Администрации района, общество «ЭРД», Пыталовская лаборатория ВИАПИ им. А.А.Никонова. Конференции проходят в нескольких секциях: «Жизнь и деятельность академика А.А.Никонова», «Летопись родного края», «Великая Отечественная война», «Родословье» и других.

В 2010 году состоялись очередные «Никоновские чтения». Они прошли как межрайонная научная историко-краеведческая конференция, на пленарных и секционных заседаниях которой были заслушаны и обсуждены доклады научных работников ВИАПИ им. А.А.Никонова, Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, преподавателей и учащихся Пыталовского, Новоскольнического, Красногородского и Островского районов Псковской области.

СЛЁТ ЮНЫХ КРАЕВЕДОВ КАК ФОРМА ПОДВЕДЕНИЯ ИТОГОВ РАБОТЫ ЗА ГОД

(Из опыта работы муниципальной системы образования)

Белюкова С.В.,

*ведущий специалист Управления образования
Администрации города Великие Луки,
почётный работник общего образования РФ,
член Союза краеведов России*

Слёт юных краеведов является известной и популярной формой проведения краеведческих мероприятий. Как правило, слёт используется при подведении итогов работы за какой-то временной промежуток. Уровень слётов – от районных и городских до всероссийских. Последний Всероссийский слёт состоялся в июле 2012 года в Смоленской области.

В Великолукском образовании слёты юных краеведов как форма подведения итогов работы ежегодно проводятся с 2008 года. Есть и традиционное время проведения слёта – День Великолукского образования. Слёт обязательно прописывается в афише мероприятий, имеет своё название: «Юные граждане Великих Лук», «Мы – великолучане», «Внуки героев Победы». В 2008-2010 гг. слёт проводился в Краеведческом музее города Великие Луки, затем – в связи с нехваткой места для участников – переместился в школу № 1, старейшее учебное заведение Великих Лук. Общая численность участников слёта за 5 лет колебалась от 40 до 90. На слёте присутствуют обучающиеся, педагоги, представители Управления образования, Комитета по делам молодёжи, городского Совета ветеранов, общественных организаций, сотрудники музеев и библиотек. Организатором является Отдел туризма и краеведения Дома детского творчества имени Александра Матросова.

Ключевой темой всех слётов является подведение итогов гражданско-патриотической акции «Обелиск у дороги», которая проводится с 15 апреля по 15 мая в рамках городской Вахты памяти, посвящённой Дню Победы. Городская патриотическая акция «Обелиск у дороги» появилась в Великих Луках в 1995 году. Инициаторами её проведения были педагоги городской Станции юных туристов. Эта идея была поддержана руководителями школьных музеев, педагогами-краеведами города. Акция направлена на продолжение деятельности по сохранению воинских захоронений как объектов исторического значения, организацию благоустройства территорий, прилегающих к ним.

За последние годы увеличилось не только количество коллективов – участников акции, но и число благоустраиваемых объектов. В 2006 году в акции принимали участие 17 детских коллективов. С их помощью было благоустроено 18 объектов. В 2007 году 21 детский коллектив благоустроил 27 братских и одиночных захоронений. В 2008 году 20 детских коллективов приняли участие в благоустройстве 30 объектов. Большинство из них – это захоронения, связанные с историей Великой Отечественной войны. Но необходимо отметить тот факт, что увеличивается число объектов, связанных с расширением зоны действия акции, объявленных в 2005 году, когда возникла необходимость ухода за могилами великолучан, оставивших заметный след в истории города или конкретного образовательного учреждения.

На слёте показываются объекты акции, их состояние до и после благоустройства, участники акции рассказывают о некоторых из них.

Одним из традиционных мероприятий, затрагивающих историю своего края, семьи, является конкурс исторических исследовательских работ среди старшеклассников «Человек в истории. Россия XX век». Организаторами конкурса являются Международное культурно-просветительское и правозащитное общество «Мемориал», Союз краеведов России. На слёт юных краеведов всегда приглашаются участники конкурса, лучшие из которых представляют свои работы.

Каждый слёт имеет и свои особенности. В 2009 году на слёте подводились промежуточные итоги муниципального проекта «С именем Софьи Ковалевской», который был посвящён 160-летию со дня её рождения. Финальные мероприятия (конференция исследова-

тельских работ с участием ребят из Москвы, Эстонии, Литвы, а также бал) прошли в январе 2010 года.

Слёт 2010 года проходил под девизом «Внуки героев Победы» и был посвящён 65-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. На слёте были награждены участники Всероссийского конкурса «Я помню! Я горжусь!» и призёр областного смотра школьных музеев (школа № 7).

Темой 200-летия Отечественной войны 1812 года были объединены слёты 2011 и 2012 годов. В 2011 году были награждены участники областной КВН-викторины «Дорогами 1812 года», в 2012 году свои размышления по данной теме представили участники областного конкурса творческих работ «Недаром помнит вся Россия». Дипломами победителей и книгами «Герои 1812 года» из серии «100 великих» были награждены победители Интернет-викторины «Недаром помнит вся Россия про день Бородина!». Интернет-викторина проводилась Центром детского (юношеского) технического творчества совместно с Псковским отделением Научно-педагогического союза историков России, в ней приняли участие 729 обучающихся, победителями стали 173 участника, набравшие максимальное количество баллов.

На слёте 2012 года была озвучена тема 1150-летия Изборска. Свои изыскания представили участники областной краеведческой викторины «Изборск – железный и прекрасный». А победителю областного фотоконкурса «На страже России» был вручён диплом Псковского областного Дома детства и юношества «Радуга».

Событиями слётов 2011 и 2012 годов стала презентация «Страницы юного краеведа» краеведческого альманаха «Великолукский вестник», издаваемого Комитетом культуры Администрации города Великие Луки, Общественным советом по сохранению историко-культурного наследия и Великолукским краеведческим обществом. Сборники юным авторам вручали председатель Великолукского краеведческого общества Г.Т.Трофимова и председатель общественного совета Д.А.Белюков. Экземпляры сборников переданы во все школьные библиотеки (директор ЦГБ им.М.И.Семевского Г.В.Ковалёва).

2012 год был насыщен юбилейными датами. Не все они нашли отражение в формате Слёта юных краеведов. Но о них хочется упомянуть, т.к. они имеют чёткую краеведческую направленность.

В День Великолукского образования состоялось проведение интерактивной экскурсии «Древние города Псковской губернии», посвящённой 1150-летию Российской государственности. Интерактивная экскурсия была подготовлена учителями истории Н.В. Осиповой и Т.Н. Кулаковой по экспозиции в краеведческом музее. А методисты Дома детского творчества имени А. Матросова (Т.М. Дроздова и А.И. Голубовская) подготовили интерактивную выставку из фондов Музея истории образования в формате музейного пикника – «Музейный пикник «Пионеры-90».

В планах Управления образования – сохранение такой формы подведения итогов работы. В 2013 году программа слёта предполагает быть не менее насыщенной, так как 2012–2013 учебный год Коллегией при Управлении образования объявлен Годом историко-культурного наследия, а план работы включает большое количество тематических мероприятий.

Хочется отметить, что Администрацией города Великие Луки ведётся подготовка к 850-летию Великих Лук, которое будет отмечаться в 2016 году. Одним из предложений Управления образования является проведение Слёта юных краеведов Городов воинской славы России.

2008 г. Итоги акции были подведены на Слете юных краеведов 30 мая в День Великолукского образования.

2009 г. В Краеведческом музее прошел слёт активистов детских общественных объединений «Юные граждане Великих Лук». На котором были подведены итоги патриотической акции «Обелиск у дороги», Всероссийской акции «Мирное небо», Всероссийского конкурса «Человек в истории. Россия XX век», городского конкурса проектов общественных инициатив, акции «Колокола для звонницы», проекта «С именем Софьи Ковалевской».

2010 г. В Краеведческом музее прошел слёт юных краеведов «Внуки героев Победы», на котором были подведены итоги патриотической акции «Обелиск у дороги», награждены участники Всероссийского конкурса «Я помню! Я горжусь!» и призёр областного смотра школьных музеев (школа №7).

2011 г. Итоговым краеведческим мероприятием года стал слет «Юные граждане Великих Лук» 19 мая в День Великолукского образования. На слёте были подведены итоги патриотической акции «Обелиск у дороги», состоялась презентация «Страницы юного кра-

еведа» городского краеведческого альманаха «Великолукский вестник», издаваемого Комитетом культуры Администрации города Великие Луки, Общественным советом по сохранению историко-культурного наследия и Великолукским краеведческим обществом, были награждены участники областной КВН-викторины «Дорогами 1812 года» и победители городского этапа конкурса «Отечество».

2012 г. В течение учебного года обучающиеся принимали участие в мероприятиях, посвящённых 200-летию Отечественной войны 1812 года. Отделом туризма и краеведения проведён конкурс творческих работ «Недаром помнит вся Россия». Работы победителей были направлены на областной конкурс. В Интернет-викторине «Недаром помнит вся Россия про день Бородина!» приняли участие 729 обучающихся. Интернет-викторина проводилась ЦДЮТТ совместно с Псковским отделением Научно-педагогического союза историков России (председатель Д.А.Белюков, кандидат исторических наук). Победителями стали 173 участника, набравшие максимальное количество баллов. Администрацией школы №13 был проведён региональный этап VIII Открытой Всероссийской интеллектуальной олимпиады школьников «Наше наследие» по теме «Отечественная война 1812 года» с приглашением команд из других образовательных учреждений. Победители регионального этапа (лицей №11) приняли участие в олимпиаде в Москве.

В этом году учащиеся Великих Лук показали хорошие результаты в областном и Всероссийском конкурсе исследовательских краеведческих работ учащихся «Отечество». В Пскове приняли участие 11 обучающихся, 4 из них стали призёрами. В Москве побывали 4 еловека (2 стали призёрами).

Итоговым краеведческим мероприятием года вновь стал слёт «Юные граждане Великих Лук» 22 мая в День Великолукского образования. На слёте были подведены итоги патриотической акции «Обелиск у дороги», состоялась презентация «Страницы юного краеведа» второго городского краеведческого альманаха «Великолукский вестник», издаваемого Комитетом культуры Администрации города Великие Луки, Общественным советом по сохранению историко-культурного наследия и Великолукским краеведческим обществом, были награждены участники областных конкурсов, посвящённых 1150-летию Изборска (краеведческая викторина «Изборск – железный и прекрасный» и фотоконкурс «На страже России»).

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРОДА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ И ИХ РОЛЬ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО (К 1150-летию первого упоминания Изборска в летописи)

ПРОБЛЕМЫ ТОПОНИМИКИ ИЗБОРСКА

Левин Н.Ф.,

краевед,

Почётный гражданин города Пскова

«**И**зборск... Какой глубокой древностью звучит это имя в русском сознании!». Таким восклицанием Н.Ф. Окулич-Казарин начал свой очерк «Летописная история Изборска», напечатанный в 12-м выпуске «Трудов Псковского археологического общества», а перед этим прочитанный им на общем собрании ПАО 26 апреля 1916 года. Уже в следующем абзаце он был вынужден отметить, что «происхождение названия «Изборск» до сих пор не установлено в науке». И теперь, почти через век, несмотря на множество трудов, посвящённых этой проблеме, приходится признать, что учёные не приблизились к её решению и даже запутались в своих предположениях.

Одной из главных ошибок исследователей является их пренебрежительное отношение к народным преданиям. В.В. Седов цитирует их в главе «Топоним Изборск» своей книги «Изборск в раннем Средневековье» 2007 года, ссылаясь на публикацию Г.А. Бока: «Изборск от реки Иссы (Issa) назывался Иссаборгом. Исса (Issa) по-эстонски значит Отец: река, носящая это название (т.е. река Исса), изливается из Псковского озера в Чудское озеро, а со стороны Лифляндии изливается в Чудское озеро река Эмба, которая по-эстонски называется

Эмма-Иэгги (Emma-Joggi), а на эстонском языке Эмма значит «мать», и потому легко можно принять предположение, что в пиитических вымыслах древне-эстонского или финского племени Исса-Иегги и Эмма-Иегги (Issa-Joggi, Emma-Joggi) изображают иносказательный смысл отца и матери озера Пейпуса (т.е. по-русски Чудского озера). По Седову: «Всё это выглядит несколько фантастично».

Уточним, что эта цитата извлечена из Дерптского еженедельного издания «Das Inland» от 21 мая 1853 года. Уже через месяц, 20 июня, корреспондент столичной «Северной пчелы» в «подвале» газеты поместил обширную заметку «Журнальная всякая всячина», начинавшуюся с рассуждений о названии Изборска. Он, в частности, отметил, что Г.А. фон Бок сослался на сведения, полученные от покойного учёного, исследователя русской истории, уроженца Дерпта (Тарту) Аарона-Христиана Лерберга (1770–1813), и это усиливает их достоверность. Похвалы его трудам содержатся и в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Другой вариант народного предания обнаружен нами в статье «О полуверцах Псковской губернии», перепечатанной без подписи «Псковским городским листком» 3 января 1888 года из «Эстляндских губернских ведомостей»:

«Что Псковская губерния некогда, до вторжения славян на север, была заселена эстами или чудским народом, это доказывают сохранившиеся доселе названия. Бассейн р. Великой, некогда Suur Ima, Suur Ima jogi (Великая Мать река) или Midawa (мутная вода), ещё в настоящее время имеет немало местных названий финского или чудского происхождения. Остаток обрусевших чудских народностей представляет в настоящее время ещё Печерский край, где живут т. н. полуверцы, или Setukesed. Этнографическая граница между Сету и русскими начинается с Изборска (в древности Isaborg – замок, построенный Томасун (?) на Isa jogi (Отец-река), идёт отсюда на север к Псковскому или Талабскому озеру...». (Знак вопроса поставлен в скобках автором заметки. Ему явно не был известен какой-то правитель Томас, по мнению аборигенов строивший Изборск).

Особый интерес представляют появившиеся здесь псковские топонимы. Псковичам не безразлично происхождение названия их главной реки, без которой здесь не мог появиться большой средневековый город. Казалось бы, вопрос ясен. По этимологическим словарям в древнерусском языке вель, велий означал большой. В. Даль в «Словаре живого великорусского языка» тоже объяснял слово «ве-

ликий» приземлённо: «превышающий обычную меру, сравнительно с другими, обширный, большой». Конечно, дославянские народы имели своё название реки. Оно и приведено выше. Его подтвердил учёный-лингвист Юрий Трусман, который в 1885 году совершил поездку по западной окраине Псковской губернии, неделями жил в семьях народности сету и в 1-м выпуске издания Императорского Русского географического общества «Живая старина» (1890 г.) опубликовал статью «Полуверцы Псково-Печерского края». В приложенном к ней небольшом словаре указано, что эти люди называют реку Великую «Pihkwa (Псков – *НЛ*) ima jogi, Suur uma jogi, Suur ima».

В книге «Этимология местных названий Псковского уезда», напечатанной в Ревеле (Таллинне) в 1897 году, Трусман так же объяснил её название: «... у Эстов Suur Ima (jogi), т. е. Великая Мать (река), названная так по сравнению с Mater aquarum = Ema wezi (у ливов Мать вода – *НЛ*) = Омовжа (Омовыжа) = Embach. В Ливонских хрониках XV–XVII веков Великая называется Mudowa (Mudde), т. е. чудская Тинистая вода». В конце книги, в «Дополнении» Трусман добавил: « по грамоте Василия Иоанновича от 1531 г. Embock = Матёрая река».

Таким образом, прилагательное Suur (Великая) потребовалось для обозначения псковской реки, чтобы отличать её от другой Uma-jogi (Мать-реки). С 1918 года по-эстонски оно звучит «Эмайги» и по-прежнему переводится как «Мать-река». Много раз менял своё название и город Тарту, расположенный на обоих её берегах. Князь Ярослав Мудрый построил там в 1030 году крепость и назвал её во своё христианское имя – Юрьев. Немцы, занявшие её в 1224 году, переименовали город в Дерпт, а реку – в Эмбах, что звучит обидно, т. к. Bach – всего лишь «ручей», в лучшем случае «речка». 14 января 1893 года император Александр III вернул городу русское имя. Следовательно, название реки Великой придумали не славяне-кривичи, а их предшественники, и оно является калькой с эстонского слова «Suur».

Более чем тысячелетнее существование в Эстонии топонимов, означавших в переводе «Мать-река», а также дославянское название реки Великой подтверждают, что народные предания о реках, питавших Псково-Чудской водоём и Псковскую землю, основаны на реально бытовавших здесь наименованиях. Поэтому не следует априори отбрасывать, считать фантазией и вторую часть народного предания, по которому в древности была также Isa-jogi (Отец-река), и на ней был построен Изборск.

Мысль о том, что Изборск значит Исаборг, т. е. город на реке Исе, первым высказал выдающийся российский историк академик Герард-Фридрих Миллер (1705-1783), 20-летним юношей навсегда перебравшийся в Россию. Его диссертацию и речь на заседании Академии Наук «Происхождение имени и народа Российского» раскритиковал в 1749 году М.В. Ломоносов, стремившийся доказать, что варяги были славянским народом. Мысль Миллера о названии Изборска он назвал весьма смешной и выдуманной для того, чтобы «опровергнуть потомков Гостомысловых во Пскове». По его мнению, одной из них была псковитянка Ольга (Ломоносов. Полное собрание сочинений. – 1952, т. 6, с. 21). Не согласился с Миллером и Н.В. Карамзин, поскольку «Иса далеко от Изборска» («История государства Российского», т. 1, 1989, с. 241). При этом он явно имел в виду реку Иссу, впадающую в Великую.

И в дальнейшем часть учёных, включая В.В. Седова, считала невозможным «объяснять происхождение названия города Изборска ни от небольшой речки Исайоги, протекающей в 70-80 километрах, ни от реки Исса, левого притока р. Великой...». Хотя наличие не менее двух рек с основой «Иса» на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга подтверждает популярность этого гидронима и не опровергает возможность существования в какое-то время ещё одного такого названия в другом месте. К тому же, ни об эстонской Исайоги, ни о псковской Иссе не встретились сведения, когда, в какие века, от какого народа и почему эти реки получили свои названия.

В статье «О происхождении названия г. Изборска и древнего населения его окрестностей», напечатанной в третьем выпуске указанного сборника «Живая старина» за 1894 год, Трусман отметил, что «названия местностей, начинающиеся с Isa, встречаются также в Эстонии», и привёл примеры. Он обратил внимание на то, что для замков, крепостей, построенных у рек и озёр, зачастую первую часть названия составляет гидроним. Ярким доказательством, сходным по звучанию с Изабургом, является город на реке Двине, называвшийся по-немецки «Динабург». Одновременно с Дерптом, которому в 1893 году вернули прежнее имя Юрьев, и Динабургу было возвращено славянское название Двинск (ныне Даугавпилс на Даугаве, в котором латышское «пилс» означает «город», как, в частности, и в Вентспилсе на реке Вента).

Фрагмент шведской карты 1690 года

Несомненно, в древние времена под Изборском протекала более широкая река. Чтобы убедиться в этом, достаточно выйти из каменной Изборской крепости через «тайный вылаз» на её левый крутой берег или подняться на смотровую площадку башни Луковка и взглянуть вниз и вдаль, любуясь обрывистой речной долиной. Через много веков на картине «Заморские гости» такой полноводной её рисовал Н.К. Рёрих. Эти гости, двигаясь по воде к Изборску, видели перед собой единую водную артерию и называли её одним общим словом. Оно, конечно, появилось задолго до прихода сюда славян с их князьями и было придумано местными, дославянскими племенами. Известен только один вариант этого названия – *Isa*, означавшее у них «отец». Естественно, что появившийся на ней замок, как и у множества населённых пунктов по всему миру, стал городом на *Изе*.

К сожалению, уже после его постройки этот водный путь значительно обмелел и перестал быть водной дорогой к Изборску (Пока трудно сказать, в какое конкретно время этот процесс протекал особенно активно, поскольку не встретились научные труды на такую тему). Отпала и необходимость пользоваться общим названием водного пути, который чётко распался на отдельные зримые участки, получившие у жителей этих мест свои наименования. Некоторые из них, несомненно, дали славяне: Городищенское озеро, речка Сходница, соединяющая его с Мальским озером; вероятно, Смолка. Известно только более раннее название реки Бдѣхи, вытекающей из Мальского озера и впадающей в Псковское озеро. По книге Трусмана «Этимология местных названий Псковского уезда», до славян оно называлось «*Petaj*», в переводе «сосна».

Убедительным доказательством существования древнего общего названия водного пути из Псковского озера к Изборску являются старинные географические карты. Псковский археолог К.М. Плоткин в докладе «Об Изборске-Исборге и р. Исе», читанном в 1989 году на научно-практической конференции «Археология и история Пскова и Псковской земли» (перепечатанном почти дословно в шестом выпуске «Петербургского археологического сборника» 1993 года), отметил: «Особый интерес представляет карта Ливонии и Курляндии Геральда Фалька», изданная в Стокгольме в 1690 году. Она охватывает и местность у западного берега Псковского озера. На ней рядом с городом «*Isborsk*» обозначена одна «*R. Issa Reha*». Рядом с названием реки добавлено латинскими буквами русское слово «Река»,

Картина Н.К. Рериха «Заморские гости»

1901. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея. Москва

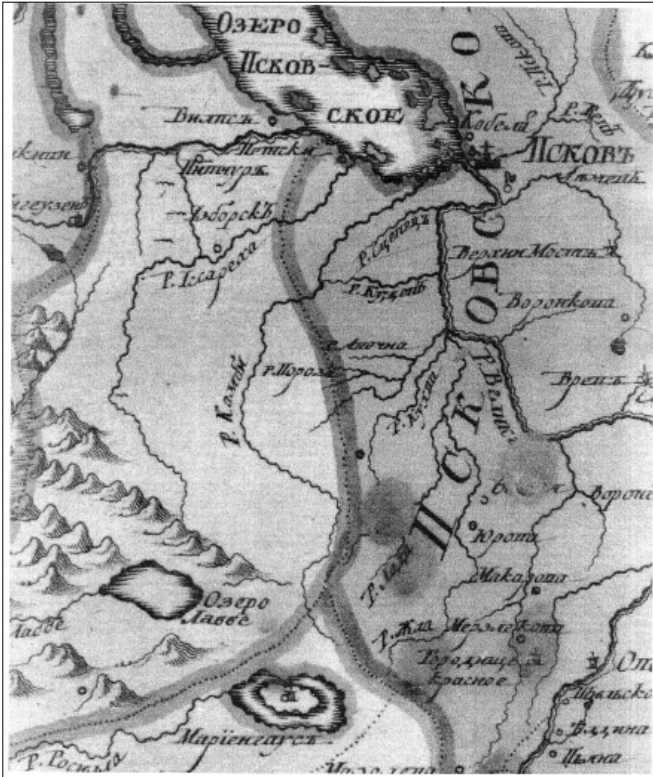
а это значит, что «название позаимствовано из русского источника». Дополним Плоткина: это подтверждается и тем, что название города дано с приставкой «sk», которой издавна пользовались русские, но не немцы и не шведы.

Шведская карта Фалька стала иллюстрацией к статье в первом номере Журнала любителей старины «Восточный путь» («Austweg») за 1995 год, вышедшего в Таллинне на эстонском и русском языках. В тексте под нею отмечено, что на других картах XVII-XVIII веков Изборск назывался Isborg, Isburg, Iseborg, т. е. без приставки «ск». А в заметке К.М. Плоткина говорится о ещё более древней карте Прибалтики, составленной в 1626 году А. Буреусом. У Трусмана упоминается менее известная карта Лотера, на которой тоже изображена река Isa, «что значит на наречиях западных финнов отец». К сожалению, как Трусман, так вслед ему и Плоткин отождествляли Иссу толь-

ко с Бдѣхой, хотя на картах она обозначает весь водный путь от Изборска до озера. Это позволило В.В. Седову не признать наличие Иссы возле Изборска под предлогом, что «Изборское городище расположено довольно далеко в стороне от реки Бдѣхи».

Неожиданной находкой оказалось упоминание реки Иссы в «Записках Сергея Алексеевича Тучкова. 1766-1808», изданных в столице ровно через век. Сообщение о них опубликовано недавно в Материалах конференций 2010-2011 годов «Изборск и его округа». Этот капитан с весны 1781 года пару лет квартировал в «Печерской округе», осматривал Изборск в сопровождении местного священника и в воспоминаниях отметил: «Сей град находится при реке Исее, что ныне называют Сливенские ключи». Допущенные им небольшие описки в названиях не мешают нам понять, о чём идёт речь. Для нас важно, что тогда ещё помнили, как в древности называлась река, протекавшая не «довольно далеко», а непосредственно у Изборска.

Кажется странным, что Тучков, по сути, назвал всю реку от Изборска до Псковского озера Славянскими ключами. Мы привыкли именовать так только те водопады, что выливаются из невидимого подземного источника над берегом Городищенского озера. Оказалось, что это соответствовало представлениям того времени. Немецкий историк Август-Людвиг Шлёццер, изучавший в России с 1761 по 1767 год русские летописи, в своём главном труде «Нестор» отметил: «Изборг сидит на речке, называемой Славянские ключи. Кажется, что он прежде назывался Исабург, следовательно по-скандинавски, а назван так по одной тамошней реке Иссе» (т. 1, с. 338, прим. 8). Ему вторил «Словарь Российского государства» Афанасия Щекатова, напечатанный типографией Московского университета в 1804 году: «Изборск, древнейший престольный град Изборского княжества, стоящий на Славянских ключах, впадающих в Чудское озеро...» (т. 2, с. 709). Тогда Псковское озеро считалось притоком Чудского. Кратко и намного раньше об этом сказано и в «Книге Большому Чертежу», составленной Разрядным приказом в 1627 году «для государственной службы посылки»: «От Пскова 30 вёрст к западу город Изборск, стоит на Славенских ключах». На третьей карте «Атласа Российского», изданного Императорской Академией Наук в 1745 году, охватывавшей Прибалтику и соседние русские земли, в том числе Псковскую провинцию, видно, что под Изборском протекает «Р. Иссареха», т. е. река Иза. А на «Атласе Российской Империи», изданном Геогра-

Фрагмент карты из «Атласа Российской Империи» 1745 года

фическим департаментом в 1800 году, Изборск показан на реке Славянские ключи.

Приведённые факты достаточны для того, чтобы с уверенностью утверждать, что первая часть топонима Изборск происходит от старинного названия реки Изы.

Несколько слов следует сказать по поводу версии, наиболее часто употребляемой в последнее время благодаря авторитету академика В.В. Седова. Как он сам пишет, ещё в 1982 году им «высказано **предположение** о том, что топоним «Изборск» образован от славянского антропонима Избор, **возможно**, предводителя одной из группировок славян, осевших в середине I тыс. н.э. в Изборском крае». И это

несмотря на то, что никаких конкретных сведений о существовании такой личности нет. Его аргументы сводятся к тому, что имя Избор в древности употреблялось и названия населённых мест и водных объектов, сходных с ним, имеются. Однако не исключено, что они появились от более распространённого и созвучного топонима «извор», означающего «родник, ключ, источник». Он указан в топонимических справочниках, а Э.М. Мурзаев в «Словаре народных географических терминов» привёл несколько примеров (Москва, 1984, с. 230). Чередование букв «б» и «в» распространено довольно широко.

Читателям и научному миру придётся выбирать между предположением В.В. Седова и фактом существования реки Изы. А экскурсоводы пусть чаще рассказывают о народных преданиях, позволяющих узнать, откуда берутся названия древнего Изборска, а также рек Великой и тартуской Эмайыги.

РЕСУРСЫ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ОБ ИЗБОРСКЕ

Сторокожева Е. С.,

зав. сектором Отдела краеведческой литературы

Есть места, обладающие повышенной знаковойностью в истории страны, государства, и Изборск, упомянутый в «Сказании о призвании варягов», безусловно, можно к ним отнести. Изборская крепость, Никольский собор, Труворово городище, Словенские ключи воспринимаются как визитные карточки Изборска и всей Псковской области. Памятники природы, археологии, архитектуры уже давно стали излюбленными мотивами в творчестве поэтов, художников, фотографов, предметом многочисленных научных изысканий. На всех, кто бывал в Изборске, он производит глубокое впечатление. Но для понимания души того или иного места мало своих личных впечатлений, необходимо обратиться к опыту других, живших до нас. Этот опыт запечатлен в картинах, художественных и научных текстах, сохранении самой крепости.

Псковская областная универсальная научная библиотека, внося вклад в общее дело, разработала сайт «Изборску – 1150 лет». Главное внимание мы направили на документы об Изборске, хранящиеся в фонде библиотеки, и те из них, на которые не распространяются ограничения авторского права, оцифровали и представили на сайте.

Первый раздел «Литература об Изборске». История Изборска привлекала внимание дореволюционных исследователей. Отметим работы Н. Ильинского, Е. Болховитинова, Н. Ф. Окулич-Казарина, В. Биркенберга и другие. Материалы об Изборске печатались в Трудах Псковского Археологического общества, Известиях Императорской Археологической Комиссии, сборниках Московского архива министерства юстиции, в Псковских губернских ведомостях и Псковских епархиальных ведомостях. Отметим, что труды митрополита Евге-

ния (Болховитинова) и Н. Ильинского в полнотекстовой библиотеке «Псковiana» – в числе самых популярных книг об Изборске. Также с материалами о Печорском крае и Изборске можно познакомиться в сборнике «Святыни и древности Псковского уезда»; подробный обзор этих материалов подготовлен составителем сборника – краеведом, Почётным гражданином города Пскова Натаном Феликсовичем Левиным. Биографические справки, литература о псковских краеведах и их труды представлены в Галерее псковского краеведения.

В следующем разделе – **«Исследования об Изборске»** – представлены рекомендательные списки литературы. Обращают на себя внимание материалы научно-практической конференции «Изборск и его округа». Работы об Изборске публиковались также в сборниках «Земля псковская, древняя и современная», «Археология и история Пскова и Псковской земли», периодических изданиях «Советская археология», «Российская археология», «Краткие сообщения института истории материальной культуры», «Краткие сообщения института археологии», в журнале «Псков». На страницах этих изданий рассматривались самые разные вопросы: археология и история Изборска, история и современная деятельность музея-заповедника «Изборск», природное наследие, Изборский край в литературе, живописи, кино, малочисленный народ сето, туристические возможности региона и другие.

Интерес к истории этого древнего города проявляли учёные-археологи разных поколений. Но особой страницей стала экспедиция под руководством В.В. Седова в 1970–1992 гг. В ходе этой экспедиции было раскрыто значение Изборска как выдающегося исторического памятника. Этапная книга по археологии Изборска – это труд В.В. Седова «Изборск в раннем средневековье».

Изборск издавна привлекал внимание путешественников, некоторые оставили свои заметки; позже для удобства приезжающих сюда гостей появились путеводители, включающие необходимый набор исторических, географических и иных сведений.

Своеобразие того или иного места порой выражается в легендах и преданиях, и им посвящён отдельный раздел на сайте об Изборске. Некоторые предания были собраны и записаны Сергеем Алексеевичем Щербаковым, одним из инициаторов любительского объединения «Изборская пятница». Часть текстов приводится в полном объёме.

О важнейших событиях из жизни музея-заповедника «Изборск», вопросах сохранения историко-культурного и природного наследия, малоизвестных фактах из истории Изборска, о людях, которые жили и живут на Изборской земле, можно узнать, прочитав статьи в газете «Изборская крепость».

Раздел «Краеведческая копилка» представляет собой фактографическую информацию об Изборске: старые фотографии, стихи, новые туристские маршруты...

Псковская областная библиотека сотрудничает с Фотоархивом Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). В 2011 году библиотекой в серии «Избранные страницы псковского краеведения» было выпущено издание «Псков в фотографиях древних мастеров: К.К. Романов». Позже появилась идея сделать подборку старых видов Изборска, снятых известными фотографами прошлого: Карлом Кампрадом, Иваном Чистяковым, Петром Покрышкиным, Константином Романовым и другими. Эти фотографии вы можете увидеть на нашем сайте. Негативы и позитивы хранятся в Фотоархиве ИИМК, с которым у нас сложились хорошие партнерские отношения.

В разделе «Стихи об Изборске» представлены стихотворения Е. Морозкиной, В. Воронкова, Г. Петрова, Е. Изюмова и других поэтов. Отметим, что Псковская областная библиотека располагает архивом Е. Изюмова и готовит несколько изданий, – в первый выпуск будут включены стихотворения, в том числе об Изборске.

В течение 2012 года сайт постоянно пополнялся. Были подготовлены различные тематические сюжеты с использованием представленных документов: путевые заметки дореволюционных краеведов, фольклорные традиции, малочисленная народность сето и другие. Изборску были посвящены и традиционные библиотечные мероприятия: презентация новых книг, книжные и художественные выставки, дни информации...

Итогом работы стало электронное издание из серии «Культура земли Псковской» «Изборску – 1150 лет», структура и содержание которого аналогичны сайту. В нём представлены рекомендательные указатели литературы «Откуда есть пошла Русская земля» и «Издания об Изборске» (с полными текстами документов, на которые не распространяются ограничения авторского права); а также экскурсии, легенды и предания, фотогалереи с видами Изборска.

Сохранение культурного и природного наследия Изборска, местных традиций формирует чувство малой родины, порождает неравнодушие к собственному краю, людям, его населяющим, к его истории и его будущему.

Библиография:

1. *Артемьев, А. Р.* Города Псковской земли в XIII–XV вв. / Рос. Акад. наук; Дальневост. отд.-ние; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток: [б. и.], 1998. – 418 с.: ил. – Библиогр.: с. 129–149.
2. Археология и история Пскова и Псковской земли: научный семинар: тезисы докладов / Псков. гос. объедин. ист.-архит. и худож. музей-заповедник; отв. ред. В. В. Седов. – Псков: Б. и., 1980.
3. *Биркенберг, В.* Изборск, как памятник крепостного зодчества, и Гремячья башня во Пскове / В. Биркенберг // Труды Псковского Археологического общества, 1915–1916 г. – Псков, 1916. – Вып. 12. – С. 23–31: фото.
4. Добро пожаловать в Изборск: [буклет / вступ. ст. и фот. Л. Н. Панова]. – Псков: Псковская областная типография, [2000]. – [1] л. (слож. втрое): ил.
5. *Докучаев, И. А.* Изборск на ладони: Путеводитель по памятникам древности в фотоработах Светланы Гавриловой и Леонида Панова. – Псков: Псковская областная типография, 2002. – 80 с.: ил. – (1100 лет Пскову).
6. *Евгений (Болховитинов Е. А., митрополит).* История княжества Псковского с присовокуплением плана г. Пскова. Часть 1–4 / митрополит Евгений (Болховитинов). – Киев: В типографии Киево-Печерской Лавры, 1831.
7. Земля Псковская, древняя и социалистическая: крат. тез. докл. к науч.-практ. конф., посвящен. XXVII съезду КПСС и 110-й годовщине музея-заповедника / Упр. культуры Пск. облисполкома; Пск. гос. объедин. ист.-архит. и худож. музей-заповедник; [под ред. А.И. Гусева]. – Псков: [б. и.], 1986. С 1990 г. – «*Земля Псковская, древняя и современная*».
8. *Игнатьева, В. П.* Путеводитель по Изборску и его округе / В. Игнатьева; [Гос. ист.-архитектур. и природ.-ландшафт. музей-заповедник «Изборск»]. – [Второе изд., доп.]. – Псков: Стерх, [2011]. – 181, [4] с.: цв. ил.
9. Изборск: музей-заповедник. – [Псков: б. и., 201-]. – [16] с.: цв. ил. + 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
10. Изборск и его округа: материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции

- (6–7 сентября 2001 года) / Ин-т археологии РАН; Ист.-архит. и природ.-ландшафт. музей-заповедник «Изборск»; [под ред. В. В. Седова]. – Псков: Историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск», 2002.
11. Изборск и его округа: материалы Международной научно-практической конференции, 2010–2011. – Изборск: Историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск»: Стерх, 2011. – 185 с.: ил., портр., карты.
 12. Изборск: история и современность: (материалы науч.-практ. конф. «Музей как центр развития мест. сообществ. Имидж музея – открытость», посвящ. 40-летию образования музея) / Гос. ист.-архит. и природ.-ландшафт. музей-заповедник «Изборск»; [редкол.: Е. В. Воронкова, В. П. Игнатъева]. – Изборск: Историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск», 2005. – 126, [2] с., [4] л. цв. ил.
 13. Изборску – 1150 лет [Электронный ресурс] / Псков. обл. универс. науч. б-ка, Отд. краевед. лит.; сост. Е. Г. Киселева. – Электрон. текст. дан. (129 МБ). – Псков: ПОУНБ, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): цв. – (Культура земли Псковской; вып. 7).
 14. *Изюмов, Е. А.* Из поэтического наследия Е. А. Изюмова / Е. А. Изюмов; Псковская областная универсальная научная библиотека, Центр по работе с редкими и ценными документами; сост. Р. А. Денисова. – Вып. 1. – Псков: ПОУНБ, 2012. – 336 с.
 15. *Ильинский, Н. С.* Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания. Заключающее в себе многие достойные любопытства происходимости, составленное из многих древних летописцев, надписей записок и Российской истории Николаем Ильинским. Ч. 1–6 / Ильинский Николай Степанович. – СПб.; Н. Новгород: Типография Б. Л. Гека: Типография Ф. Мейера, 1790-1795.
 16. *Косточкин, В. В.* Тропой легендарного Трувора: Изборск. Малы. Сенно. – М.: Искусство, 1971. – 127 с.: ил. (Дороги к прекрасному). Библиогр.: с. 126–127.
 17. *Левин, Н. Ф.* Забытые воспоминания об Изборске (по «Запискам Сергея Алексеевича Тучкова») / Н. Ф. Левин // Изборск и его округа: материалы международной научно-практической конференции, 2010-2011 гг. – Изборск, 2011. – С. 84-87.
 18. *Левин, Н. Ф.* Материалы об Изборске и Печорском крае в сборнике «Святыни и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам» / Н.Ф. Левин// Изборск и его округа: материалы III Международной на-

- учно-практической конференции / Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск». – Изборск, 2007. – С. 181–184.
19. *Михельсон, Т. Н.* Изборск: (историко-архитектурный очерк) / Псковский областной краеведческий музей. – Псков: Псковская правда, 1958. – 111 с.
 20. *Окулич-Казарин, Н. Ф.* Летописная история Изборска / Н. Ф. Окулич-Казарин // Труды Псковского Археологического общества, 1915-1916 г. – Псков, 1916. – Вып. 12. – С. 11-22: фото.
 21. Памятники Отечества: ил. альм. Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры: Псковская земля / Е. Н. Морозкина – Изд. 3-е, доп. / [ред.-сост. Т. В. Вересова]. – [М.: Памятники Отечества], 2004. – 245, [3] с.: ил. – (Вся Россия). – Библиогр.: с. 245-246.
 22. Псков в фотографиях старых мастеров. К. К. Романов [Электронный ресурс] / [Псковская областная универсальная научная библиотека; сост. Т. Г. Лединина; верстка Г. Г. Сазанова]. – Псков: Псковская областная универсальная научная библиотека, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – (Избранные страницы псковского краеведения; вып. 2).
 23. Псков и его знаменитые пригороды. Путешествие через века: путеводитель-фотоальбом / [фот.: Андрей Виноградов; текст: Алексей Куренков]. – Псков: Студия Куренков & Виноградов, 2009. – 60 с.: фот., ил., карта, схема + 1 электрон. опт. диск (DVD-Video).
 24. Псковская область: Псков, Печоры, Великие Луки, Пушкинские Горы, Изборск: Путеводитель / авт.-сост. Н. Ольгина, С. А. Буланов. – М.: Симон-Пресс: Эдиториал УРСС, 2000. – 192 с.: ил. – (Мир вокруг нас).
 25. Путеводитель по Изборску и его округе / Гос. ист.-архит. и природ.-ландшафт. музей-заповедник «Изборск»; [авт.-сост. В.П. Игнатьева; науч. ред. Е. В. Воронкова; фото Л. Н. Панова и др.]. – СПб.: С Минимакс, 2006. – 158 с.: цв. ил.
 26. Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5: Псков и его пригороды. Кн. 1 / предисл. Д. В. Цветаева; введение В. В. Нечаева. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. – XI, 520 с. – Указ. предметный, личный, геогр.: с. 453–499. Т. 6: Псков и его пригороды. Кн. 2 / введение Н. Чулкова. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – IX, 555 с. – Указ. личный, предметный, геогр.: с. 485–545.
 27. Святыни и древности Псковского уезда: по дореволюционным источникам / сост. и авт. вступ. ст. Н.Ф. Левин. – Псков: Дом печати, 2006. – 514, 3 с.: ил. + 2 отд. л. ил., карт. – (Псковская историческая библиотека).

28. *Седов, В. В.* Изборск в раннем Средневековье / В. В. Седов; Рос. акад. наук, Ин-т археологии [Науч. совет Progr. фундам. исслед. Президиума РАН «Изд. тр. выдающ. ученых»]. – Москва: Наука, 2007. – 412 [1] с., [5] л. цв. ил., портр.: ил., карт. + 13 отд. л. карт. – (Памятники отечественной науки. XX век / гл. редкол.: акад. Ю.С. Осипов (пред.) [и др.]).
29. *Таратушко, А. Т.* Изборск; Печоры: путеводитель. – Л.: Лениздат, 1966. – 71 с.: ил.
30. Труды Псковского археологического общества. Вып. 2–12. – Псков, 1905–1916.
31. *Филимонов, А. В.* Изучение истории, археологии и архитектуры Изборска в послереволюционный период / А. В. Филимонов // Изборск и его округа: материалы международной научно-практической конференции, 2010–2011 гг. – Изборск, 2011. – С. 165–168. – Библиогр.: с. 168.

32. Изборск – 1150 лет [Электронный ресурс] / Псковская областная универсальная научная библиотека. – Режим доступа: <http://www.pskovlib.ru/izborsk/>.

О ВКЛАДЕ КРАЕВЕДОВ В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СЕТУМАА (ПЕЧОРСКОГО КРАЯ)

Аун Маре, Киристая Арвис,
НКО «Археологический центр»
(Таллинн, Эстония)

В изучении древней истории Сетумаа (Печорского края) исследователями выделено четыре основных периода с характерными для них приоритетными действиями (подробнее: Аун. 2003, 15 и приведенная там литература; 2009, 13). Общим для всех периодов является выяснение, учёт и описание памятников. Именно в этой работе деятельность и роль краеведов разных поколений были и будут самыми результативными. Можно сказать даже так, что без помощи краеведов и археологов-любителей многие известные ныне памятники остались бы неоткрытыми и, в случае их уничтожения, пропавшими для науки вовсе.

Исследователи (преимущественно российские) и их деятельность периода XIX и начала XX века вплоть до 1917 года довольно подробно рассмотрены Александром Артемьевым в его книге «Города Псковской земли XIII–XV вв.» (1998). К изложенному там можно добавить, что первым эстонцем, который более серьёзно занимался исследованием древней истории Сетумаа, можно считать **Юри** (Георгия) **Труусманна** (Трусманъ), обследовавшего в 1885 году археологические памятники на всей территории Печорского края (Truusmann 2002, 177–179; Teedema и др. 2009, 286–287, рис. 6). Из частных коллекций, существовавших накануне Первой мировой войны, надо особо отметить коллекцию имени Халахальня, состоявшую в основном из археологических предметов, собранных местными крестьянами в его окрестностях (Piho 2005, 7).

В период 1920–1940 гг., когда Сетумаа входила в состав Эстонской Республики как Печорский уезд, большое внимание обращалось,

кроме выяснения и учёта памятников, также и на их защиту государством. В первой половине 1920-х годов обследованием памятников на территории Эстонии занимались студенты-стипендиаты Тартуского университета. В Печорском уезде работали Марта Шмидехельм, Оскар Пармас, Альфред Суйк (Aun, 2003, 19–20). К 1920-м годам относится также и публикация первого обзорного сборника этого края: «Setumaa. Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus», 1928 («Сетумаа. Географическое, коммерческое и историческое описание»), изданного в серии уездных обзорных сборников «Эстония» по инициативе издательского комитета краеведов.

В 1930-х годах древности на территории Печорского края обследовал писатель **Леонид Зуров**, вклад которого неоценим особенно в изучении памятников второй половины I тыс. н.э. (см также: Грушина. 2011). Именно Л. Зуровым были открыты и тщательно описаны могильники культуры длинных курганов на западном побережье Псковского озера у деревень Лаоссина и Рысна, городище у дер. Митковицы, курганы и селище вблизи дер. Лезги, курганы на берегу озера Любеница и другие, оставшиеся необнаруженными во время обследований 1920-х годов. На открытые Л. Зуровым курганные могильники у дер. Лаоссина и Рысна не обращалось должного внимания вплоть до 1974 года, из-за чего их не было и в списке охраняемых государством памятников. Вследствие этого в промежуточное время был, например, полностью разрушен курганный могильник Лаоссина IV, а частично – могильник Лаоссина III. Из третьего могильника в этой группе при взятии песка в 1960-х остались нетронутыми лишь три насыпи (две длинных и одна круглая) из 13 (из них семь длинных), описанных Л. Зуровым. Очень важно отметить при этом, что им были составлены и ситуационные схемы обследованных памятников. Надо подчеркнуть, что без данных Л. Зурова наше представление о группе курганных могильников у дер. Лаоссина не было бы целостным (Zouroff, 1937). У дер. Рысна им был открыт могильник, получивший в ходе обследований середины 1970-х название Рысна-Сааре I.

В период с 1945 по 1990 гг. свой вклад в изучение местной истории внесли в основном люди, работавшие в местных школах или музеях. Так, заслуженный заведующий учебной частью, а затем и директор Микитамяэской школы **Лео Рейссар** в течение 30 лет составил исследование о Сетумаа «Läbi sajandite» («Через века»), состо-

*Рис. 1. Вид на поселение в дер. Лаоссина.
Фото: Арвис Киристая, 2010.*

явшее в целом из 15 отдельных томов (Reissar. 1996, 5). Следует ещё отметить, что в 1974 году именно он показал археологам, где расположены найденные в 1937 году Л. Зуровым курганные могильники у деревень Лаоссина и Рысна.

По инициативе учителя истории и директора местной школы **Виктора Веэбера** в 1950-х возник интерес к фиксации истории окрестностей Зачеренья (Саатсе). Созданный им в Саатсеской школе краеведческий кружок и открытая 25 июня 1974 года в местном Доме культуры выставка собранных предметов положили начало краеведческому музею в Саатсе (Veeber, Veeber. 2005; Korela, 2012, 234–238). Активно помогали музею учителя как местной школы, так и средней школы в Вярска, особенно **Ану Оявеэр**, составитель или руководитель многих краеведческих работ (Korela. 2012, 221–222, 236 и приведённая литература).

Краеведческие уголки имелись в это время также и в школах Выпсу, Вярска и Лухамаа. После войны найденные в окрестностях археологические находки хранились также и в школах Восточной

Сетумаа, т. е. нынешнего Печорского района (Печки, Киршино, Паниковичи, Ротово, Лавры и др.).

В Обинитса исследованием местной истории занималась заведующая библиотекой **Лидия Силлаотс**, итогом работы которой было основание в 1995 году музея в Обинитса.

Из российских краеведов Восточной Сетумаа надо в первую очередь отметить деятельность изборского краеведа **Ивана Лукашова**, собиравшего уже в 30-х годах предметы каменного века на левом берегу р. Абдѣха (поселение Абдѣха III – ?). В 1957 году он открыл в Изборске местонахождение ямочной керамики. В 1952 году **Сергей Щербаков**, второй широко известный краевед из Изборска, нашёл кремль эпохи мезолита вблизи Городищенского озера. Краеведом **С. Щегловым** в 1957 году неподалёку от юго-восточной границы Сетумаа на берегу оз. Белая Струга было найдено поселение каменного века; но он же собирал случайные находки и в Восточной Сетумаа (Kiristaja. 2003, 73–75).

Четвёртый исследовательский период начался в 1991 году с восстановлением независимости Эстонии и длится по сей день. Когда в начале 1990-х в эстонской части Сетумаа стали обращать больше внимания на поиск и исследование селищ, то в этой работе действительную помощь археологам оказали также и местные краеведы, из которых надо особенно отметить Али Киккаса, Ааре Хырна, Вольдемара Раннасте, Райво Янесмяги и Вольдемара Ярвекюла. **Али Киккас**, самый активный период деятельности которого пришёлся на 1993–2000 годы, обнаружил, кроме селищ (рис. 1), также и некоторые городища-убежища и железоплавильные места. Открытые им новые памятники расположены в основном в северной части Сетумаа, преимущественно в волости Вярска. На открытом им в 1995 году селище Педаясааре, в 1998–2000 и 2004 гг. в связи со строительством новых зданий для пограничников были проведены спасательные раскопки (подробнее: Aun, 2001; 2005, 133–136).

В волости Меремяэ долгое время действовал краевед **Вольдемар Раннасте**. Археологические предметы (в основном каменного века) он собирал там уже в 1980-х годах. В 1999 году при помощи Вольдемара Раннасте в западной части Сетумаа было открыто поселение позднего мезолита в Меремяэ (Kiristaja. 2009, 29).

Очень важной является работа **Ааре Хырна** из дер. Андрикова. Он нашёл некоторые археологические памятники уже в 80-х годах,

*Рис. 2. Вид на каменный могильник и селище в дер. Поповица;
на заднем плане – залив Вярска.
Фото: Арвис Киристая, 2006.*

но особенно существенным является его вклад в открытие новых памятников в течение последних 20 лет. При помощи Ааре Хырна был, например, решён вопрос о кажущемся вначале отсутствии курганных могильников малых размеров вблизи самого большого в Эстонии курганного могильника второй половины I тыс. н.э. в Обинитса, в составе которого было приблизительно 50 насыпей, в том числе и длинные. В расположении могильников культуры длинных курганов в Юго-Восточной Эстонии (и не только там) наблюдается некая закономерность – вблизи могильников с большим числом насыпей, как правило, находится один или несколько могильников с малым числом насыпей. А в ближайшей окрестности могильника Обинитса до 1996 года их известно не было. Самые близкие этому памятнику курганные могильники (Вымморски I и II, Корсапалу, могильники севернее р. Пиуза) находятся в пределах 4–6 километров и, таким образом, с ним в одну группу войти не могут. В то же время, найденный А. Хырном могильник из трёх круглых курганов у дер.

Кыыру расположен только в 1 километре юго-восточнее могильника Обинитса и может вместе с последним относиться к одной и той же группе (Aun. 1999, 173–174).

Житель Вярска **Райво Янесмяги** заинтересовался археологией более серьёзно во время раскопок на селище Педаясааре недалеко от Вярска. Им был открыт ряд новых памятников (в основном селища ранненового времени) на территории волости Вярска, но его заслугой является также и активная деятельность по защите древностей.

Значительные достижения в изучении древней истории родного края имеются и у **Вольдемара Ярвекюла** из дер. Поповица. Интерес к местной истории привёл его в 80-е годы в ряды активистов и помощников Саатсеского краеведческого музея (подробнее: Veeber. 1974–1992). С археологией он познакомился ближе, начиная с 1999 года, когда работал впервые в составе экспедиции спасательных раскопок селища Педаясааре (Aun. 2001, 91–102). С тех пор он начал обращать большее внимание и на наличие черепков гончарных сосудов на полях собственного хозяйства и в результате этого открыл там селище ранненового времени.

Одним из самых важных моментов в изучении древней истории Сетумаа в последнее время является открытие каменного могильника III–IV веков в дер. Поповица на берегу залива Вярска (рис. 2). Без умелого действия Вольдемара Ярвекюла, на земле которого находится этот памятник, мы о нём, по всей вероятности, и не узнали бы. Когда осенью 2002 года В. Ярвекюла при земляных работах нашёл бронзовый браслет хорошей сохранности, он прекратил работу и дальше на этом месте не копал. Однако случилось так, что и на выбранном им новом месте он нашёл ещё один бронзовый браслет, после чего он прервал работу вообще и спас таким образом для науки новый, очень интересный не только для Сетумаа, но и всей Юго-Восточной Эстонии, памятник – каменный могильник III–IV вв., выявленный разведочными раскопками на месте находок браслетов в 2004 году (подробнее: Аун М. 2006, 202–210). Открытый в деревне Поповица каменный могильник является в Юго-Восточной Эстонии самым восточным и располагается на месте, где памятники такого типа трудно даже предположить. Криста Карро, изучая местонахождение каменных могильников (Аласоо и Лахепера) первой половины I тыс. н.э. в западном Причудье, предположила, что эти памятники могут быть и важными земляными знаками на Чудско-

Об истории родного края (Обиница) неоднократно писала Лидия Силлаотс. Ею опубликованы: книга «Obinitsa – ajast aega» (Обиница в разные времена, 2006), статья «*Om üts Mokornulka*» (Есть один Мокорнулк, 2008) и другие. В упомянутой статье имеется составленная автором карта одного уголка (*нулка*) Сетумаа – Мокорнулка (рис. 3). Эта карта важна тем, что на ней отражена природная ситуация времени до проведённых в 1960-х годах мелиоративных работ, в ходе которых большинство болот было осушено и от которых ныне сохранились лишь топонимы (Sillaots. 2008, jn 1).

С уже известными краеведами исследованием родного края занимаются и молодые, чаще всего под руководством учителей истории. Из их работ отметим написанную в 1995 году учеником основной школы в Обиница (позже ученик Вастселийнаской средней школы) **Урмо Уйбулехтом** работу «*Minu kodukoht – Küllatovo*» («Моя родина – Кюллатово», руководители Тийу Ояла и Иа Нильк), в которой имеются новые данные и о располагавшемся в 1930-х гг. в дер. Кюллатово предприятии строительных материалов «Эстошамот» (Nassar. 2012, 147–148, 181).

В 2007 году ученица Кесклиннаской гимназии города Выру **Ингрид Иванов**, сама родом из деревни Тяглово Меремяэской волости, написала исследовательскую работу о подруге своей бабушки и известном краеведе Лидии Силлаотс (руководили работой Тийу Ояла и Эви Тарро).

Немаловажными мероприятиями являются также проведённые в последние годы по инициативе Сетуского музея-усадьбы конкурсы краеведческих работ учащих местных школ.

Рукописи:

1. Ivanov, I. 2007. Liidia Sillaots – setu kultuuri arendaja. Ajaloolane uurimistöe. Võru. (OSM.)
2. Veeber, V. 1974–1992. Saatse isetegevusliku muuseumi kroonika 1974–1992. (SSM Ar. 6.)
3. Zouroff, L. 1937. Lobotka valla muinasjäänuste kirjeldus. (AI 1-110-4.)

Litteratuur:

1. *Aun M.* 1999. Proovikaevamised ja inspeksioonid Setumaal. – Arheoloogilised välitööd Eestis. 1998. Tallinn, 167–175.
2. *Aun M.* 2001. Rescue excavations on the island Sosna, Setumaa. – Arheoloogilised välitööd Eestis. 2000. Tallinn, 91–102.
3. *Aun M.* 2003. Setumaa arheoloogilise uurimise ajaloost. – Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost. (Setumaa kogumik, 1), 15–72.
4. *Aun M.* 2005. Archaeological fieldwork in Setumaa in 2004. – Arheoloogilised välitööd Eestis 2004. Tallinn, 133–146.
5. *Aun M.* 2009. Arheoloogilisest uurimistööst Setomaal. – Setumaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu, 13–22.
6. *Karro K.* 2011. Kodavere – Parish by Lake Peipus: The Development of the Cultural Landscape During the Iron Age. – Prehistoric Landscapes on the Coast. *Archaeologia Baltica* 14, IV, 184–196.
7. *Kirstaja A.* 2003. Setumaa asustus kiviajast keskmise rauaaajani (9000 aastat e.Kr.–450 aastat p.Kr.). – Uurimusi Setumaa arheoloogiast, numismaatikast, etnoloogiast ja ajaloost. (Setumaa kogumik, 1). Tallinn, 73–106.
8. *Kirstaja A.* 2009. Meremäe mesoliitilised asulakohad. – Setumaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu, 29.
9. *Kirstaja A., Lillak A.* 2012. Põhja-Setumaa asustus muinasajal. – Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist. (Setumaa kogumik, 5). Tallinn–Värsk, 59–89.
10. *Korela T.* 2012. Muuseumitöötaja roll seto kultuuripärandi vahendamisel Saatseseto Muuseumi näitel. – Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist. (Setumaa kogumik, 5). Tallinn–Värsk, 219–262.
11. *Nassar E.* 2012. Ehitusmaterjalide tööstustest Põhja-Setumaa 1920.–1930. aastatel. – Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist. (Setumaa kogumik, 5). Tallinn–Värsk, 144–218.
12. *Pibo M.* 2005. Setumaa muuseumidest. – Saatseseto muuseum (Setumaa muuseumid, 1). Tallinn, 7–17.
13. *Reissar L.* 1996. Setumaa läbi sajandite. Põhja-Setumaa. Tallinn.
14. Setumaa 1928 = Setumaa. Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. – Eesti. Maadeteaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus, 3. Tartu.
15. *Sillaots L.* 2006. Obinitsa – ajast aega. Obinitsa.
16. *Sillaots L.* 2008. *Om üts Mokornulk.* – Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist. (Setumaa kogumik, 4). Tallinn, 67–92.

17. *Teedema L., Kiristaja A., Lõbu T., Lillak A.* 2009. Asustus ja teedevõrk. – Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu, 280–287, 290.
18. *Veeber R., Veeber N.* 2005. Saatse muuseumi asutamislugu ja käekäik aastail 1974–2004. – Saatse muuseum. (Setumaa muuseumid, 1). Tallinn, 45–64.
19. *Артемов А.А.* 1998. Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток.
20. *Аун М.* 2006. Новые находки периода первой половины I тыс. н.э. в восточной части юго-восточной Эстонии. – Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы II научного семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова. Псков, 202–210.
21. *Грушина Л.Е.* 2011. Леонид Зуров и его исследования археологических памятников Печорского края. – Первые Псковские региональные краеведческие чтения (Псков, 18 – 20 ноября 2010 г.). Псков, 142–153.

Сокращения:

AI – Археологические коллекции и архив Института истории Таллиннского университета.

OSM – Сетуский музей-изба в Обинитса.

SSM Ar. – Архивная коллекция Сетуского музея в Саатсе

О СВЯЩЕННЫХ КАМНЯХ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ, РАБОТЕ ЛЕОНИДА ЗУРОВА И СУДЬБЕ ЕГО НАСЛЕДИЯ

Пономарёв А.Ю.,
искусствовед (Москва)

Судьба Л.Ф. Зурова теснейшим образом переплетена с Псковской землёй. Уроженец Острова, боец Северо-Западной армии, эмигрант, обосновавшийся у Буниных в Париже, он в 1920–30-е годы неоднократно посещал Печорский край, отошедший по Тартускому мирному договору 1920 года к Эстонии. Об экспедициях Леонида Зурова в Печорский край подробно говорится в статьях А. Громовой [1], И. Белобровцевой [2] и Л. Грушиной [3]. Интереснейшие сведения об экспедициях по Печорскому краю были опубликованы Н.Е. Андреевым в сборнике «То, что вспоминается» [4]. Но некоторые очень важные аспекты до сих пор остались вне поля зрения исследователей. В первую очередь это касается оценки вклада Л.Ф. Зурова в развитие этнографического изучения Печорского края. Собранные Зуровым материалы, несомненно, представляют огромный интерес для современной науки. Ему удалось запечатлеть навсегда уходящие образы. Он смог уловить то дыхание древности, которое было позже разрушено войной, коллективизацией. Ушли в небытие информанты Зурова, но их живая речь звучит со страниц его экспедиционных отчётов, которые разбросаны по всему миру. Значительная часть материалов Леонида Зурова хранится в архивах Дома русского зарубежья им. А.И.Солженицына, Института истории Эстонии, Археологического кабинета Тартуского университета, Лидского университета, Печорского краеведческого музея и Псково-Печерского монастыря, частных собраниях Москвы, Санкт-Петербурга, Тарту, Таллинна. Коллекция фотографий несколько лет назад была передана из фондов Музея Человека в Музей примитивного искусства на набережной Бранли в Париже.

«Я очень люблю Печерский монастырь и изборские места, – писал Леонид Фёдорович Зуров, хлопоча об эстонской визе. – Мне хотелось бы еще раз тщательно осмотреть монастырь, произвести разведку в окрестностях Печер и Изборска, зарегистрировать каменные кресты, часовни, посетить некоторые церкви, пожить у Псковского озера, побеседовать с Владыкой – епископом Николаем о создании в монастыре небольшого музея, о снятии деревянного покрытия с очаровательной Никольской звонницы» [4].

Не получив специального исторического образования, Леонид Фёдорович был от природы наделён всеми необходимыми исследователю качествами. Читая его экспедиционные отчёты, поражаешься уровню проведённой работы. Он смог уловить не только дух времени – поразительно то количество памятников материальной культуры, которые он выявил и поставил на охрану. Чего стоит хотя бы древнее городище в Митковицах («Митковицкий Городачек»), которому Леонид Фёдорович посвятил отдельную статью в таллинском журнале «Новь» [6]! Один из спутников Зурова в поездке 1937 года по Печорскому краю, историк и искусствовед Н.Андреев, позже вспоминал: *«Путешествие было чрезвычайно интересное, я воздал полностью Л.Ф. Зурову за два его таланта. Во-первых, он изумительно разговаривал с крестьянами. А это особое искусство: нельзя обращаться к ним на высокоинтеллигентном языке – они тогда вас плохо понимают и не доверяют. Во-вторых, он очень хорошо знал край, и действительно знал то, чего мы себе не представляли: какие церкви древние, в каких деревнях есть люди, которые что-то понимают в старине, где есть частные собрания... Говорил он на местном языке, очень картинно, на него сразу все реагировали и, видно, уважали» [7].*

Первая экспедиция в Псково-Печерский монастырь была организована в 1928 году по инициативе профессора В.И. Синайского, готовившего к изданию историко-культурный очерк о Псково-Печерском монастыре. Эта книга, изданная в Риге в 1929 году, уже давно стала библиографической редкостью. Леонидом Зуровым была выполнена опись древностей как Псково-Печерского монастыря, так и находящихся в округе церквей и часовен [8]. Уже первое знакомство с Печорским краем заставило Зурова не только определить маршруты будущих экспедиций, но и наметить возможный план реставрационных работ Никольской надвратной церкви Псково-

Никольская церковь Псково-Печерского монастыря до реставрации 1935 года. Фото И. Микк, 1920-е гг.

Печерского монастыря. Основой для него послужила древняя икона с изображением обители, найденная Л.Ф. Зуровым. В 1928 году Зуров опубликовал в рижской газете «Слово» [9] статью, посвящённую этой иконе. Некоторые прорисы, выполненные Зуровым в Псково-Печерском монастыре, были опубликованы в первом и последующих изданиях «Отчины».

В 1935 году по инициативе Л.Ф. Зурова, по его проекту и под его контролем, была осуществлена реставрация надвратной церкви Николая Ратного, снят деревянный короб с церковной звонницы, восстановлено древнее крыльцо и старинный щипцовый фронтон звонницы. Параллельно с организацией реставрационных работ были проведены полевые исследования в окрестностях Печор. Работы Зурова в монастыре вызвали неоднозначную реакцию как среди монахов, так и среди жителей Печор. На помощь ему пришёл известный художник-архитектор А.И. Владовский, опубликовавший на эту тему фельетон в таллиннской газете «Вести дня». Владовский, в частности, писал: *«Приятно и неожиданно ласкает глаз реставрированный Л. Зуровым храм св. Николая Чудотворца с его поэтической звонницей, очищенной от варварских пристроек и надстроек. По рассказам местных жителей, по поводу реставрации этого храма был большой шум. Местные и заезжие «знатоки» с усердием критиковали ту кропотливую, самоотверженную работу, которую с любовью к нашей старине взял на себя Л. Зуров и хорошо довел до конца. Это сделал человек, приехавший к нам издалека»* [10]. А сам Зуров за свою работу по реставрации звонницы Никольской церкви был удостоен благодарственной грамоты Синода эстонской православной церкви [11].

Работа Л.Ф. Зурова заинтересовала Музей человека в Париже, Кондаковский институт в Праге и швейцарский Базельский университет. Экспедиция 1937 года стала совместной и одной из наиболее плодотворных. Несмотря на большое число полученных положительных отзывов, интереснейший полевой материал, который был собран в процессе экспедиций, работы в 1938 году не были профинансированы Музеем Человека. Это заставило Зурова обратиться напрямую в Кондаковский институт. Но и там он не нашёл поддержки. Николай Андреев писал в ответном письме Леониду Зурову: *«Ваша просьба об удостоверении от Института, скажу откровенно, поставила меня в очень затруднительное положение... Конечно, мне*

хотелось бы Вам помочь. Я отлично знаю, каковы препятствия стоящие на пути. Однако выдача Вам удостоверения и моя летняя командировка совпали бы. Значит, получилось бы, что от Института работают двое (при этом, как хорошо известно эстонцам, лишь один из Праги, другой – из Парижа, еще в прошлом году приехавший от французских учреждений).

Между тем, как Вы знаете, в прошлом году всей нашей экспедиции из Праги (трем человекам было выдано эстонским министерством лишь удостоверение на мое имя). Спрашивается, как же было бы в этом году? У Вас и у меня совершенно разные задачи. Кроме того, вы делали в прошлом году работу для французов и вдруг в этом году делаете ее для института им. Н.П. Кондакова! Как вздумает в таком случае поступить Лайд и иже с ним в эстонском министерстве? А без их моральной помощи ничего, ведь, сделать мне будет нельзя (как и Вам).

Есть и еще одно более существенное обстоятельство. Институт, насколько я знаю, никогда до сих пор не выдавал удостоверения не членам и не сотрудникам. На подобные просьбы обычно следовал любезный отказ.

Я думаю, что Вам следует обязательно иметь формальную бумагу от какого-либо французского научного общества, которое в конце концов и для эстонцев будет авторитетнее, чем наш Институт» [12].

На помощь Зурову пришёл известный историк отечественной культуры, главный редактор газеты «Последние новости» Павел Николаевич Милюков, который хорошо знал о работах Л.Ф. Зурова. Пользуясь своим авторитетом и будучи заинтересованным в продолжении исследования Печорского края, он обратился ко всем известным деятелям русской эмиграции. Рассказывая о результатах прошлых экспедиций, Милюков обращался с просьбой принять участие в финансировании экспедиции 1938 года. Приведя подробный рассказ об экспедиции, П.Н. Милюков писал: *«Летом 1937 года в Эстонии в приграничной с СССР полосе по инициативе Леонида Зурова была начата экспедиционная работа по обследованию Печорского и Изборского края. В ней приняли участие Кондаковский институт, Базельский университет и парижский Этнологический институт, для которого археологическую разведку производил Леонид Зуров. В результате его обследования*

было открыто на берегу Псковского озера и в районе Изборска 6 новых городищ, 30 могильников, 182 кургана, 10 древних славянских поселений и 5 языческих камней с жертвенниками. Находки каменного века были обнаружены в четырех местах. Все сведения о вновь открытых памятниках древности переданы Юрьевскому университету, который взял их под охрану.

К сожалению, эстонские археологи, занятые финскими древностями, пренебрегают памятниками славянской культуры – незарегистрированные они гибнут из года в год во время крестьянских запаршек.

Летом 1938 года Базельский университет и Кондаковский институт на скромные средства посылают своих сотрудников для дальнейших работ по сбору фольклора и исследованию монастырской древности. Ввиду финансового кризиса, Этнологический институт не может в этом году продолжать археологическую работу в Эстонии. А между тем необходимо срочно зарегистрировать и взять под охрану Эстонского правительства оставшиеся неисследованными славянские древности, которым угрожает не только время, но и деятельность человека. Работу нельзя прерывать. Если ее отложить, то многое, ценное для науки, исчезнет безвозвратно.

На продолжение работы в 1938 году требуется скромная сумма в 5000 франков» [13].

В архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына сохранились ответы на обращение Милюкова. «Благодарю Вас за сообщение об интересной работе Л.Ф. Зурова. Позвольте мне, в виду тяжелого кризиса, послать Вам только 150 франков на это культурное дело. Очень огорчаюсь, что не могу больше. Шлю Вам искренний привет. А. Розенберг» [14]. Или: «Получила Ваше письмо, которое прочла с интересом. Сегодня перевела Вам 200 франков. Прошу простить за столь скромную лепту, но мне приходится давать много и в разные стороны... Готовая к услугам Р. Каплинская» [15]. «В ответ на Ваше письмо посылаю Вам 200 франков для работы Л.Ф. Зурова. Буду рад, если эта небольшая посильная сумма послужит русскому культурному делу... С. Писаревский. Париж» [16].

Были среди корреспондентов П.Н.Милюкова и те, кто крайне скептически отнёсся к идеи продолжения этнографической работы в Печорском крае, но, несмотря на это, внесли свои скромные

*Никольская церковь Псково-Печерского монастыря
после реставрации 1935 года.
Фото И.Микж (?), после 1935 г.*

пожертвования на продолжение экспедиционной работы. Так, Николай Рутенберг пишет: «От Вашего имени ко мне обратились по вопросу предполагаемых научных работ на восточной окраине Эстонии... Откровенно говоря мне кажется, что в настоящее время весьма тревожное время трудно предпринимать что-либо в этом направлении, тем не менее позволяю себе препроводить при сем чек на 100 франков» [17]. Ещё более лаконичен Николай Тевлевич-Шapiro: «Получил Ваше письмо относительно археологических разведок Л.Ф. Зурова. Откровенно признаюсь, что эта область меня мало

интересует, однако принимая во внимание интерес Вами в этом деле проявленный, прошу принять чек на 100 франков» [18].

П.Н. Милюкову удалось собрать для продолжения экспедиционной работы в Печорском крае 4500 франков. Это позволило Леониду Зурову летом 1938 году отправиться в очередную (как оказалось, последнюю) экспедицию по Печорскому краю, профинансированную меценатами из кругов русской эмиграции и морально поддержанную Министерством народного просвещения Франции и Музеем Человека в Париже [19].

Печорский край – благодатная земля для исследователя. Издавна это была зона активных этнокультурных контактов между славянами и угро-финнами. Здесь сохранились реликтовые верования, уже не встречавшиеся в других частях России. Этот край издревле заселяли угро-финны. Славяне были здесь пришлым населением. Это способствовало сложению здесь очень своеобразной пограничной культурной традиции, где неразрывно смешались язычество и христианство. Леонид Зуров писал в 1938 году: *«Печерская область, Изборск, берега Псковского озера в этнографическом отношении совершенно не обследованы. В рыбацких деревнях превосходно сохранился язык, отдельные слова которого восходят еще к псковской летописи... Край еще богат фольклором... Несомненно, что за смертью стариков и старух, помнящих крепостное право, громадный неиспользованный материал погибнет для науки. Война, революция, гражданская война вырвали множество звеньев народной культуры и унесли громадное количество живых хранителей... Умирают старые понятия, старый обряд, меняется жилье, утварь... Рядом с русскими деревнями (по этнографической границе) в сетских (чудских) деревнях доживают свой век языческие обряды... До сих пор сету поминают покойников, устраивая на могилах тризны. Еще в середине XIX века они молились в языческих рощах, а в глухих деревнях у них жили волхвы, которые исполняли обязанности народных жрецов» [20].*

Среди прочего, Леонида Зурова привлекло описание культа священных камней, почитание которых сохранилось здесь практически до наших дней. Почитание камней – культ очень древний, распространённый у многих народов. Церковь – как православная, так и католическая, – активно боролась с этими пережитками. Ле-

онид Зуров в письме директору Печорского краеведческого музея М.С. Вильницу писал: «В 1938 году литовский посланник в Париже мне сказал: *«То, что Вы обнаружили под Печерами, в Литве Вы уже не найдете. Конечно, когда-то все это существовало и у нас. Есть у нас два священных камня, но там, где побывали католики, от языческой древности не осталось ничего. Все было уничтожено, вырвано с корнем. А у вас это уцелело под монастырем! Надо удивляться терпимости вашего монашества. В Литве католики, видно, не заметили двух языческих камней».* На это я ему ответил, что и сетскому племени в Печерском крае повезло. Очутившись на русской стороне, сетсы сохранили свои наряды и обычаи» [21].

Наверное, поэтому сведения, собранные Зуровым и частично опубликованные, представляют огромный интерес для современных учёных-этнографов. В процессе экспедиций Зурову удалось не только запечатлеть обряды поклонения известным камням, но и нанести на археологическую карту неизвестные и малоизвестные почитаемые священные камни. Наиболее интересная часть этнографических материалов – записи о поклонении святым камням, источникам и деревьям как русского, так и сетуского населения Печорского края.

Наиболее известный и почитаемый камень края – Иванов камень в деревне Мегузицы (совр.: Мейкси, Эстония). Здесь Зуров побывал неоднократно в 1935, 37 и 38 годах. В 1928 году, со слов настоятеля церкви Николая Чудотворца в Тайлове Элия Верхоустинского, Л.Ф. Зуров записал краткий рассказ о поклонении Иванову камню: *«...люди приносили к камню свертки с творогом и маслом. Священники в часовнях, построенных в центре деревни, благославляли приносимые дары, из которых половина отдавалась им, а половина бедным. Вокруг священного камня, который находится за деревней на другой стороне речки, уже стояли нищие. Люди ставили свечи на камень и смазывали его творогом, прислонялись к камню и сажали на него детей, клали на камень шерсть, которую нужно было благословить таким же способом, каким когда-то приносили жертвы. У камня люди молились Иоанну Крестителю. Однажды местный помещик, которому не нравился праздник, разбил камень, перенес куски в свое поместье и заложил их в фундамент сарая, который собирался строить. Говорят, что после этого у него начал гибнуть скот. Помещик ис-*

*Могильный камень с изображением креста на старом кладбище
в д. Вярска (Эстония). Фото А. Пономарёва. 2011 г.*

пугался и вернул камни на место. Обычно священники читают проповеди в часовне в день середины лета (Иванов день), а затем женщины идут за деревню и ставят детей на камень» [22]. Как правило, у Иванова камня начинали собираться вечером 23 июня, сама церемония продолжалась несколько дней. В качестве жертвы камню приносили шерсть, масло и сыр. Вера в исцеление от болезней заставляла людей прикладывать к Иванову камню больные места, умываться водой из текущего под камнем ручья.

В 1935 году Леонид Зуров сам впервые присутствует на праздновании Иванова дня в Мейкси. Потом, в 1937 и 38 годах, он вновь и вновь возвращался в Меекси на празднование Иванова дня. Среди прочего Зуров отмечает в своих путевых заметках, что, по словам крестьян, раньше около Иванова камня росло священное дерево, под которым (по преданию) отдыхал Иоанн Креститель после того, как он «обулся на камне» (оставив отпечаток ступни) и искупался в реке.

С тех пор камень и почитается как чудодейственный. Раньше рядом с камнем находился курган, который был перекопан во время пашенных работ. Местные крестьяне находили здесь множество черепов, костей и осколков керамических горшков. Время и люди беспощадно обошлись с древними захоронениями.

Вот как Леонид Зуров описывает сам Иванов камень: «Я увидел Иванов камень на другой стороне реки, которую во многих местах легко можно было перепрыгнуть. Можно было бы легко пройти мимо камня, не заметив его, если бы рядом с ним не было часовни, построенной несколько лет назад из досок. Камень находится внизу у воды, под длинным обрывом, который, по всей видимости, был вымыт водой. Скорее всего, камень когда-то находился на кургане, но во время наводнений он сполз по песчаному берегу. Камень до сих пор большой. Поврежденная сторона с углублением, в которое, как я потом узнал, ставят дары, повернута к воде» [23].

Иванов камень почитается как целебный. С этим связано и большинство ритуалов, которые проходит около него в Иванов день. Как и русские, сео и эстонцы в ночь разжигали большой костёр, танцевали и прыгали через него. Паломники ставили на камень сосуды с творогом, который потом раздавали нищим. В своих записях Зуров приводит интересный ритуал сбора целебной воды. *«Я наблюдал, как две старухи стучали по камню другим камнем, который они взяли со дна ручья. Они продолжали обтесывать свой камень, пока не он приобрел форму, похожую на доисторический топор. Затем одна из старух взяла в левую руку бутылку. Правой рукой она держала над бутылкой обтесанный камень, его острая часть была направлена на горлышко бутылки. Вторая старуха что-то шептала и лила воду из ручья, которую она принесла в горшке, на тупую часть камня так, чтобы вторая старуха могла собрать воду, стекающую по заостренному концу камня, в бутылку»* [24].

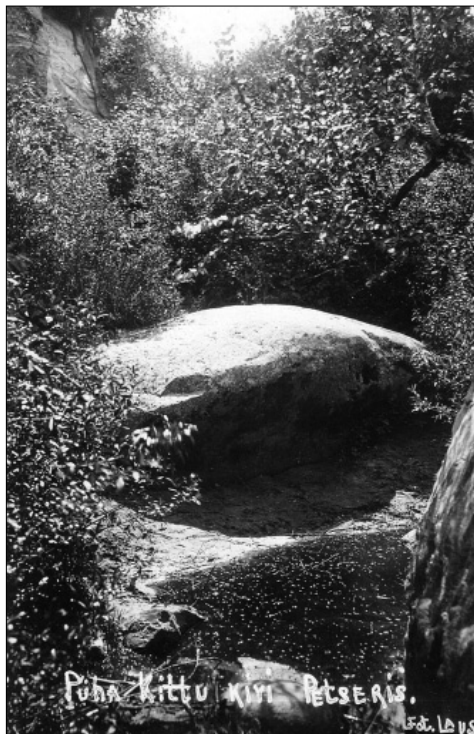
Камень смазывали маслом. Больные купали в речке и прикладывали к камню различные части тела, в надежде на исцеление. 24 июня вечером празднество продолжалось в деревне. Все дворы были заполнены празднующими хозяевами и гостями. Л.Ф. Зурову празднование Иванова дня напомнило древние мистерии: женщины пили пиво, танцевали, пели неприличные песни, иногда устраивали оргии. Отметим, что мужчины не принимали участия в уличных гуляниях – они находились дома. Деревня жила праздником. *«Все*

действие оставляло крайне странное впечатление, впечатление древних языческих времен – пьяные, радостные, беспечные танцы и песни женщин о своем и чужом житье-бытье... Все дворы были заполнены празднующими гостями... Старухи, замужние женщины и дети, которые во время танцев держались за подол платья своих матерей, стояли в кругу, топали ногами, обнимали и целовали друг друга, шептались друг с другом и размахивали руками. В каждой песне была доля импровизации. Вся деревня была поглощена древним праздником» [25].

Не меньший интерес представляет Аннин камень в Ваксарах (Пельзиках, ныне Пельси на территории Эстонии). Он находился на развилке дорог, недалеко от поместья Аннемяги, на небольшом холме. Вот как Зуров описывает Аннин камень: *«Камень плоский, как стол, грушевидной формы. Я бы сказал формы плода. Его длина – 143 см. ширина 96 см. От земли он 34 см. Рядом с ним лежал маленький, округленный камень» [26].* По словам местных крестьян, раньше камень считался священным и вокруг него проходили праздники, как и вокруг Иванова камня. Со временем празднование Аннинному камню прекратилось. Вероятно, это было связано с тем, что оба праздника Иванов день (25 июня) и Аннин день (25 июля) находятся очень близко друг к другу, а праздновать два крупных праздника летом – очень дорого. Аннин камень также почитался как целительный. Он помогал не только людям: по преданию, он спасал от падежа домашний скот. С этим и была связана традиция принесений шерсти, мяса, бараньих голов и ног. Интересная деталь была подмечена местным крестьянином: *«Если мимо камня шла свадебная процессия, то невеста должна была положить на камень поясок, а жених – деньги... Некоторые приходили сюда, чтобы излечиться от болезней. Мой отец говорил, что в этот день (Аннин день) каждый крестьянин обязательно должен был заколоть овцу. Они приносили их сюда и разделявали их на камне, который находился выше [27] ...» [28].*

Почитание священных камней в 1930-е годы уже не носило прежнего благоговейного характера. По сообщению таллиннской газеты «Вести дня», в 1938 году *«перед празднованием дня святой Анны, местными хулиганами был разбит древний жертвенный камень „Анна-киви“» [29].*

О втором древнем жертвенном камне в Пельси Леонид Зуров пишет: *«Самый же древний жертвенный камень, на котором когда-то*

*Титов камень близ Псково-Печерского монастыря в Печорах.
Фото Лаус, 1920-е гг.*

резали скот, находится повыше, около самого забора. Он глубоко ушел в землю. Это красного гранита валун, сильно потрескавшийся от огня. Когда-то на нем была поставлена часовня, но она 100 лет тому назад сгорела» [30].

Ещё один камень, почитавшийся и русским и сетуским населением Печерского края, находится близ Псково-Печерского монастыря в овраге, на берегу ручья Каменец. Это известный Титов камень (в другом варианте – Китов камень). По преданию, Титов камень также являлся целебным. К нему приходили с иконами, около камня разжигали костры, пели песни. Никто из информантов Леонида Зурова не сообщает о каких-либо приношениях камню. Вполне возможно, что из-за близости к Псково-Печерскому монастырю поклонение

Иванов камень в деревне Мегузицы (Мейкси, Эстония).

Фото А.Пономарёва. 2011 г.

Титову камню прекратилось достаточно давно, и к нему лишь втихомолку приходили больные и прикладывали различные части тела, чтобы получить исцеление. Порой около Титова камня собирались печорские женщины, которые ложились на него животом. Возможно, так они отдавали камню свои болезни. Собирались у Титова камня после Пасхи, на Радунце (день поминовения усопших).

Леонид Зуров связывает почитание Титова камня со старинными языческими мистериями: *«В Печерском краю есть праздник Вятча. Это женский праздник. Паба – праздник по полувески. Это бабий праздник. Он передвижной праздник, как мне сказали. Это какие то сатурналии, бабы собираются под руководством повивальных бабок, гуляют и поют, ходят дорогами от деревни к деревне, где их принимают женицины и гуляют с ними. Девушки на этом празднике не участвуют. Из мужчин женицины допускают только музыканта. Мужчины прячутся во время этого праздника, так как, если крестьянин попадетс женицинам на глаза во время их гулянья, то они берут с него дань деньгами, а если денег нет, то издеваются – раздевают и щекочут. «Затруднился бы вам сказать, когда они, женицины, празднуют, – сказал мне печерянин, – там они поют, пьют, нужно сказать, что вся местность тогда захвачена этим*

праздником. Вот с этим праздником раньше и был связан Титов камень. Около этого то камня они, печерские бабы, и праздновали. Там было то, что монахи называют – бесовские игрища. Разводили костры, пили, плясали, обнимались, целовались, водили хороводы, а напившись – кувыркались и отправлялись дальше гулять, захватывая по пути всех женщин. Видите ли, в этом празднике имеют право принимать участие только замужние женщины и те, у которых был ребенок» [31].

Целая группа почитаемых камней Печорского края – это камни с изображением животных, птиц и рыб. Сеннский бор (близ д. Соха) – камень с рисунком в виде ложки и хвоста (положили под гумно) [32]. Лезги – камень с рисунком в виде утки и утят (увезли в Псков на постройку железной дороги) [33]. Веревково – камень с рисунком в виде щуки (был зарисован Л.Ф. Зуровым, до нашего времени, скорее всего, не сохранился) [34]. Камень со следом копыта на острове Колпино (находился под водой) [35].

К этой группе камней теснейшим образом примыкают и камни-следовики. Вера в их чудодейственную силу связана с преданием, что когда-то следы на этих камнях были оставлены Богом, Богородицей и святыми. На острове Семск Л.Ф. Зуровым был обнаружен камень с «Ангельским следком», который почитался местными рыбаками [36]. Камень с «Божьим следком», которому местные жители приносили жертвы ягодами и цветами, находится около озера Любинец [37]. Камни-следовики были найдены на острове Колпино [38] и в селе Моложва, близ дороги к Зачеренской церкви [39].

С некоторыми камнями Печорского края связаны предания о зарытых в древности кладах. Относится это, скорее всего, к древней истории края и её богатому боевому прошлому. Леонид Зуров неоднократно отмечает, что многие крестьяне находили на своих полях наконечники древнего оружия, монеты. Один из информантов сообщает: «Около Залесья есть отметный камень. Там местность Великий Лог. Он (Лог) пойдет к Заложью. Там камень какой-то есть отметный, все клады там искали в старину» [40]. Отметные камни, отмечающие древние клады, упоминаются в Летнем Борке [41], Лезгах [42], близ Серебряного ручья [43] и в Изборске [44].

Сохранились в Печорском крае и исторические камни, связанные с известными деятелями Российской истории. Так, в деревне Мерина Гора сохранился камень, связанный с посещением Печор-

ского края Иваном Грозным в годы Ливонской войны. По преданию, когда Иван Грозный поднялся на Мерину Гору, то с её высоты он увидел построенный без его разрешения Псково-Печерский монастырь. Разозлился царь и высек плетью лежавший на горе камень. С тех пор, по народному поверью, остались на этом камне следы [45]. Другой почитаемый Бодраков (Водраков) камень, находящийся недалеко от деревни Иваново Болото, связан с именем преподобного Никандра (Ликандра) Псковского. По преданию, на камне этом остановился переночевать преп. Никандр, но местные пастухи прогнали его плетью, от чего на камне остались кровавые отметины. Название камня связано с тем, что он бодрит, не даёт пропасть среди болот. Всем, кто принесёт жертву, Бодраков камень помогает [46]. Судя по выполненному Л.Ф. Зуровым описанию, несмотря на существование Иванова камня, в процессе археологической разведки обнаружить он его не смог.

Также почитаемые камни (как сохранившиеся, так и утраченные) были зафиксированы Леонидом Зуровым практически по всему Печорскому краю: Омутский камень («Доктор») – в Кулье [47], камень с тремя круглыми дырками – близ Ильинской часовни в Митковицах [48], камень с выбитым на нём ключом – в Умковичах [49], Кушин камень – в Башкирове [50], камни у Федосовой горы [51], близ Кранцовского озера [52], в деревнях Лебяж [53], Клиницы [54], Авдашево [55], Высокий Мост [56].

Леонид Зуров записал несколько интересных рассказов о лечении осколками камней, приобретающими силу благодаря грозе. Называются такие камни «громовая стрела» или «стрелица». Крестьяне верили, что «громовые стрелы» бросал с неба Бог. В описи переданного Леонидом Зуровым в Музей Человека в Париже упоминается несколько «громовых стрел», полученных в разных местах. «Громовой стрелой» лечили больных детей, скот. С её помощью знахарь освящал воду, из неё высекали огонь. В старину «громовую стрелу» использовали для окуливания пчёл на пасеке, клали в сеялку, чтобы был хороший урожай [57].

Необычайно интересны наблюдения Леонида Зурова, сделанные в деревне Зачеренье и связанные с ношением каменного креста вокруг церкви в Ильинскую пятницу. Старинный каменный крест, к которому была сделана серебряная оправа, хранится в Ильинской церкви. Один день в году, в Ильинскую пятницу, крест выносят из церкви и

*Аннин камень в деревне Пельси (Эстония).
Фото А. Пономарёва. 2011 г.*

совершают с ним ритуальные действия. По древней традиции, крест обносят вокруг церкви, иногда один человек, а иногда и целые семьи. Каменный крест поливают святой водой и воду с него собирают в сосуды, чтобы лечиться ею от болезней. В этот день прихожане щедро одаривали церковный клир деньгами и подарками [58].

Подводя итог обследованию почитаемых камней Печорского края, Леонид Зуров писал: *«Культ камней, поклонение древним источникам в Печерском краю надо признать весьма древним – это остатки религиозного культа псковских, новгородских кривичей и чуди... Ветки священных дубов славяне украшали полотенцами. Я считаю, что поклонение дубам, источникам и деревьям, с которыми со времен владыки Новгородского Макария боролись псковские и новгородские монастыри, мы можем считать чудом сохранившимися обрядами язычества славян. Празднование Иванова камня было связано когда-то с культом почитания дубов и с принесением им жертв священными полотенцами (у Иванова камня находилась когда-то поваленная бурей старая священная роща). И теперь еще крестьянки вешают полотенца на дубы, растущие на святой горе в Печерском монастыре.*

Этнографическое обследование мне показало, что большинство церквей и часовен Печерского края поставлены на древнейших языческих почитаемых местах. Печерский монастырь был ископан в Святой горе, на которой росли священные дубы, один из которых, древнейший, по рассказам стариков, росший здесь и до основания монастыря, и до 1939 года почитало сетское и русское население» [59].

Несомненный интерес представляет предположение Леонида Зурова, что многие каменные кресты (в частности, каменный крест, хранящийся в Зачеренской церкви), почитаемые у русских и сето, были сделаны из древних почитаемых камней. Пришедшее на смену язычеству христианство заменило старинные божества православными святынями, вложило в них новый смысл. Над древними источниками появились часовни, где по праздникам служили молебны. Поставлены были часовни и церкви и около почитаемых священных камней.

К сожалению, обследование Л.Ф. Зуровым Печорского края так и осталось незавершённым. После событий 1940 года Печорский край оказался закрытым для него уже навсегда. Невостребованными оказались и результаты обследований, которые Зуров тщетно пытался переправить в Россию, начиная с 1944 года. Результаты научных исследований Леонида Зурова частично были опубликованы в зарубежных сборниках, но большинство из них так и осталось в рукописях. Практически неизвестной отечественному читателю остаётся статья Леонида Зурова «Dyrkan av stenar, källor och träd bland Setukeser och Ryssar i Petseri-området» («Почитание камней, источников и деревьев у сето и русских в Печерском уезде»), опубликованная в журнале Folk-Liv на шведском языке и до сих пор не переведённая на русский. Неизвестной исследователям остаётся и вторая часть рукописи Зурова «О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских чудо-эстонцев и русских крестьян Печерского уезда», которая хранится в архиве Музея Человека в Париже.

Пётр Евграфович Ковалевский писал в статье «Леонид Зуров – этнограф»: *«Леонид Федорович Зуров был не только талантливым писателем, но и выдающимся этнографом и необходимо отметить его очень ценные труды по фольклору и пережиткам язычества в Балтийских странах.*

Этнографией Леонид Федорович заинтересовался давно и специализировался на народных поверьях Печерского края, связанных

с поклонением священным камням. Он производил исследования для Музея Человека в Париже, сотрудничая с Борисом Вильде и группой молодых этнографов.

Результатом этой большой научной экспедиции явились две работы Зурова: «Записка о произведенном обследовании древностей Печерского и Изборского края и о результатах археологической и этнографической разведки 1935–1938 годов» (Париж, 1946 год, 50 страниц на машинке) и «О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских чудо-эстонцев и русских крестьян Печерского уезда» (Париж, 1941 год, 92 страницы на машинке). Обе рукописи были переданы только в соответствующие учреждения, субсидировавшие миссию, и сохранились по одному экземпляру у участников.

Можно надеяться, что материалы, собранные Зуровым, будут сохранены и опубликованы» [60].

Наверное, время для этого пришло. В России и за её пределами Леонид Зуров известен уже не только как писатель, автор «Отчины», «Кадета» и других прозаических литературных произведений, но и как этнограф, исследователь Печорского края, как автор очерков по родословию рода Лермонтовых. Уже настало время публикации и серьёзного научного изучения всего комплекса этнографических и археологических изысканий Леонида Зурова, его переписки с отечественными учёными, историками, архитекторами, археологами.

Литература

1. Громова А.В. Этнографическое наследие Л.Ф. Зурова // Живая старина. – М., 2009. – № 1. Стр. 46-49; Громова А.В. Археолого-этнографическая деятельность Л.Ф. Зурова // Громова А.В., Захарова В.Т. Жизнь и творчество Л.Ф. Зурова. М., 2012. Стр. 35-60.
2. Белобровцева Ирина. Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике. – М., 2010. Стр. 289-309.
3. Грушина Л.Е. Леонид Зуров и его исследование археологических памятников Печорского края // Первые Псковские региональные краеведческие чтения: Псков 18-20 ноября 2010 г. / Ред.-сост. Т.В.Вересова. – Псков, 2011. Стр. 142–153.

4. Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908-1982). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. Стр. 341–366, 380–386.
5. В Печорском монастыре. Письма из Эстонии//ДРЗ. Ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 14, л. 20.
6. Зуров Л. Как был открыт древний город, носящий название Городочек//Новь. – Таллинн, 1935. – №8. Стр. 98-102.
7. Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908-1982). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. Стр. 351–352.
8. Опись древностей//Псково-Печерский монастырь: Общий культурно-исторический очерк / Сост.: В.Синайский. – Рига, 1929. Стр. 57. Отметим, что, несмотря на неоднократные переиздания книги уже в наши дни, в них не была включена глава, написанная Л.Ф. Зуровым.
9. Зуров Л.Ф. Старинная икона с рисунком Псково-Печерской обители//Слово. Рига, 1928. 11 ноября.
10. Владовский А. О новых домах в Петсери, работе Л. Зурова, «знатоках» и словоблудии//Вести дня. Таллин, 1935. 26 сентября.
11. Л.Зурову отправлена в Париж благодарственная грамота//Вести дня. Таллин, 1936. 3 января.
12. Андреев Н. Письмо Л. Зурову от 27.04.1938 г. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 24, лл. 20-20 об.
13. Милюков П.Н. [?] [Обращение к деятелям культуры русской эмиграции]. 1938 г. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 16, л. 24.
14. Розенберг А. Письмо П.Н. Милюкову от 20.03.1938 г. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 22. Розенберг Александр Юлианович – адвокат, коллекционер, меценат. Жил в эмиграции в Париже, погиб в годы Второй мировой войны.
15. Каплинская Р. Письмо П.Н. Милюкову от 23.03.1938 г. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 22, л. 5.
16. Писаревский С. Письмо к П.Н. Милюкову от 25.03.1938 г. ДРЗ. Ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 22, л. 7. Возможно, Сергей Сергеевич Писаревский (1882–1949) – общественный и церковный деятель. Жил в эмиграции во Франции.
17. Рутенберг Н. Письмо П.Н. Милюкову от 5.05.1938 г. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 22, л. 20.
18. Тевлевич-Шапино Н. Письмо П.Н. Милюкову от 3.05.1938 г. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 22, л. 18.
19. Подробнее см.: Белобровцева И. Леонид Зуров и Эстония // Русские в Прибалтике. М., 2010. Стр. 298–300.

20. Зуров Л.Ф. Печерский уезд в Эстонии. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 16, лл. 22–23.
21. Зуров Л.Ф. Письмо М.С. Вильницу от 19.04.1958 г. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 39, лл. 90-90 об.
22. Zouroff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland Setukeser och Ryssar i Petseri-området // Folk-liv. Stockholm, 1940. Tom IV. Стр. 65. Здесь и далее перевод статьи со шведского языка выполнен специально для данной публикации. Отметим, что при подготовке статьи к переводу Л.Ф. Зуров производил литературную обработку свидетельств информантов. Это может так же отражаться на стилистике обратного перевода. Оригинал статьи на русском языке в архиве Л.Ф. Зурова обнаружить не удалось.
23. Zouroff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland Setukeser och Ryssar i Petseri-området // Folk-liv. Stockholm, 1940. Tom IV. Стр. 66-67.
24. Zouroff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland Setukeser och Ryssar i Petseri-området // Folk-liv. Stockholm, 1940. Tom IV. Стр. 69.
25. Zouroff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland Setukeser och Ryssar i Petseri-området // Folk-liv. Stockholm, 1940. Tom IV. Стр. 67-68.
26. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка Тайловский бор – хутор Комарово – хутор Сосновского – деревня Бельско – Мегузицы – деревня Кувшиново – деревня Пельси – деревня Мерины Гора – Константиново – Серга – Свинская гора. 1938 год. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 3, л. 85.
27. Речь идёт о втором почитаемом, Красном камне, который тоже находился в д. Пельси.
28. Zouroff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland Setukeser och Ryssar i Petseri-området // Folk-liv. Stockholm, 1940. Tom IV. Стр. 75-76.
29. А.М. Письмо из Петсери: От собственного корреспондента // Вести дня. Таллинн. 1938. №211, 16 сентября.
30. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка Тайловский бор – хутор Комарово – хутор Сосновского – деревня Бельско – Мегузицы – деревня Кувшиново – деревня Пельси – деревня Мерины Гора – Константиново – Серга – Свинская гора. 1938 год. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 3, л. 85.
31. Зуров Л.Ф. Город Печеры – Малая Пачковка – Большая Пачковка – Пальцево – Мыльниково – Рагозино. Материалы по топонимике 1938 г. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 3, лл. 31-32.
32. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 8, л. 47.
33. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 8, л. 2.
34. Зуров Л.Ф. [Карто-план] // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 11, л. 4.
35. Зуров Л.Ф. [Документ без названия] // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 7, л. 123.

36. Зуров Л.Ф. Записка Л.Ф. Зурова о произведенном им обследовании древностей Печерского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николая Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 9, л. 34; Зуров Л.Ф. Археологическая разведка. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 8, л. 26.
37. Зуров Л.Ф. Записка Л.Ф. Зурова о произведенном им обследовании древностей Печерского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николая Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 9, л. 35.
38. Зуров Л.Ф. Результаты полевой работы в Сетумаа – археологических и этнографических разведок, произведенных летом 1937 года Л.Ф. Зуровым с 23 июня по 11 сентября. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 16, л. 8; Зуров Л.Ф. [Документ без названия]. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 7, л. 123.
39. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка Тайловский бор – хутор Комарово – хутор Сосновского – деревня Бельско – Мегузицы – деревня Кувшиново – деревня Пельси – деревня Мерина Гора – Константиново – Серга – Свинская гора. 1938 год. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 3, л. 91.
40. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка Тайловский бор – хутор Комарово – хутор Сосновского – деревня Бельско – Мегузицы – деревня Кувшиново – деревня Пельси – деревня Мерина Гора – Константиново – Серга – Свинская гора. 1938 год. ДРЗ. Ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 3, л. 58.
41. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка 1937 года. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 2, л. 14.
42. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 8, лл. 3-4.
43. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка Тайловский бор – хутор Комарово – хутор Сосновского – деревня Бельско – Мегузицы – деревня Кувшиново – деревня Пельси – деревня Мерина Гора – Константиново – Серга – Свинская гора. 1938 год. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 3, лл. 54, 91.
44. Зуров Л.Ф. Изборск. Приложение к археологической разведке и материалам по топонимике. 1938 г. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 5, л. 53.
45. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка Тайловский бор – хутор Комарово – хутор Сосновского – деревня Бельско – Мегузицы – деревня Кувшиново – деревня Пельси – деревня Мерина Гора – Константиново – Серга – Свинская гора. 1938 год // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 3, лл. 60-61.
46. Зуров Л.Ф. Изборск. Приложение к археологической разведке и материалам по топонимике. 1938 г. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 5, лл. 60-61.

47. Зуров Л.Ф. [Фрагмент карто-плана]. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 7, л. 84; Зуров Л.Ф. Записка Л.Ф. Зурова о произведенном им обследовании древностей Печерского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг.// ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 9, л. 36.
48. Зуров Л.Ф. Митковицкий городачек. Печерский уезд. СССР. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 4, л. 27.
49. Зуров Л.Ф. Митковицы – Загорье – Лезги – Вашина гора. Печерский уезд. СССР. Приложение к археологической разведке. Материалы по топонимике. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 4, л. 40.
50. Зуров Л.Ф. Лезги. Топонимика. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 6, л. 40.
51. Зуров Л.Ф. [Документ без названия]. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 7, л. 127 об.
52. Зуров Л.Ф. [Документ без названия]. ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 7, л. 133; Зуров Л.Ф. Археологическая разведка Тайловский бор – хутор Комарово – хутор Сосновского – деревня Бельско – Мегузицы – деревня Кувшиново – деревня Пельси – деревня Мерина Гора – Константиново – Серга – Свинская гора. 1938 год. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 3, л. 60.
53. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 8, л. 66.
54. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка 1937 года. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 2, л. 38.
55. Зуров Л.Ф. Археологическая разведка Тайловский бор – хутор Комарово – хутор Сосновского – деревня Бельско – Мегузицы – деревня Кувшиново – деревня Пельси – деревня Мерина Гора – Константиново – Серга – Свинская гора. 1938 год. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 3, л. 90.
56. Зуров Л.Ф. [Документ без названия]. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 7, л. 127 об.
57. Зуров Л.Ф. [Каталог переданного в Музей Человека]. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 10, лл. 78–79.
58. Зуров Л.Ф. [Документ без названия]. // ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 10, л. 44.
59. Зуров Л.Ф. Записка Л.Ф. Зурова о произведенном им обследовании древностей Печерского и Изборского края, о реставрации звонницы церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре и о результатах археологической и этнографической разведки в 1935, 1937 и 1938 гг.// ДРЗ, ф. 3, оп. 1, к. 1, е.х. 9, л. 20.
60. Ковалевский П. Леонид Зуров – этнограф// Русская мысль. Париж, 1971. 23 сентября.

УСВЯТЫ – ОДИН ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ГОРОДОВ РУСИ

Никитенко Н.В.,

заместитель председателя

Псковского регионального отделения

Союза краеведов России

На современной географической карте Псковской области посёлок городского типа Усвяты незнакомый человек отыщет не сразу: он расположен на самом юге области, в 304-х километрах от областного центра. До Смоленска от Усвят значительно ближе – 150 километров, а до белорусского Витебска – 80. Основные автомобильные дороги Москва – Рига, Москва – Минск и Санкт-Петербург – Киев пролегли в 60–120 километрах от райцентра, а железная дорога так и не дошла до Усвят. Словом, по сегодняшним меркам, Усвяты – российская глубинка, как говорят, провинция, один из тысяч населённых пунктов на огромном пространстве вокруг наших столиц.

Но, тем не менее, об Усвятах можно сказать так: это один из наших родников, один из наших российских корней. Чем глубже знакомишься с их прошлым, тем больше убеждаешься, что оно не менее значительно, чем настоящее, а во многом даже превосходит его. Немного есть на Псковщине, да и в России тоже, населённых пунктов, которые бы измеряли свой возраст тысячелетиями, становились свидетелями важнейших исторических событий. Город Усвят, основанный на месте более древних поселений, способен «потягаться» возрастом со многими из признанных культурных и экономических центров страны. Как известно, Псков впервые упомянут в летописных источниках под 903 годом, Москва – 1147, Великие Луки – 1166. А Усвяты – под 1021 годом уже как город, отданный великим князем Киевским Ярославом Мудрым князю Полоцкому Брячиславу Изяславичу.

Напомню, что об Изборске – бывшем древнерусском городе, в летописи впервые упоминается под 862 годом как о месте княжения Трувора. То есть, Усвяты всего на 169 лет «моложе» Изборска, что по историческим меркам – срок незначительный. А если учесть, что, по сведениям летописей и других исторических документов, в IX–X веках на Руси было 25 городов, а в XI веке – 64 города, то становится ясным, что Усвяты и Изборск, находившиеся в трёхстах с небольшим километрах друг от друга, на заре своего зарождения принадлежали к одной исторической эпохе, не могли быть не отмечены одними и теми же событиями, участием в их судьбе одних и тех же исторических деятелей.

Первое упоминание Усвят в летописи относится к XI веку. Оно связано со столкновением полоцкого князя Брячислава (1001–1044 гг.), сына первого полоцкого князя Изяслава, с Ярославом Мудрым, киевским князем. Произошло оно в густо заселённом междуречье Западной Двины и Ловати, на важном волоке пути «из варяг в греки». Брячислав настолько стал силен, что приступил к военным действиям с киевскими князьями, напал на Новгород. Вот как об этом говорится в Полоцкой летописи: *«В лето 6029/1021 приде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь на Новьгородъ, и зая Новьгородъ и поим новгородцъ и имень ихъ, поиде Полотьску опять. И пришедшю ему к Судомири рѣцъ, и Ярославъ ис Кыева в 7 день постиже т и ту побѣди Ярославъ Брячислава и новьгородцъ вороти Новугороду, Брячиславъ же бежа Полотьску»*. Как свидетельствует летописец, нападение на Новгород закончилось удачей: город был взят, ограблен, захвачены пленники, но киевский князь, узнав о вероломстве Брячислава, догнал его дружину на реке Судоме и разбил её, вернул трофеи и пленников.

Здесь об Усвятах речи нет, но в других летописях – Софийской I и Воскресенской – выясняется, что побеждённого врага, своего племянника, Ярослав Мудрый не только не преследовал, но и отдал ему два города на ключевых позициях пути «из варяг в греки»: *«И оттоле призва к себе Брячислава, и давъ ему два города – Восвячь и Видбескъ, и рече ему: «буди же со мною заодин»*. Дар был, по-видимому, неожидан и, несомненно, велик. Летописец скупно добавляет: *«И воеваша Брячиславъ с Великимъ князем Ярославомъ все дни живота своего»*.

Исследуя этот демарш полоцкого князя, российские историки пытались разобраться, какие цели он преследовал, и увидели в нём

притязания экономически растущего Полоцка на ключевые позиции одного из ответвлений пути «из варяг в греки» – Витебск, где этот путь скрещивался с Западно-Двинским, и Усвятский волок, контролирующий этот путь. У Брючислава были связи с варягами, он владел путём по Днепру в Южную Русь и теперь считал, видимо, себя достаточно сильным, чтобы пробить путь на север к Новгороду. Взяв этот город с помощью варягов, Брючислав ушёл, зная, что это не останется безнаказанным.

Однако для Ярослава союз с полоцким князем был настолько важен, что он всё-таки отдал ему столь важные, ключевые центры на волоках. Приобретение было должным образом оценено полоцким князем: союз с Киевом им не был нарушен до самой смерти и соблюдался даже его сыном Всеславом до 1060 года.

Отсюда вывод: ко времени первого упоминания в летописи (вероятно, и раньше) Усвят, как и Витебск, уже находились во владении князей киевских и были широко известны как стратегический пункт на волоке, через который двигались иностранные купцы. Ценой его передачи Полоцкому княжеству надолго утвердился мир с Киевом на порубежных землях.

О более древнем возрасте Усвят свидетельствуют и археологические исследования. Изучением истории и археологии территории, на которой расположен нынешний Усвятский район, занимались в XIX–XX столетиях белорусские историки А.М. Сементовский, А.П. Сапунов, Е.Р. Романов, опубликовавшие свои исследования как в «Памятных книжках Витебской губернии», сборниках «Витебская старина», так и отдельными изданиями. Один из первых исследователей археологических памятников в местечке Усвят и его окрестностях Е.Р. Романов, отмечая их богатство и разнообразие, писал: «Пункт выдающийся в археологическом отношении и заслуживающий самого пристального изучения».

Однако лишь во второй половине прошлого века начались детальные археологические исследования территории района учёными и специалистами, которые опирались на находки местных жителей и краеведов. Коллекция находок хранится в Эрмитаже и Усвятском историко-краеведческом музее. В 1949–1954 годах впервые основательное изучение памятников старины на территории района было проведено Западно-Двинским отрядом Славянской экспедиции Института материальной культуры Академии наук СССР под руководством

Я.В. Станкевич. Ей принадлежат первые опубликованные планы увятских городищ, первое профессиональное описание археологических памятников урочища Юрьевы горы, где, по преданию, располагался древнерусский город Усвят. В частности, обследуя урочище Юрьевы горы на западном берегу озера Усвятское, Станкевич обнаружила на возвышенностях остатки древних поселений, которые ею были обозначены как «Селище № 1» и «Селище № 2» и датированы концом I – началом II тысячелетия нашей эры.

Почти через десять лет после Я.В. Станкевич на Усвятской земле начала работать экспедиция Эрмитажа, руководителем которой был А.М. Микляев. С 1962 по 1968 год основным местом её исследований были окрестности посёлка Усвяты. Если предыдущие попытки археологов отыскать здесь памятники периодов неолита и бронзы не были удачными, то Микляеву удалось открыть более сорока пунктов, давших материалы того времени. Некоторые из открытий произвели подлинную сенсацию в археологической науке. Ныне на карте археологических памятников района находится 105 объектов – стоянки, селища, городища, курганы и курганные группы, которые относятся к разным периодам истории. В частности, к эпохе неолита – Усвяты IV (слой Б) – свайное поселение 2700–2200 лет до новой эры. Эпоха бронзы представлена разными периодами на памятниках Усвяты IV (слой А), Усвяты I, III, V, VI, VII. Материалы раскопок увятских памятников позволили А.М. Микляеву выделить ряд новых археологических культур, в частности, увятскую неолитическую культуру.

Данные, полученные раскопками многослойных свайных поселений увятской культуры, свидетельствуют: благоприятные физико-географические условия позволяли устраивать долговременные поселения на свайных фундаментах в прибрежье озёр и длительное время эксплуатировать их при необходимых ремонтах и перестройках. На каждом поселении одновременно проживало по 100–150 человек. Мировую известность получило, в частности, неолитическое свайное поселение Усвяты IV, расположенное на северном берегу озера Усвятское, который местные жители называют «Рог». Оно было раскопано в 1964 году. Остатки свайных сооружений, отнесённые к первому периоду строительства, датированы по радиоуглеродному методу 4570–4510 лет назад. «По-видимому, исследованные нами сооружения не являются древнейшими для этого пункта, – заметил Микляев. – Есть данные, позволяющие считать, что остатки первоначального строи-

тельства в настоящее время находятся на дне современного Усвятского озера и пока не доступны для изучения».

В 1966 году сотрудники экспедиции Эрмитажа, исследовав курган в районе Юрьевых гор, обнаружили погребение по типу трупопожжения, датируемое временем около середины X – начала XI века, и горшок с линейным и волнистым орнаментом. В 1967 году на втором селище Р.С. Минасян обнаружила находки, которые можно было бы отнести к X–XI векам, ко времени первого летописного упоминания города. Подавляющая масса обломков сосудов из раскопов и сборов на Юрьевых горах относится к XII–XVI векам. Но особый интерес представляют находки, которые можно было бы отнести к X–XI векам, то есть ко времени первого упоминания города в летописи.

Первым мысль о том, что первоначально город Усвят был основан на Юрьевых горах или примерно в двух километрах южнее современного рабочего поселка Усвяты, высказал А.П. Сапунов. Свой вывод о перенесении города на другую сторону озера, в местность, известную под названием «замок», он подкрепил топонимическими данными: горы получили название Юрьевских, потому что там находилась древняя церковь Георгия Победоносца. Косвенно указывает на это и документальный источник – писцовая книга XI века: *«над оз. над Усвятом городище Старое Усвятицкое, а на городище земля пашенная»*. Как следует из этой цитаты, в то время городище на Юрьевых горах уже было распахано.

Эту же мысль поддержал Е.Р. Романов, писавший о древностях Усвят по документам 1765 года: *«Древнее поселение Усвят ... находилось, по преданию, на Юрьевых горах. Две горы, искусственно возвышенные, находятся при истоке и устье рукава, соединяющего озёра Усвято и Узмень; в свое время они, очевидно, служили прикрытием этого важного водного пути»*.

Эти изыскания показывают, что территория нынешнего посёлка была заселена с глубокой древности. Древнерусское поселение, получившее название Усвят, возникло на стыке двух культурных областей – «сопочной», ориентированной на Новгородчину, и «длиннокурганной», характерной для северной Белоруссии, – в частности, Полоцка. Здесь пролегали два древних волока: один – с верховьев Усвячи на Кунью и далее на Ловать в район Холма; второй – западнее Усвят с Усвячи на верхнюю Ловать. Очевидно, что уже на ранних ста-

диях опорный пункт, возникший на волоке, превратившийся в летописный Всвяч, оказался в сфере конкурентной борьбы Полоцка и Новгорода. Более ста лет назад Е.Р.Романов описал три пути из Ловати в Западную Двину на территории нынешнего Усвятского района.

Обнаруженные в усвятских землях клады, прежде всего нумизматические, свидетельствуют о разнообразном деловом люде, путешествовавшем по местным торговым путям. Таким образом, своим рождением поселение, превратившееся со временем в летописный Всвяч, – один из древнейших городов Руси, обязано великому водному пути «из варяг в греки».

...В последующее время события под Усвятами не раз привлекали внимание летописцев. Так, Новгородская летопись под 1222 годом сообщает о том, что новгородский князь Ярослав Всеволодович выгнал из Торопецкой волости вторгшихся туда литовцев и преследовал их до Вьсвята: *«Воеваша Литва около Торопца игониса по них Ярослава с Новгородци до Всвята и не угони их».*

Далее Московская летопись уже под 1227 годом сообщает: *«Тое же зимы Литва воеваша около Новагорода и около Торопца и около Смоленска и до Полоцка, бе бо рать их велика, 7 их тысящ, и гости побииша. Слышав же то князь Ярослав Всеволодович и сжаливси зело о христьянех, и поиде ис Переяславля, придоша же к нему и Новоторжцы и торопчане и Новгородцев мало, и постигоша Литву у Вьсвята. Литва же видевшее исполчишася противу им на озере. Князь же Ярослав поиде противу им, и съступившемся им погоша окааннии; князь же Ярослав поиде погна по них и полон весь отъя, а самих изби и изнима 2 000 и князя их ят. И бысть радость велика по землям тем, свобод ибо их от поганых».*

Речь здесь идёт о важной победе вблизи Усвят объединённых сил русских князей – новгородского Ярослава Всеволодовича, торопецкого Давида Мстиславовича, псковского Владимира Мстиславовича – над семитысячным отрядом литовцев, которые потеряли только убитыми более двух тысяч человек. Литовские князья были взяты в плен. Понесли потери и русские воины. Победа та состоялась «в неделю сыропустную».

Поход под Усвяты совершал и сын Ярослава Всеволодовича – новгородский князь Александр, проявивший мужество и талант полководца в 1240 году в битве со шведскими рыцарями на реке Неве, которая дала ему прозвание Невского. Он прославил своё имя

в борьбе со шведами, немцами, литовцами, которые стремились овладеть Псковом и Новгородом в то время, когда остальная Русь подверглась страшному ордынскому погрому. В 1242 году Александр Невский освободил от немцев Псков, разгромил наголову немецких рыцарей на льду Чудского озера. Летом того же года ему удалось за один поход рассеять несколько литовских отрядов, немало литовских князей было взято в плен. Поход достиг цели: с этого времени литовцы «начаша блюстиша имени его».

Однако в 1245 году литовцы, оправившись от нанесённых поражений, вновь совершили набег на русские земли. Опустошив окрестности Торжка и Бежецка, они собирались с захваченной добычей возвращаться домой, но под Торопцем были застигнуты русскими князьями и, потерпев поражение в открытом бою, засели в городе. Следующим утром на помощь русским князьям подоспел Александр Невский с дружиною и новгородцами. Торопец был в тот же день взят, а литовцы большей частью уничтожены или взяты в плен. «Со своим двором» Александр погнался за теми врагами, которые успели спастись бегством и, настигнув их близ озера Жизца, истребил всех до последнего человека.

Этим дело, однако, не кончилось. Александр Невский прибыл в Витебск, где находился его малолетний сын и, взяв его после кратковременного отдыха, выступил в поход. Близ Усвята он встретился с новыми отрядами литовцев. Неожиданное нападение русской дружины с прославленным князем во главе привело неприятеля в смятение: несмотря на свою многочисленность, литовцы бросились бежать. Но Александр не дал им опомниться и нанёс решительное поражение, взяв в плен восемь литовских князей. В Новгородской летописи об этой победе сказано: «Встретил ... рать литовскую у Всвята и тех изби».

Сопоставляя археологические находки с письменными источниками, белорусский археолог Г.В.Штыхов сделал вывод о том, что «город располагался в X–XIII веках на Юрьевых горах». Функция контроля торгового пути – усвятского волока – до XI–XII веков могла осуществляться в городе на Юрьевых горах, на западном берегу Усвятского озера, пока эта роль не перешла к замку, сооружённому в более удобном месте – напротив протоки (Городечное озеро), соединяющей Усвятское озеро с озером Узмень, куда переместилось и городское поселение.

Когда Усвят переместился на три километра севернее Юрьевых гор, определённо сказать трудно. Правда, письменные источники позволяют уточнить дату сооружения усвятского замка на центральном городище, получившем название Замковой горы, – это 1566 год. Польский историк Р. Гейденштейн писал: *«Усвят, будучи расположен на небольшом холме между двумя озёрами и рекою Усвьячею, с запада ограничивается оз. Узмень..., с востока другим, называемым тоже Усвят, с юга рекою того же названия, которая, протекая по тому и другому озеру, вливается в Двину при Сураже»*. Описание соответствует старой карте местности, за небольшой неточностью: с южной стороны Замковой горы находится протока, соединяющая озёра Усвят и Узмень, а не река Усвьяча. Указанное описание относится ко времени Ливонской войны, когда поляки сожгли город возле «замка Усвятского». Следовательно, тогда замок и посад уже находились на месте современного посёлка, на северном берегу протоки.

Результаты археологических раскопок дают лишь некоторое представление о хозяйственном, торговом и культурном развитии города, ибо изученными оказались пока небольшие территории.

Название городу дала, скорее всего, река с красивым названием Усвьяча. Точно так же произошло название других ближайших городов: Витебск – от речки Витьбы, Полоцк – от речки Полоты. Название города имело в летописях сначала форму мужского рода и самые разные написания: Вьсвячъ, Усвьячъ, Свячъ. И уже потом, при Иване Грозном, стали называть Усвятю или Усть-Свято. Затем средний род был заменён мужским – Усвят. Узаконенная форма множественного числа – Усвяты – появилась в начале XX века.

Вот как истолковывается название города в той форме, в которой оно впервые засвидетельствовано в летописном контексте, в книге известного советского исследователя В.П. Нерознака «Названия древнерусских городов»: название Всвьячъ (Восвьячъ, Вьсвьятъ, Вьсвьячъ) возникло в результате агглютизации предлога во-, въ- и топоосновы – свять, – свьячъ/ь. Вторая часть топонима происходит от древнерусского «святой», топонимы от этой основы широко распространены в Восточной Славии.

На территории современного посёлка расположены три городища, которые остались от древних укреплений, – Замковая гора, Пруд, Бугор. Как отмечал Е.Р. Романов, Замковая гора «вообще пред-

ставляет из себя неприступный городец, могший служить убежищем в минуты опасности. Предполагается существование подземных ходов из замка к Юрьевым горам (Старому Городу)». Тайны, связанные с существованием подземных ходов, до сих пор не дают покоя местным краеведам-энтузиастам, однако разгадать их пока не удалось. А вот подтверждение тому, что городище на Замковой горе было обитаемым в эпоху раннего неолита, были добыты во время археологических раскопок.

На южном склоне городища найдена гончарная посуда из плотной чёрной глины, датируемая XIII–XIV веками, встречалась керамика более позднего времени, обломки изразцов XVI–XVII веков, что позволяет сделать вывод: укрепление на Замковой горе существовало длительное время.

Городища Пруд (находится близ шоссейной дороги, при въезде в посёлок со стороны Невеля) и Бугор (к востоку от впадения в озеро Усвятское протоки из смежного с ним озера Узмень), расположенные на расстоянии трёх километров друг от друга, относятся, как установили археологи на основании культурных остатков, к укрепленным поселениям начальных веков первого тысячелетия нашей эры.

... С конца XII века северо-западные русские области постепенно переходят в руки литовских князей. И только Витебский удел Полоцкого княжества сохранял некоторую независимость под покровительством то киевских, то черниговских, то смоленских князей. Последним Витебским удельным князем был Ярослав Васильевич. В 1318 году он выдал свою единственную дочь за литовского князя Ольгерда Гедиминовича. Вместе со своей супругой Ольгерд до самой смерти Ярослава Васильевича, последовавшей в 1320 году, жил в Усвятах, принадлежавших к Витебскому княжеству и бывших его резиденцией.

Витебск с Усвятом, находясь в зависимости то от Смоленска, то от Полоцка, сохранял до того времени «тьнь своей независимости», пока «последний витебский русский царь», по выражению Е.Р. Романа, передал княжество своей единственной дочери, жене Ольгерда. Таким мирным способом Витебское княжество, простиравшееся далеко на восток, оказалось присоединённым к Литве, а Ольгерд сделался князем Витебским, вступив в 1345 году на великокняжеский литовский престол.

Так после более чем 300-летнего управления почти исключительно русскими князьями из дома Изяслава Владимировича Усвят оказался в составе Великого княжества Литовского. Вместе с Витебском он стал базой походов литовских, а затем и польско-литовских войск на смоленские, московские и другие русские земли.

В 1386 году Литовское княжество соединилось с польским королевством. «Кровавые распри, опустошавшие веками, не прекратились и теперь...», – писал, окидывая взором историческое прошлое, белорусский историк Е.Р. Романов. В 1437 году русское и православное население края было поработщено Польшей и католицизмом. В это время Восточная Русь, изнывавшая под татарским игом, не могла подать руку помощи Руси Западной. Когда же, по освобождению от татар, Москва вступила в борьбу с Литвою и затем с Польшей, борьба, продолжавшаяся с 1492 по 1687 год, закончилась неудачно. Витебский край, опустошавшийся при каждом возобновлении военных действий, к концу борьбы представлявший совершенную пустыню, остался за Польшей.

Бедствия его на этом не закончились. Были периоды, когда Усвяты отбивались русскими войсками и возвращались в систему русской государственности, но освобождение это носило временный характер в почти 450-летней истории нахождения города-крепости под чужеземным игом.

15 августа 1580 года войска польского короля Стефана Батория подошли к замку и «осадили русскую крепость Усвят». Она была взята неприятелем, а 17 августа в Усвяты прибыл Стефан Баторий. Отсюда он продолжил поход на Великие Луки, Опочку, Красный Городец, Остров, Псков и Изборск..

Только в 1772 году, в царствование Екатерины II, по присоединении Белоруссии, Усвяты окончательно возвратились в состав Российской империи. Они были пожалованы вскоре князю А.А.Вяземскому, известному государственному деятелю. Затем владельцами Усвят и их окрестностей становились другие более или менее известные в России графы, князья, генералы и их наследники и даже иностранные подданные. За 135 лет, до 1917 года, местечко сменило 13 хозяев, последним из которых был Павел Владимирович Родзянко, брат Михаила Владимировича Родзянко, который в 1911–1917 годах председательствовал в III и IV Государственных Думах Российской империи.

11 января 1787 года Усвяты посетила сама императрица Екатерина II – проездом из Великих Лук в Велиж, во время её путешествия по российским губерниям.

Усвяты – единственный райцентр современной Псковской области, который был оккупирован французскими войсками в Отечественную войну 1812 года. Их заняли 17 июля 1812 года части 4-го корпуса Богарне. А через почти три месяца оккупации местечко освободил особый отряд барона Ф.Ф. Винценгероде.

...Несмотря на довольно обширный перечень «безвозвратных потерь», сегодня в Усвятском районе есть что показать туристам. «Визитная карточка» Усвят – «Белый дом» (дом Родзянко) на Замковой горе. Невозможно представить Усвяты без знакомых очертаний Юрьевых гор, древних городищ Пруд и Бугор, островов на Усвятском озере; без таких природных жемчужин, как озёра Кляже и Белое. Появляются идеи – воспроизвести уникальное свайное поселение Усвяты-IV с оригинальной туристской деревней, возродить часть пути «из варяг в греки», открыть для осмотра длинные подземные галереи и ходы «Белого дома» на Замковой горе...

Усвяты сегодня – это северо-западная псковская провинция, из которой видна вся Россия, могущество которой будет прирастать силой своих дальних территорий.

Источники и литература

1. *Алексеев Л.В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1-2. М., 2006.
2. *Без-Корнилович М.О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. СПб, 1885.
3. *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб, 1889.
4. Дневники похода Стефана Батория на Россию. М., 1897.
5. Землевладение и землевладельцы Витебской губернии в 1905 г. Витебск, 1907.
6. Камер-фьюгерский церемониальный журнал 1787 года. СПб, 1886.
7. *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989.
8. *Микляев А.М.* Каменный-железный век в междуречье Западной Двины и Ловати. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук в форме научного доклада. СПб, 1992.

9. *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
10. *Никитенко Н.В.* Усвяты (историко-краеведческий очерк). Псков, 2009.
11. Памятная книжка Витебской губернии, 1861–1914 гг.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М-Л, 1949.
13. *Романов Е.Р.* Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский (Извлечение). Могилёв, 1898.
14. *Сапунов А.П.* Усвят (местечко Витебской губернии) и святыни его. Витебск, 1889.
15. *Солодов П.В.* Усвяты. Л., 1986.
16. *Станкевич Я.В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н.э. МИА, 76. М-Л, 1960.
17. Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.). Минск, 1978.

ДВЕ ИЗВЕСТНЫЕ ОСАДЫ ГОРОДА ОПОЧКИ (1426 И 1518 ГГ.)

Кондратеня А.В.,
краевед (Опочка)

Возникновение Опочки связано с разорением в 1406 году под руководством Витовта, Великого князя Руси и Литвы, крепости Коложе (городище, находящееся в 12 километрах от Опочки по дороге на Новоржев).

В 1414 году на берегу реки Великой псковичами за две недели была построена деревянно-земляная крепость, которая стала носить название Опочка (от слова «опока» – известняковый камень).

Первую осаду Опочка держала от того же Витовта, когда он 1 августа 1426 года появился под её стенами. На помощь защитникам крепости были присланы 50 вооружённых псковичей. Опочане ещё до прихода неприятеля повесили на верёвках тонкий мост перед воротами своей крепости и под ним набили острые заострённые колья, которые замаскировали. Когда осаждающее войско Витовта взбежало на мост, опочане подрезали верёвки – враги попали на колья, а захваченных в плен мучили на виду у самого неприятеля. После двух дней осады была снята.

Существует предание об этой осаде, о котором повествует опочекский краевед И.П. Бутырский: «Когда опочане начали ходить с крестным ходом и со святыми иконами вокруг крепости, то неприятели... начали стрелять в священные хоругви и в святые иконы. В это время прострелили они, повыше правого ока, образ Всемилостиваго Спасителя. Неприятели, устрашённые невидимою силою, поспешно отступили от Опочки. Литовцы в ослеплении рубили даже друг друга».

Два года спустя, в 1428 году, опочане в честь этой осады написали список с иконы Всемилостиваго Спасителя с присовокуплением

И поє подіи намъ бетникъ о потіцкїи
 двїи лїи мїхїлопїи салткїи копъ со
 поє мнї лїи мїграскїи мї . бгѡупомога
 ющеу ворахонса пропїишоу королеп
 понскїа крѣпко . и на прїстїдпехъ
 испдшекъ и испїицалей . и катїи
 бо дїи мнї слонї зїгорода повїища
 мнї оє мнї жестполюдей королеп

И прѣже приде поградокъ гископскіи .
подопчиоу . людіе же поградѣ за по
ришаа потайшеса . іакомнѣ
пигришѣшимѣ поуспаѣго . и іако
начаша та іа роуе есака іа пина мостѣ
накѣнѣ . а гражане оутигнѣша мостѣ
на оужіца а по нѣ соли а іа зѣ осприцѣ
Повѣща;

Нѣкоже въ стѣ полшнѣ мѣстѣ про
пшны и гражане портъ зашаоу
жица и мѣстѣ паде са
снѣми на колѣе
оно . и пѣ
конзо
мрош
пси

трёх лиц: Святых преподобных отцов Исаакия и его сподвижников Далмата и Фавста, которых память Православная церковь празднует 3 августа (день отступления Витовта от Опочки).

Другая известная осада Опочки происходила в период, когда Псковская земля была присоединена к Московскому государству. В 1518 году литовское войско под руководством князя Константина Острожского почти в течение месяца осаждала крепость Опочку. По событиям этой осады было составлено сказание «Чудо преподобного Сергия Чудотворца о преславной победе на Литву у града Опочки». Войско К. Острожского обступило крепость и начала её обстреливать из больших пушек и пищалей. Обороной крепости руководил воевода и опочецкий наместник Василий Михайлович Салтыков. Оборона продолжалась почти месяц, силы защитников были на исходе, не хватало орудий для отражения атак. Одной из опочанок во сне привиделся преподобный Чудотворец Сергий, который указал ей, что в земле у городской церкви за алтарём есть камень. Об этом на следующее утро девушка рассказала воеводе Василию и защитникам крепости. Но те ей не поверили. Но один мужчина, слышавший речи девы, пошёл копать землю в указанном месте и действительно нашёл большой камень, который едва могли сдвинуть 20 человек. Остальные последовали его примеру, и вскоре был обнаружен погреб, который был полон камнями. Эти камни были использованы при очередном приступе крепости войском К. Острожского.

В честь помощи опочанам Сергия Радонежского горожанами была поставлена церковь во имя преподобного, одновременно с ней была построена церковь во имя святой великомученицы Параскевы Пятницы, память которой празднуется 28 октября (день снятия осады Опочки). Н.М. Карамзин так описывал эту осаду:

«Воевода Псковский Андрей Сабуров, без ведома Государева, ходил с тремя тысячами воинов на Литву: шёл мирно, не делал никакой обиды жителям и стал у Рославля, объявив гражданам, что бежит от Великого князя к Королю. Они верили и выслали ему, как другу, съестные припасы; но Сабуров нечаянно, в торговый день взял Рославль, обогатился добычей и вывел оттуда множество пленников, из коих освободил только 18 купцов немецких. Чтобы наказать псковитян, герой Сигизмундов, Константин Острожский хотел завоевать Опочку, где был наместником Василий Михайло-

вич Салтыков, достойный жить в истории, ибо он редким мужеством удивил своих и неприятелей. Литовцы вместе с наёмниками Богемскими и Немецкими, две недели громили пушками сию ничтожную крепость: стены падали, но Салтыков, воины его и граждане не ослабели в бодрой защите; отразили приступ, убили множество людей и воеводу Сокола, отняв у него знамя. Между тем Воеводы Московские спешили к Опочке: из Великих Лук князь Александр Ростовский, из Вязьмы Василий Шуйский. Впереди были князь Фёдор Оболенский Телепнев и храбрый муж Иван Лятский с детьми боярскими: они близ Константинова стана в трёх местах разбили наголову 14 тысяч неприятелей и новую рать, посланную Сигизмундом к Острожскому; пленили воевод, взяли обоз и пушки. Наша главная сила шла прямо на Константина. Он не захотел ждать её, снял осаду, удалился скорыми шагами и не мог спасти стенобитных орудий, которые остались трофеями Салтыкова».

Опочецкая крепость в XVIII веке уже не имела того значения, каким обладала до царствования императора Петра I. Последний раз она как крепость упоминается в 1763 году, когда была причислена к Лифляндскому департаменту.

Литература

1. *Бутырский И.П.* Опыт древней истории города Опочки. Псков, 1879 г.
2. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского.
3. *Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков, 1912 г.
4. Чудо преподобного Сергия Чудотворца о преславной победе на Литву у града Опочки.

КРЕПОСТЬ ЗАВОЛОЧЬЕ

Юринова Е.Д.,

заведующая отделом Краеведческого музея

(город Пустошка)

На территории нашего района находится бывшая крепость Заволочье. Она располагалась на острове Большой (ныне полуостров) озера Подцо, что в 10 километрах от современной Пустошки.

После завершения к концу XV века процесса объединения вокруг Москвы северо-восточных русских земель стало неизбежным её столкновение с «собирателем» западно-русских земель – Великим княжеством Литовским. На повестку дня встал вопрос о том, кто из них является законным наследником древнерусского государства.

За обладание западно-русскими землями с конца XV – первой половины XVI века между Московским государством и Великим княжеством Литовским велись многочисленные русско-литовские войны, и далее, до третьей четверти XVII века, – русско-польские войны. Шесть войн с Великим княжеством Литовским и 4 – с Польшей. В период ведения одной такой русско- литовской (Стародубской) войны 1534–1537 годов было произведено укрепление границы: осуществлено строительство крепостей Иван-город (Себеж) в 1535 году и в 1536 году – Заволочья и Велижа. 18 февраля 1537 воюющие стороны заключили Московское перемирие на пять лет; по его условиям Гомельская волость возвращалась Литве, но Себеж и Заволочье остались за Московским государством.

Крепость Заволочье относилась к островному типу крепостей. Она была построена во время регентства матери Ивана IV Грозного Елены Глинской. Об основании её говорится так:

« <...> Велел князь великий поставити во Ржевском на литовском рубежи град землян, а нарек его Заволочье» [1].

В новом городе на земляном валу были возведены деревянные стены и 9 деревянных башен, построена церковь Покрова Пресвятой Богородицы с двумя приделами, поселены жители и назначены два наместника, которые и управляли Заволочьем. С трёх сторон крепость омывало озеро Подцо, с четвёртой сквозь озеро протекала река Великая. Крепость соединялась с посадом мостом – некоторые дубовые сваи сохранились до наших дней.

Крепость Заволожье имела большое военно-стратегическое значение для Российского государства, так как она защищала водный и сухопутный пути, связывавшие Литву с Псковом и Новгородом. Первым боевым испытанием для нового города стали события 1580 года – времени второго похода на Русь войска Стефана Батория. Чтобы читатель яснее представлял себе историческую ситуацию, напомним, что это было время Ливонской войны (1558 – 1583 гг.), войны России за выход к Балтийскому морю против Ливонского ордена, Швеции, Польши и Великого княжества Литовского (с 1569 года – Речи Посполитой). Война велась в течение 25 лет.

1-й этап (до 1561 г.) завершился разгромом Ливонского ордена. На *2-м этапе* (до 1578 г.) русские войска вели борьбу с переменным успехом, заняв летом 1577 года ряд прибалтийских крепостей. На *3-м этапе* (с 1579 г.) русские войска вели оборонительные бои (героическая оборона Пскова 1581 – 1582 и др.) против армии Стефана Батория и шведских войск. Ливонская война завершилась подписанием невыгодных для России Ям – Запольского и Плюсского перемирий [2]. Речь пойдёт о третьем этапе Ливонской войны.

3-й этап Ливонской войны состоял из трёх походов. Первый поход С. Батория начался взятием в августе 1579 года Полоцка, затем пали крепости Сокол, Красный, Нищерда и другие. Во втором походе в 1580 году С. Баторий взял Велиж, Великие Луки, Усвяты, Торопец, Невель, Езерище, Заволожье. В третьем походе в 1581-1582 годах войска Батория захватили Холм, Старую Руссу, Остров, в течение 5 месяцев осаждали Псков. «В Батории [3], избранном в 1576 году польским королём, и в его главном помощнике канцлере Яне Замоиском, Иоанн встретил противников, которые сумели не только лишить царя всех плодов прежних счастливых походов в Ливонию и Литву, но и поставили Россию в самое критическое положение» [4].

К сожалению, русские источники, которые представляли бы ход дел с московской точки зрения, почти совсем отсутствуют за первые

два года Баториевой войны (1579-1580), поэтому обратимся к иностранным авторам. Я нашла три источника, которые описывают военные события того периода у стен Заволоцкой крепости: «Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1 августа по 25 ноября 1580 г.», ведённый Лукою Дзялынским [5], старостою Ковальским и Бродницким», «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию» секретаря королевской канцелярии ксендза Станислава Пиотровского», «Записки о Московской войне (1578-1582)» Р. Гейденштейна [6]. Каждый из этих авторов по-своему представляет осаду нашей крепости, взаимно дополняя друг друга.

Итак, 1580 год. После взятия Велижа, Усвят, Великих Лук, Невеля, Езерища, «теперь поблизости выдавались две крепости, Торопецкая и Заволочская, которые могли мешать спокойному владению всею этой областью.

Король понимал, что при нерасположении сельского населения к новой власти, при обширности пустынных пространств со стороны Литовской, если он ещё оставит в руках неприятеля Торопец и Заволочье, то и гарнизон, находящийся в Луках, может подвергнуться большой опасности. Так как король помышлял уже о походе будущего года, то кроме вреда, какой Заволочье может нанести Лукскому гарнизону, оно получало важность и в другом отношении; ибо Заволочье расположено на таком месте, от которого идёт главная дорога к Пскову, и, очевидно, может послужить немаловажным препятствием при походе на Псков. <...> По завоеванию Заволочья, по мнению короля, ничего кроме Острова не встретилось бы почти до самого Пскова такого, что могло бы задержать его путь.

Король отправил Яна ЗамоЙского к Заволочью, увеличив число пушек и присоединив к войскам, которые были у ЗамоЙского, ещё 500 человек венгерской пехоты и отряд всадников. Выехав из Великих Лук, <...> Баторий остановился в Невле на несколько дней подождать исхода осады Заволочья» [7].

Ещё до прибытия королевских войск защитники Заволочья под командованием мудрого воеводы Сабурова сожгли посад, уничтожили мост через реку Великую, все лодки укрыли за крепостными стенами и сделали другие благоразумные предостережения.

Прибыв к Заволочью, ЗамоЙский «произвёл осмотр и, объехав со всех сторон крепость, нашёл, что в направлении к полудню против крепости, на том же озере есть другой остров, <...> и что тут находит-

ся кратчайший путь к крепости. <...> Поэтому на следующий день он перевёл туда всё войско <...> и поставил лагерь» [8].

Под стенами Заволочья, бесспорно, стояла превосходная армия, вполне владевшая всеми современными для той эпохи приёмами ведения войны. У Батория имелись отличная артиллерия, опытные инженеры, возводившие осадные батареи, рейтары из Германии, многочисленные литовские, польские и венгерские воины.

«В польской коннице можно было различить роты тяжёлой кавалерии – гусаров, закованных с ног до головы в железо, и казаков – легко вооружённых. Пехота состояла большей частью из венгерцев, которые получали большую плату, отличались нарядом от других солдат в знак двойной печали и из уважения к канцлеру Замойскому, потерявшему незадолго перед этим жену и дочь, носили чёрные кафтаны» [9].

Осаждавшим нельзя было отказать ни в воинском искусстве, ни в мужестве. Тем не менее, гарнизон Заволочья выдержал двадцатидневную осаду и сдал город противнику только ввиду многократного перевеса сил и обречённости своего положения. «200 воинам Заволочья противостояло тогда около 4000 неприятельских солдат» [10].

А ведь осады могло и не быть. В 1579 году крепость Заволочье чуть не пала жертвой преступного замысла. Гейденштейн описывает дело так: «Вначале, когда Московский царь взял Полоцк, то он увел всех тамошних дворян и всех и крестьян в Московскую область; потом, когда уже укрепилось за ним владение этой областью, он, полагая, что у туземцев от долгого времени пропала любовь к прежнему управлению, снова поселил на прежних землях некоторых из них, и в том числе некоего Коссонского, выдававшегося над крестьянами не столько телесною силою, но и умом, вместе с его сыновьями и братьями, также весьма сильными людьми. Лишь только Полоцк воротился под власть короля, Коссонский стал измышлять, как бы ему возвратиться с некоторой почестью к прежней власти. Он указал Полоцким казакам, в каком положении дела неприятелей. Когда последние, с разрешения воеводы Полоцкого, в назначенное Коссонским время подступили к Нищерде, то они нашли, что окопы, как предупреждал их Коссонский, даже не окончены, и без всякого труда овладели этой крепостью. Тем не менее Коссонский, по своему обыкновению, продолжал вращаться между Москвитянами, не возбуждая никакого подозрения, так как они считали приход ка-

заков под Нищерду случайным, и вот он задумал таким же образом передать нашим и Заволочье. Тем же казакам он назначил день для прихода под Заволочье, условился, что он сам зажжет башню, и, пока Москвитяне будут заняты тушением этого пожара, введет их в крепость. Когда же план этот был открыт, то Коссонский вместе с двумя сыновьями был посажен на кол в виду Заволочья» [11].

«Казалось всем, что осада будет в высшей степени затруднительна, так как крепость, окружённая водою со всех сторон, была недоступна. Кроме того, она была укреплена искусственно; время года было также самое неблагоприятное, и войску грозила опасность постоянно страдать от дождей, холодов и уже ожидавшихся в скорости морозов; тем не менее, Замойский полагал, что не должно совершенно отчаиваться. Вследствие этого он стал готовить всё нужное для приступа.

Прямо против нашего лагеря находились огромной величины три больверка; два самые крайние были скреплены из огромных и очень крепких брёвен, средний, несколько меньший; все они, равно как больверки и других сторон, были снабжены окнами и были удобны для стрельбы из пушек. Так как они не были покрыты дёрном, но по старому обычаю были обмазаны глиной, то Замойский возымел большую надежду на то, что, когда сбита будет глина с одной стороны, они, состоя из старого и сухого и свободного от всякой сырости материала, весьма легко загорятся и, загоревшись, вследствие такой большой кучи брёвен, возбудят пожар на очень обширное пространство. Надежду его поддерживало и поведение Сабурова, человека, пользовавшегося большим значением среди Москвитян и у князя, и бывшего в то время начальником крепости; не желая или тратить попусту порох или утомлять воинов, он в величайшем молчании, <...> держался и держал своих внутри укреплений, хотя при первом прибытии нашего войска неприятель, изрубив на мелкие кусочки захваченных раньше двух наших фуражиров и бросив их с крепости, пытался этою жестокостью возбудить ужас на проходящем войске» [12].

«<...> У подошвы крепости был покатый всход к ней, который неприятель загородил одним палисадом из высоких брёвен и двумя рядами огромных и весьма острых кольев, оставив между каждым значительный промежуток. Против этого Замойский придумал следующее: так как у него не было шерсти, то он, набрав со всего

войска чепраки и попоны лошадей, сделал из них огромное множество мешков. Он объяснил солдатам, что природа местности достаточно их защищала от выстрелов больших пушек, ибо их нельзя направлять вниз, а для защиты себя против ружей, при вступлении на противоположный берег он научил их эти мешки прикрепить к кольям и, спрятавшись за ними, тотчас проводить рвы с той стороны под крепостью; отсюда можно будет потом и отогнать неприятеля, если он выйдет за свои укрепления, и зажечь больверк» [13].

Теперь приведу некоторые выдержки из дневника Луки Дзязынского, в котором он подробно описывал события каждого дня.

«4 октября. <...> сев на лошадей, мы отправились под крепость. В темноте мы блудили по лесу до самого рассвета и достигли замка только тогда, когда уже был день. <...> Гетман <...> приехал к нам под замок, высматривая место для окопов и лагеря. <...> Во время этой рекогносцировки постоянно стреляли из замка. <...>

5 октября. <...> В этот день он (гетман. – Е.Ю.) послал в замок грамоту, в которой увещевал их сдаться. Неприятель грамоты не захотел принять и страшно нас ругал. <...>

6 октября. Часа в четыре гетман приказал ударить в барабаны для сбора ротмистров: он просил их помочь возить хворост для плетения тур и дерево для постройки моста. На это все охотно согласились и приказали своим солдатам возить хворост; затем в тот же день начали плести корзины и строить мост, по которому нужно было идти на приступ. <...>

7 октября. С большим рвением все без исключения возили и работали в этот день так, что корзины и мост были готовы. <...>

8 октября. В этот день перед полуднем привезли пушки, снаряды и порох; подошла также пехота. В этот день начали копать траншеи. <...>

9 октября. Лишь только начало рассветать, как открыли пальбу по крепости из осадных орудий, которых было 8. В этот же день объявлено через трубача, что тот, кто захочет идти на приступ с приметом, чтобы зажечь замок, должен быть наготове за 2 часа до рассвета и должен находиться в окопах. Тому, кто подожжёт замок, гетман обещал дать 400 злотых. <...>

10 октября. В этот день, лишь только начало светать, гетман приказал навести мост на озере, чтобы по нему идти с горючим материалом для зажжения крепости. Долго работали, пока не удалось навести его, и когда уже хотели отправляться по нему, как тут

только заметили, что он слишком короток. Тех, которые строил мост, погибло около 80 человек. <...>

В этот день гетман приказал роте Выбрановского оттянуть мост с того места, где он стоял, для того чтобы поправить его. Когда тащили его на канате и на мосту было только двое, которые отпикивались от берега, как вдруг канат лопнул, и мост с 2 гайдуками сильным напором ветра унесло на самую середину озера. Увидев это, русские начали выносить лодки из замка и спускать их в озеро, чтобы захватить мост; в каждой лодке было по 3 человека. Тогда гетман приказал ударить в барабан тревогу. Затем одни из наших сели в лодки, чтобы плыть на помощь, другие верхом скакали вокруг озера, тоже желая помочь, так как с другой стороны выстрелы пробивали мост. С обеих сторон шла усиленная пальба: наши стреляли по тем, которые хотели захватить мост, а неприятель по тем, кто плыл на выручку его. Вдруг один чёлн вынесся вперёд и причалил к самому плоту: сидевшие в нём уже хотели выходить на плот, как двое пехотинцев, бывших на мосту, приняли их так, что потопили чёлн вместе с неприятелем. Когда наши собрались в большом числе к мосту, то русские ушли в крепость, забрав с собою свои лодки. Мы, захватив мост, притянули его к берегу и исправили. <...>

11 октября. Утром на самом рассвете гетман приказал отвязать мост, а для того чтобы людям, которые потянут его к сваям и станут привязывать к косякам, не вредила стрельба из крепости, велел сделать большие мешки, набить их простыми коврами и повесить по обеим сторонам плота. На этом плоту находился п. Уровецкий, ротмистр и пехота, которые и привязали мост. <...>

Потом гетман двинул на приступ венгерцев, как велено было королём, с тем чтобы, когда крепость будет взята, передать её венгерцу п. Зибжику. По этой причине венгерцы непременно хотели сами брать её и не соглашались взять с собою кого-либо из поляков. Когда по приказанию гетмана венгерцы шли на приступ и когда их было уже около 300 на той стороне моста, вдруг с двух сторон из крепостных ворот вышло несколько десятков русских. Увидев их, венгерцы бросились бежать. Заметив это, гетман приказал польской пехоте спешить им на помощь; обе стороны столкнулись на мосту. Венгерцы ни за что не хотели идти на русских, наши тоже не могли пройти сквозь венгерцев к неприятелю, и от такой давки мост разломался пополам. наших в этот день погибло немало, в особенности дворян вен-

герцев, числом 50, которые спешились, чтобы идти на приступ, 150 гайдуков, раненых же было весьма много. Русских также погубило около 30. Как только мост разломался, гетман приказал притянуть его к берегу, и в этот день больше ничего не предпринимали и не стреляли. В этот день создали ротмистров. С ними гетман совещался, как поступать дальше; после долгих рассуждений было решено донести королю о случившемся и спросить его, как он прикажет действовать. <...>

12 октября. <...> Было решено построить 2 моста, готовить лодки и боты, чтобы разом со всех сторон сделать приступ; <...> При этом гетман просил помочь возить дерево для моста и собирать боты и челноки; на это все жолнеры изъявили полную готовность. В этот день начали исправлять разломанный мост и строить другой. <...>

13 октября. <...> гетман сообщил им, что желание и воля короля такова, чтобы осада продолжалась, и объявил, что король посылает большие вспомогательные войска: пехоту и кавалерию. <...>

14 октября. Все, как ротмистры, так и товарищи, с большим рвением возили дерево для моста» [14].

Гейденштейн описывал подготовку к штурму следующим образом. «<...> Деятельно искал он (Замойский. – Е.Ю.) по всем деревням и по берегам озёр лодок и судов, для того, чтобы на всех их вести приступ и чтобы, сколько возможно больше раздробить на части силы крепостного войска. Неприятель заранее уже увели все оставшиеся суда, оставив только одно. Это судно принадлежало тамошним монахам и употреблялось ими для вытягивания больших неводов, и хотя могло вместить почти 80 человек, но так как оно от ветхости уже было негодно и было полно щелей, то неприятель и не взял его.

Замойский починил его так, что можно было на нём плыть, закрыв его в повреждённых местах частью свежими воловьими кожами, частью мхом <...>» [15].

Об этом же пишет в своём дневнике и Лука Дзялынский:

«15 октября. В этот день мы все занимались изготовлением ладей и собирали их с разных мест и с самых дальних озёр. Каждый ротмистр доставил их несколько. <...>

16 октября. Пришла помощь от короля, состоящая из нескольких тысяч человек. Прибывшая пехота тотчас расположилась за траншеями, а конницу, разделив на две части, гетман поставил по обеим сторонам крепости и озера, так что наши войска окружили её со всех четырёх сторон. <...>» [16].

Гейденштейн уточняет: «Король присоединил к войскам, имевшимся ранее у Замойского, 900 польских всадников и около 1000 пехотинцев венгерских» [17].

«17 октября. Начали копать две траншеи и устраивать батареи, так чтобы обстреливать крепость с 3 сторон. <...>

18 октября. Утром тотчас после богослужения ударили в барабан для сбора ротмистров. Когда они сошлись, гетман сперва объяснил им, каким образом он намерен вести приступ и попробовать захватить замок. Прежде всего, будут два плота: один для венгерцев, другой для поляков; <...> Пользуясь плотом, они должны занять место с другой стороны крепости и ждать, когда русские сделают вылазку на тех, которые пойдут на стены с горючим материалом; тогда они должны вступить в бой. Кроме того, с других 3 сторон поплывут к крепости лодки, которых было около 60, для того чтобы в момент вылазки выйти с трёх сторон из лодок и ударить на неприятеля. Гетман хочет поступить так для того, чтобы с одной стороны вести приступ на плотах, с других трёх сторон на лодках, и тогда орпгналію крепости будет со всех четырёх сторон. При этом гетман обещал от имени короля большие награды тем, которые выкажут мужество. <...>

19 октября. Было совещание ротмистров, и после долгих споров решили в течение двух дней перед приступом стрелять непрерывно по крепости для того, чтобы попытаться зажечь стены, вместе с тем утомить людей в замке так, чтобы во время штурма напасть уже на обессиленных. <...>

20 октября. <...> В этот же день положили различного горючего материала в лодку и, поджегши её, пустили по ветру на сторожевую башню; но зажечь её не могли, так как лодка не подплыла к башне. <...>

21 октября. Сделан смотр охотникам, которые вызвались идти на приступ. <...>

Die 22 октября. С наступлением дня снова открыли пальбу по крепости, но зажечь её не могли, так как осаждённые разрушили две стены, оставивши только одну, чтобы ядра не проникали в дерево» [18].

Герберштейн в своей книге так объясняет причину отсутствия пожаров: «<...> Сабуров раньше придумал средство, чтобы невозможно было при осаде её воспользоваться калёными ядрами. Наученный исходом других осад, он сломал стену, где она была слишком толста и, оставив только один ряд брёвен, которым она держалась, внут-

реннюю часть её прикрыл довольно широкой насыпью, которую он скрепил плетнём. Вследствие того ядра, быстро проходя сквозь тонкую стену, оставались в насыпи и там сами собой и потухали» [19].

Дзялынский далее пишет: «В этот же день гетман отправил в крепость к воеводам королевское письмо с приглашением сдаться; но воеводы не хотели брать грамоты, сказав: «Пускай король посылает письма в свои города, а не к нам, потому что мы короля не знаем и его не слушаем» <...>

Die 23 октября. Как только стало рассветать, ударили в барабан, давая сигнал собираться в гетманский шатёр. <...> Наконец гетман приказал идти в траншеи и ничего не начинать, пока он сам не придет. В траншеях вся пехота, как польская, так и венгерская, уже стояла наготове, в боевом порядке, только ждали гетмана, который почему-то замедлил; были приготовлены шесты, факелы и другие материалы для примета. Когда всё было готово, гетман приказал подать сигнал, чтобы войско садилось на лошадей, и сам, сев на лошадь, направился к окопам; русские узнали гетмана по его шляпе с перьями, которую возили за ним на копье, и заметили, что назначенные на приступ вступают в траншеи и подходят к плоту; тогда начали кричать из крепости, чтобы не стреляли и что хотят начать переговоры. Гетман прекратил пальбу и велел спросить: что им нужно? Ему отвечали: «Хотим королевской грамоты и, прочитавши её, скажем: сдадимся или нет» [20].

Начались переговоры. «Из крепости выслали шестерых, которые предложили гетману следующие условия капитуляции: во-первых, чтобы их отпустили невредимыми вместе с жёнами и детьми на родину; во-вторых, чтобы им позволили взять с собою имущество и собственное их оружие, а казённое они оставляют, как-то: пушки, мушкеты, пищали, порох, ядра и провиант. Для большей верности они требовали от гетмана присяги. Гетман на всё согласился, только не разрешил им оставить при себе огнестрельное оружие; затем он присягнул исполнить, что обещал, а они присягали сдать крепость, после чего один из шестерых отправился назад к своим.

Узнав от него о происшедшем, русские выслали к канцлеру семерых из высших начальников, а также и пеших заложников и велели сказать, что воеводы не хотят сдаваться. <...> Гетман отправил за воеводами несколько десятков человек» [21]. <...> Воевод привели силой. «Гетман объявил, что, так как они не хотели сдаться добровольно,

как другие это сделали, то он считает их военнопленными и потому они не могут пользоваться свободой, как другие. Это были: Василий Сабуров [22], Иван Злобин, Василий Непеицын «да для вылазки» Богдан Кафтырев.» [23]

«Таким образом взята была без разрушения твердыня весьма крепкая от природы и снабжённая всем нужным для защиты, несмотря на содействие неприятелям со стороны времени года, непрерывных дождей и морозов» [24].

Почти три недели с 4 по 23 октября 1580 года, 20 дней, маленький гарнизон Заволочья под командованием русского воеводы Василия Сабурова мужественно отражал приступы многократно превосходивших сил польского короля Стефана Батория и его ближайшего помощника гетмана Яна Замойского. Как отмечают историки, с именами Батория и Замойского, талантливых полководцев и политиков, связаны наибольшие успехи Речи Посполитой в Ливонской войне. Тем приятнее осознавать, что в лице Василия Сабурова они встретили достойного противника.

После взятия крепости в Заволочье и в близлежащей округе было заведено польское правление, и на следующий год сюда приезжал король Стефан Баторий. 26 июля 1581 года ксендз Пиотровский, сопровождавший Батория в последнем походе, сделал следующую запись: «Мы приехали под Заволочье с паном канцлером, а король ещё в понедельник перед нами: он торопился выбраться из этого леса.

Как утка на озере, стоит замок-предмет прошлогодних подвигов пана канцлера. Король осматривал крепость со всех сторон с большим вниманием; а так как это место укреплено самою природою, то он хвалил доблесть канцлера, который взял его в такую непогоду. Он говорил, что если б пришлось ему, он не полакомился бы такой добычей; канцлер очень доволен, и тот ему большой друг, кто скажет, что замок неприступен и труден для осады; мы все твердим, что действительно так. Старостой здесь Зибжик. Мы нашли всё в порядке: земли около замка на 15 миль в ширину, крестьян, которые присягнули, 4000, каждый принёс ему по 2 талера на расходы по случаю приезда короля; говорят, что он в этот год собрал наличными 30000 злотых. Наши, как вижу, гневаятся, но Зибжику всё равно. Он ведёт здесь большое хозяйство, сам торгует всем: привезут ли что на торг, он покупает и потом продаёт жолнерам; говорят, что таким образом все наши деньги остались у него и проч. Год тому назад несколько

ротмистрам предлагали Заволочье, но никто из них не хотел этого места, а вот Зибжик знает, как с ним распорядиться.

Заплати ему Господь за то, что от самого Полоцка исправил дороги, навёл везде хорошие и крепкие мосты и построил их не как-нибудь по-польски: мы везде в этих лесах совершали легко переправы и до самого Пскова нашли исправленные дороги; много значит, что из здешних озёр выходят реки и озёрки, по которым удобно можно сплавливать грузы с тяжестями, а между тем литовцы не сказали об этом ни слова: сам канцлер только в прошлом году узнал об этом» [25].

Баторий пробыл в Заволочье около десяти дней, с конца июля до начала августа 1581 года.

В крепости писался ответ Батория на грамоту Ивана Грозного. Здесь же состоялось тайное совещание с литовскими сенаторами по поводу дальнейшего направления войск: на Новгород или Псков. Решили, что на Псков. События этого периода описаны в Дневнике ксендза Пиотровского, сопровождавшего Батория в его третьем походе. Накануне отъезда из Заволочья, как бы предчувствуя трудности предстоящего похода, Пиотровский записывает следующие строки: «Здесь уже осень и такие холода, какие у нас бывают около св. Варфоломея. Уже близка зима. Итак, веселья не будет. В Заволочье 3 августа 1581 года» [26].

Неудачная осада Пскова вынудила политиков заключить мир, лишив при этом русского царя всех прежних завоеваний. По Ям-Запольскому мирному договору крепости Великие Луки, Невель и Заволочье были возвращены Русскому государству в 1582 году. При этом в предшествовавших подписанию длительных переговорах послы настаивали на возвращении именно этих крепостей, как имевших большое стратегическое значение на северо-западных границах страны.

О крупных потерях польской армии при взятии Заволочья известно из дипломатической переписки Ивана Грозного с Баторием перед заключением мира. Король обосновывал свои требования высокой контрибуции большими издержками, которые понесла его армия, в частности, при осаде Заволочья. На что Грозный отвечал: «И то христианское ли дело твои панове говорят? А о кровопролитстве христианском не жалеют, а о накладе жалеют! А коли тебе убыток, ты бы Заволочья не брал, кто тебе о том бил челом?» [27]. Со времени окончания Ливонской войны и до событий первой четверти XVII

века, город Заволочье, как крепость, в письменных источниках не упоминается. Вероятно, на данном участке русско-литовской границы военных действий не происходило.

Но всё же стратегическую важность в обороне Российского государства Заволочье не утратило и в XVII веке. Новые испытания выпали на долю крепости в 1612 году, когда её захватил гетман Лисовский. Вскоре город был освобождён. Об этом так сказано в летописи: «В то же время казаки себежские и опочецкие всякие люди взяша Заволочье у Олисовского, и много суконь, и город сожгли, и детей боярских Андрея Квашнина и прочих прислаша во Псков, а оне служили с Олисовским вместе, и Литву побиха» [28].

Ещё долгие годы Заволоцкая крепость стояла на страже северо-западных рубежей России, но после Северной войны крепость потеряла военное значение.

Городище Заволочье является историко-археологическим памятником XVI – XVIII веков местного значения [29]. Это один из самых значимых исторических памятников на территории Пустошкинского района.

Город-крепость Заволочье вплоть до 1777 года являлся центром Пусторжевского уезда, территория которого в XVI веке включала верховья реки Полисти, часть течения р. Локни, рек Сороти и Шести и Великой на юге. В Пусторжевский уезд была включена территория современных Новоржевского, Бежаницкого и частью Опочецкого и Пустошкинского районов. Псковская провинция состояла из 9 городов уездных, в числе которых наравне с Гдовом, Изборском, Опочкой, Островом и др. значилось и наше Заволочье. Это был административный центр, в котором находились тюрьма, церковь, почтовый двор и воеводская канцелярия. В 1777 году уездный центр был перенесён из Заволочья в город Новоржев.

В Псковском архиве хранится интересный документ «Алфавит проведённой переписи в Пусторжевском уезде Псковской провинции 1749 г.». Его ещё предстоит основательно изучить.

Мы привыкли считать дату рождения Заволочья 1536 год, то есть год постройки крепости. Однако в печати при упоминании Заволочья иногда появляются более ранние даты, приводятся карты.

Хотелось обратить внимание уважаемых краеведов на ещё одно обстоятельство. В нашем районе сквозь многие столетия сохранилось много мест, связанных с волоками. Достаточно назвать Пе-

ревоз, Переволока, Наволок, озеро Волоченец, да и само Заволочье происходит от слов «за волоком». Термин «волок» обычно трактуется как полоса земли между двумя реками, текущими в разные направления, или же как дороги по лесу. По волокам обычно переволакивались суда.

На границе водораздела бассейнов рек Великой и Западной Двины здесь наши предки осуществляли трудные переходы, осваивая торговые пути в Западную Европу и к Черному морю. Водораздел между озёрами Верято и Ашо плоский и всего 2–3 км. Здесь близко подходят друг к другу реки Великая и Уща, которая впадает в Западную Двину, так что в историю Заволочья должны вписать свою страницу археологи.

Таким образом, Заволочье, древняя Заволочская земля на протяжении своей многовековой истории играла важную роль в становлении водных торговых путей в Западную Европу, являлась форпостом северо-западных границ Московского государства, центром Пусторжевского уезда, находилось в гуще исторических событий, а стало быть, внесло свою лепту в становление Российской государственности, 1150-летие которой отмечается в этом году.

Говоря о крепости Заволочье, я хотела сегодня обратить внимание археологов на это историческое место. Возможно, здесь найдутся предметы, которые подтвердят точный возраст этого поселения, как это произошло с Себежем (В результате археологических раскопок выяснилось, что Себеж – ровесник Изборску), и также будут исследованы волоковые пути.

И второе: хотелось бы восстановить справедливость в отношении крепости Заволочье и занести её в Псковскую энциклопедию. До сих пор этого не сделано.

Примечания:

1. Воскресенская летопись//ПСРЛ. – т. 8. - СПб., 1859. – с. 291.
2. СЭС гл. редактор А.М. Прохоров//М., 1984, – с. 7–8.
3. Стефан Баторий (род. 1533, ум. 1586 г.) из старинной венгерской фамилии, сын венгерского воеводы, в 1571 г. избран был князем Трансильвании.

4. Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) – Псков, 2005. С. 249. Далее: Осада Пскова.
5. Польский военачальник
6. Рейнгольд Гейденштейн (1556-1620), юрист, дипломат и историк, доверенный секретарь польских королей Стефана Батория и Сигизмунда III, приближённый канцлера Яна Замойского.
7. *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). СПб, 1889. С. 146–148. Далее: Гейденштейн.
8. Там же. С.151.
9. Осада Пскова. С. 252.
10. *Пиотух Н.В.* Статья «Ржева Пустая», журнал «Вопросы истории», – 1992, №11–12.
11. *Гейденштейн Р.* С. 96–97.
12. Там же. С.151-152.
13. Там же. С.153.
14. Осада Пскова. С. 220–224.
15. *Гейденштейн Р.* С. 157.
16. Осада Пскова. С. 224–225.
17. *Гейденштейн Р.* С. 157.
18. Осада Пскова. С. 225–226.
19. *Гейденштейн Р.* С. 160.
20. Осада Пскова. С. 227–228.
21. Там же. С. 228.
22. Сабуров Василий Юрьевич. В 1563-1564 гг. был воеводой в Ржеве Пустой и Заволочье, в 1567 – в Себеже, с 1576 – вновь в Ржеве и Заволочье. Вследствие полученных ран умер в польском плену.
23. Осада Пскова. С. 228–229.
24. *Гейденштейн Р.* С. 160.
25. Осада Пскова. С. 296–297.
26. Там же. С. 302.
27. *С.М. Соловьёв.* История России с древнейших времён. Кн. 3. М., 1961. С. 662.
28. 1612 г. Псковская третья летопись. Окончание Архивского 2-го списка. С. 277.
29. *В.Н.Леициков* и др. Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области». Псков, 1997. С. 640.

КРАСНОГОРОДСКАЯ КРЕПОСТЬ В ГОДЫ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Конов Ю.Г.,

научный сотрудник

Псковского Государственного музея-заповедника

В XIV–XV веках продолжалась угроза нападений на псковские и новгородские земли со стороны Ливонского ордена. Псковичи были вынуждены укрепить свою границу сооружением новых крепостей-пригородов. Со строительством крепостей Вышгородок и Красный окончательно сформировались две линии Псковской оборонительной системы. К первой из них относились северные пригороды Гдов, Кобыла, западный Изборск, а также юго-западные и южные пригороды Опочка, Себеж, Красный и Вышгородок. Такие пригороды, как Остров, Врев, Велье, Воронич, Дубков, Владимирец составляли вторую линию обороны.

Как говорится в Псковской 3-й летописи, город-крепость Красный был построен в 1464 году. *«Того же лета князь псковский Иван Александрович и посадник стеной Олексей Васильевич заложил град нов деревян на Сини река и нарекоша Красный городец».*

Материалы о том, что представляло собой когда-то городище Красный, даёт археологическое обследование П.А. Раппопорта в 1956 году. «Городище расположено на левом берегу реки Синей, на длинной гряде, отрезанной с юго-востока от берегового плато очень широким рвом (до 50 метров шириной). С юго-запада и северо-запада городище ограничено пойменной долиной небольшой речки Смородинки, впадающей в реку Синюю у северной оконечности городища.

Площадка городища имеет форму несколько округленного четырёхугольника со сторонами 150, 130, 70 и 40 метров. По периметру площадка окружена валом, имеющим высоту около 3 метров, а со

стороны рва повышающимся до 7 метров. Сама площадка расположена на высоте 9 метров над уровнем реки.

На первый взгляд может показаться, что Красногородское городище относится к обычному мысовому типу. Однако в нём имеются некоторые очень существенные отличия. Прежде всего, то, что довольно мощный вал окружает всю площадку, даже с той стороны реки, где городище примыкает к широкой реке. Таким образом, очевидно, здесь учитывалась возможность штурма укреплений со всех сторон. Но всё более важным является отличие в самой форме площадки: она не повторяет конфигурацию того мыса, на котором было сооружено укрепление, а носит явные следы искусственной подгонки его к определённой геометрической форме – четырёхугольнику. Для этого все склоны холма превращены в прямолинейные отрезки, и эта выравненность сторон крепости является наиболее характерной её чертой. Красный городок стал первым представителем нового типа в русской фортификации (аналоги крепостей с теми особенностями – Володимерец и Кобыла).

В середине XVI века Красный Городец, находившийся на самой границе с Ливонией, стал играть важную роль в русско-ливонской войне: через него проходили колонны русских войск, направлявшихся в земли Ордена; он принимал раненых, беженцев. Красногородцы самостоятельно и в составе русских войск ходили на ливонские города, отражали и контрудары врага. Это видно из следующего сообщения: *«1558 г. Того же лета приходили к Алысту воеводы с Вышгородка и из Красного Федор Шереметьев да Фома Третьяков»*. В 1558 году крепостью руководили Фома Иванович Третьяков и Попадья Фёдорович Вышеславцев. Ф.И. Третьяков был опытным в военном деле человеком. У него за плечами – сражение с крымскими и казанскими татарами, воеводство в Брянске. Именно его послал Иван IV на русское приграничье. Третьяков организует совместный поход вышегородской и красногородской рати под город Алуksне. После взятия города Третьяков ходил под город Рынгу, командуя сторожевым полком. В 1560-е годы Ф.И. Третьяков воеводствует в приграничных городах (Путивле, Полоцке, Чернигове). Ещё раз отличился Фома Иванович при обороне Чернигова от войск польского полководца Павла Сапеги.

Не прошло и года, как рыцари нанесли ответный удар по приграничью. Вот как об этих событиях записано в летописи: *«О том*

же времени (в лето 7067 – 1559 год) приходили немцы и от Резицы и ото Влеха под Красный городок Псковской и у Красного посады обожгли, а волостей вывоевали немало...».

В 1559 году красногородцы отбили нападение ливонских рыцарей на крепость и совершили ответный поход в Ливонию. В 1560 году во главе с воеводой Григорием Фёдоровичем Мещерским они ходили к городу Вильянди. А после его сдачи осадили крепости Пярну и Хаапсалу, возвратившись с большой добычей. На следующий год красногородцы участвуют в совместном походе русских войск на ливонские земли. С захватом Ливонии Г.Ф. Мещерский переводится воеводой в Новгород-Северский. В 1572 году участвует в походе на шведов.

В 1564–1565 годах красногородским гарнизоном командует князь Михаил Иванович Кропоткин. Он имел богатый военный опыт боёв за города Юрьев, Венден. В дальнейшем М.И. Кропоткин руководит крепостями в Ливонии (Раквере, Вильянди, Тарту). Ещё не раз он участвовал в сражениях Ливонской войны. В 1577 году отличился при штурме Ревеля.

В 1565 году 12-тысячное литовское войско воеводы Цвиковского осадило Красный, обстреляв крепость из пушек. Московские воеводы Иван Шуйский и Иван Шереметьев нанесли поражение Цвиковскому, вынудив его отступить. «Того же лета (7073-1565 год), – читаем в Строевском списке Псковской 3-й летописи, – *на масленицы, марта 1, прохаждиша литовские люди под Красный городок с нарядом и по городу били и бог град не предал».*

То, что во второй половине XVI века Красный имел важное стратегическое значение в качестве пограничного города-крепости, подтверждает тот факт, что этот город упоминается в духовном завещании царя Иоанна Васильевича Грозного, составленного около 1572 года.

В 1577 году произошёл совместный поход русских войск в Ливонию. В нём приняли участие и красногородцы. В 1580-1582 годах началось наступление польских войск короля Стефана Батория на Псков. 14 августа 1581 года поляки подошли к стенам Красногородской крепости. Во главе её стоял осадный голова Ермолай Нащокин. Жители сожгли город и перебрались в Псков. Псковская летопись сообщает: «Московский царь сам, увезя пушки и все снаряды, около того же времени разрушил Красный город, овладеть которым пыта-

лось войско Зигмунда Августа, а потом Велию, так как не рассчитывал на возможность удержать её».

В дневнике Пиотровского от 9 августа 1581 года читаем: *«Король не доволен, что роты сходятся медленно, так как уже время двинуться с места. Холодное время приближается, а дороги будут худые; Бог знает, что ждет нас впереди. Недавно русские сожгли пригород Красный, не далеко от Пскова, а сами с имуществом перебрались в Псков».*

Литовская летопись добровольное оставление Красного считает ошибкой Грозного, так как Баторий быстро восстановил обороноспособность крепости против русских и в первую очередь, против соседних, не занятых литовцами городов Опочки и Себежа. Литовская летопись об оставлении русскими и использовании Красногородской крепости Баторием в своих целях сообщает: *«А Красный Городок, который был на небольшом переходе сам царь московский казал збурити и людем из него выйти. Доведававшись того, королевские козаки зараз замок тот оправили и оттотмаля шкоду великую Москве чинили, что было под руку королевь».*

Литовцы устроили на Красном склад добычи – он был оставлен с лёгкими пушками. Однако укрепления были построены на холме в 200 метрах юго-западнее первоначальной крепости. Р. Гейденштейн о занятии Красного польским отрядом и использовании его укреплений против русских войск сообщает: *«Баторий вооружил Красный, оставленный русскими без гарнизона и оружия легкими пушками и тем самым парализовал Опочку и Себеж так как Заволочье было за Баторием».* Эти Баториевы шанцы – рвы с насыпями – были ликвидированы при проведении строительных работ.

С 1581 по 1582 годы Красный находился в польском подчинении, но по Запольскому миру возвращён в состав Русского государства. При перечислении территориальных потерь и приобретений московского царя по мирному договору 1582 года Р. Гейденштейн называет Красный в числе крепостей, разрушенных по приказу Ивана IV: *«Царь сам получил обратно из земель, которые были завоеваны королем оружием: Луки, Заволочье, Остров, Невель, Холм, затем только крепостцы, разрушенные им самим, Красный, Красногород, Воронеч, Велий»* (Р. Гейденштейн. *«Записки о Московской войне»* (1578–1582). СПб, 1889).

С окончанием Ливонской войны перед воеводами Красного встала задача восстановления порушенного войной хозяйства, чем они и занимались на рубеже XVI–XVII веков.

Литература:

1. Псковские летописи. М., 1955, т. 2, с. 159.
2. *Раппопорт П.А.* «Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо- западной Руси X–XV веков».
3. Разрядная книга 1475–1598 гг., М. Наука, 1966.
4. Псковская 3-я летопись. М. 1955. т. 2.
5. Духовное завещание Ивана Грозного. М., 2009
6. *Калью В.В.* «Красный Городец». Красногородск, 2005.
7. Дневник Пиотровского. 9 августа 1581 года // пер. О. Н. Милевского. Текст воспроизведён по изданию: Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков. 1882 //.
8. *Васильев М.Е.* «Красный. Крепости Псковского этапа обороны» // Михайловская Пушкиниана. Вып. 28. Пушкинские Горы – Москва. 2003.
9. *Гейденштейн Р.* «Записки о Московской войне» (1578–1582). СПб, 1889.

«СЛАВЬСЯ БИТВОЙ ИСПОЛИНСКОЙ, СЛАВЬСЯ ВЕК, БОРОДИНО!»

ПСКОВИЧИ – УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Свиридова С.Л.,

ведущий археограф

Государственного архива Псковской области

К празднованию 100-летия победы над наполеоновскими войсками в Отечественной войне 1812 года на основе архивных данных была издана книга «Псковские дворяне в войнах 1806, 1812, 1813 и 1814 гг.», в которой помещались документы, сохранившиеся в архиве Псковского Дворянского депутатского собрания. Помимо манифестов 1806, 1807, 1812 годов, документов по организации Псковского ополчения и списка вступивших в него дворян, в книге имелись сведения о некоторых дворянах, принимавших непосредственное участие в боевых действиях.

В 2012 году, к празднованию 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года, Государственным архивом Псковской области (ГАПО) и Государственным архивом страхового фонда Псковской области подготовлено электронное издание «Псковская губерния в Отечественной войне 1812 года по архивным документам», в котором также есть раздел, посвящённый представителям местного дворянства – участникам войны 1812 года, принимавшим участие

в сражениях как на территории России, так и в заграничных походах. В раздел внесены копии документов со сведениями об их участии в войне 1812 года, а также о жизни в довоенный и послевоенный периоды, владении недвижимостью, – они хранятся в фондах «Псковское губернское дворянское депутатское собрание», «Псковский губернский предводитель дворянства», «Канцелярия Псковского губернатора», «Псковская палата гражданского суда», «Псковский губернский землемер», «Псковская губернская чертёжная», «Межевая контора Псковской губернии».

Нашествие Наполеона не коснулось Псковской губернии, но псковское дворянство внесло достойный вклад в освобождение Отечества от французского нашествия. Имена некоторых знакомы из учебников истории, исторических книг и фильмов – Кутузов М.И., Фигнер А.С., Кульнев Я.П. О некоторых известно лишь краеведам.

В ГАПО хранятся те или иные документы о 32 псковичах, непосредственно участвовавших в сражениях, из которых некоторые стали псковскими дворянами после войны 1812 года – Вальцев Карп Сергеевич, Мейер Карл Христианович, Мицкевич Антон Михайлович, Клокачёв Александр Петрович, Родзянко Фёдор Степанович. Неизвестно, являлся ли дворянином Псковской губернии Киндяков Семён Иванович.

Основные сведения об участниках войны 1812 года можно найти в фонде «Псковское дворянское депутатское собрание». Для внесения в дворянскую родословную книгу Псковской губернии, восстановления утраченных документов о дворянстве, определения детей в то или иное учебное заведение, необходимо было представить некоторые документы, в число которых входил формулярный (послужной) список просителя. Этот документ интересен тем, что в нём отражены не только перемещения по военной или гражданской службе, награды, ранения, но и сведения генеалогического характера – биографические данные, родословные древа, описания гербов, заслуг родов и пожалованные владения в связи с этими заслугами. Сохранились формулярные (послужные) списки или выписки из них следующих дворян: Беклешова Николая Сергеевича, Бибикова Иллариона Михайловича, Голенищева-Кутузова Андрея Ивановича, Ершова Кузьмы Яковлевича, Кастюрина Петра Александровича, Квашнина-Самарина Александра Павловича, Кострова Алексея Ивановича, Кульнева Ивана Петровича, Кушелева Луки Ивановича, Не-

пенина Петра Николаевича, Попова Ефима Алексеевича, Родзянко Фёдора Степановича, Фигнера Владимира Самойловича, Фон-Берг Петра Ивановича, Чихачёва Матвея Николаевича. [1]

Сведения о дворянах, участвовавших в сражениях войны 1812 года, имеются также в фонде «Псковский губернский предводитель дворянства» – в деле «Ведомости о дворянах Псковской губернии с указанием их предков, участвовавших в войне 1812 г., и прошения и списки дворян Псковской губернии, ходатайствующих о представлении им льгот и пособий за заслуги их предков, участвовавших в Отечественной войне 1812 г.» [2], в котором об участии в войне и боевых заслугах псковичей известно со слов родственников. В этих документах полностью или частично отражена информация об участии в сражениях, награждениях, ранениях.

В вышеуказанных источниках имеются сведения, что непосредственно в сражении при Бородине принимали участие Голенищев-Кутузов А.И., Кастюрин П.А., Клокачёв А.П., Костров А.И., Непенин П.Н., Родзянко Ф.С., Фигнер В.С. – «находился на батареях». Некоторые из них получили серьёзные ранения, но через какое-то время были опять в строю.

Во взятии Парижа участвовали Баранов А.А., Беклешов Н.С., Вальцев К.С., Ершов К.Я., Кастюрин П.А., Квашнин-Самарин В.П., Костров А.И., Мейер К.Х., Попов Е.А., Фон-Берг П.И.

Награждались псковичи орденом св. Анны 2 степени, 4 степени, св. Владимира 4 степени, св. Георгия 4 степени. Особо отличившиеся были награждены золотой саблей с надписью «За храбрость» – Квашнин-Самарин В.П., Клокачёв А.П., Кульнев И.П. «в сражении против французских войск в 1813 году, при вылазке неприятеля из крепости Данцинг, где Кульнев командовал резервом, явил отличнейшие услуги и поддерживал центр против неприятельских атак, с благоразумием и поспешностью исполняя самотруднейшие приказания». Некоторые из псковичей удостоились иностранных наград: Бибиков И.М. – орден Шведского меча младшего креста и Прусский за достоинство, Ершов К.Я., Костров А.И. – Королевский Прусский орден, Кульнев И.П. – орден Почётного Легиона большого креста от «его Величества короля французского за сбережение французских пленных», когда был начальником российских и французских войск в Данциге в 1815 году; Чихачев М.Н. – Прусский орден Пурле-Мерит и знак Железного креста. Всем участникам была дарова-

на медаль «В память Отечественной войны 1812 года» – серебряная и бронзовая (выполненная впервые в истории медалистики из тёмной бронзы), поэтому на некоторых воинских чинах можно было видеть рядом с серебряной и медаль из тёмной бронзы. Её они получали как старшие в дворянском роду. За участие Кушелева Л.И. в Кульмском бою – старший в роде получил право носить нагрудный знак Кульмского боя.

Некоторые из участников были награждены повышением чина: Кастюрин П.А. за отличие в сражении при Бородине произведён в прапорщики, Фон-Берг П.И. за отличие при занятии Полоцка произведён в корнеты. Попов Е.А. дважды удостоился повышения чином: за отличие в сражении при Чашниках в октябре 1812 года произведён в корнеты, а через месяц – в поручики. Бибиков И.М., сражаясь в партизанском отряде А.С. Фигнера, получил чин поручика. Получил чин поручика Голенищев-Кутузов А.И. в декабре 1812 года – к сожалению, в документе не указано, с каким сражением это связано. За отличие в сражениях чином капитана в 1812 г. награждён Клокачёв А.П., штабс-капитаном в 1813 г. стал Родзянко Ф.С. За сражение при Кульме награждён чином поручика Квашнин-Самарин В.П., а за сражение при городе Труа награждён штабс-капитанским чином.

Большую роль события Отечественной войны 1812 года сыграли в жизни двух псковичей Ершова К.Я. и Попова Е.А. Оба они начинали свою военную службу рядовыми (из солдатских детей), но смогли отличиться: Ершов дослужился до подпоручика, а Попов до майора – своей военной службой они приобрели потомственное дворянство.

К сожалению, не удалось найти сведений о Маслове Андрее Тимофеевиче, Бороздине Михаиле Михайловиче, Корнилове Петре Яковлевиче, Лихачёве Петре Гавриловиче, Яхонтове Александре Андреевиче, Вохине Николае Васильевиче, Юрениеве Егоре Андреевиче, Коптеве Петре Николаевиче.

В 1912 году, когда потомками участников Отечественной войны подавались прошения на имя императора о той или иной помощи (устройства детей в учебные заведения, оказания материальной помощи или назначения пенсии обедневшим дворянам), один из потомков Вальцева Карпа Сергеевича ко дню 100-летнего юбилея просил произвести Леонида Вальцева в офицеры в 70-й Рязский полк, в котором служил его прадед и под знаменами которого сражался в 1812 году, «чтобы в рядах Рязжского полка, победоносно сражав-

шегося против французских войск, стоял как и сто лет назад опять Вальцев, с теми же заветами, с той же беспредельной преданностью Престолу и Отечеству» [3].

Различные сведения о предках сохранились в семьях участников войны. Холмский дворянин А. Цур-Миллен пишет о своём предке, что «в начале военных действий ему удалось взять в плен 15 человек французов. Отобрав у них ружья, он вооружил ими часть солдат своей роты, вооружённых по уставу, лишь одними пистолетами для личной обороны. Затем он своей ротой захватил в плен целую роту французов, ружьями и патронами которых вооружил остальных людей своей роты. Его примеру последовали и другие ротные командиры, а затем и все пионерные войска были перевооружены французскими ружьями» [4]. О Киндякове С.И. пишут, что «находясь в сражении под Смоленском и будучи бригадным адъютантом, посылался с приказами в самые опаснейшие места, развозил оные с неустрашимостью и мужеством, командовал стрелками и охотниками, храбро поражал неприятеля, а в генеральном сражении при Бородино и в последующий день, когда все штаб-офицеры полка были переранены, командовал оными и при завладении неприятельских редутов на левом фланге, находясь в голове колонны из бригады составленной, храбро атаковал неприятельскую колонну, где и был ранен» [5]. Юренев Н.А. был прикомандирован к полковнику лейб-гвардейского Семёновского полка Непейцыну «для употребления в приведении в порядок Витебской губернии», для чего он был «командирован для разведывания о неприятеле и употребляем в Себежском, Городецком и Невельском уездах, дабы лучше сия часть приняла порядок» [6]. По хранящемуся в роду Квашниных-Самариных преданию, последний представитель старшей новгородской ветви Николай Владимирович, подпоручик лейб-гренадерского полка, «только что выпущенный в офицеры и пожелавший идти в действующую армию», убит первой пулей в Бородинском сражении [7].

Окончилась война, вернулись псковичи из «заграничного похода», кто-то продолжил военную службу, кто-то перевёлся на гражданскую, многие вышли в отставку из-за полученных ран. По-разному сложились их судьбы.

Блистательной можно назвать карьеру Бибикова И.М. Из его формулярного списка можно видеть, что он просто осыпан был царскими милостями – частое перемещение по службе, подарки

и денежные выплаты, различные «высочайшие признательности» (выражение царской благодарности). Интересно, что «14 декабря 1825 г., находясь при особе государя императора и при войсках гвардейского корпуса собранных по высочайшему повелению на Дворцовой и Исаакиевской площадях против мятежников, по случаю бывшего в тот день в Санкт-Петербурге происшествия, удостоился в числе прочих» получить одну из таких признательностей [8]. Беклешов Н.С. был избран Предводителем Псковского губернского дворянства, пожалован званием камергера [9]. Ершов К.Я. стал почтмейстером в городе Великие Луки [10].

По-иному сложилась судьба другого участника войны: разжалован был в рядовые брат знаменитого партизана Александра Фигнера Владимир – в 1816 году «по приказу главнокомандующего армией генерала-фельдмаршала кавалера князя Барклая де Толли за произведением на шпагах дуэли с поручиком Сенкевичем, который от нанесенной раны в грудь умер. Сверх того в названии себя ложно поручиком и в ношении орденов: св. Георгия 4 степени и св. Анны 2 степени, на кои он не имел права, лишен чинов и написан в рядовые». Но Владимир не оставил службу и «11 февраля 1829 года, за отличие в сражении против турок произведен в корнеты, 25 апреля 1829 г. переведен в Новороссийский драгунский полк с переименованием в прапорщики, 9 октября 1831 года уволен от службы с мундиром» [11].

Трагично сложилась судьба у Баранова А.А. В архивном фонде «Канцелярия Псковского губернатора» хранится «Дело о предании церковному покаянию порховского помещика Баранова за убийство своего крестьянина». Крестьяне Баранова, подавшие в 1826 году императору ходатайство о свободе, были им наказаны, а один из них, не выдержав наказания, умер. За это, по решению Государственного Совета, Баранов должен был быть заключён под стражу на три месяца, но царским указом освобождён от этого и предан церковному покаянию. В связи с тем, «что от полученных ран в сражениях, он вовсе не владеет ногами, дабы не отягчать судьбы его сверх меры» разрешено было епитимью выполнить на месте жительства под присмотром Духовного отца [12].

Русское дворянство всегда было сословием служилым: жертвовать жизнью за Царя, Отечество было делом обычным. Поместья и вотчины дворянину давались за службу его самого или предков, и

хоть под старость, но многие возвращались в родные усадьбы. Проживали в своих поместьях Баранов А.А. – в Порховском уезде, Костров А.И. – также в Порховском уезде, Кушелев Л.И. – в Холмском уезде. Сведения о владении недвижимостью дворянами Бибиковым И.М., Зариным Е.И., Костровым А.И., Мышецким Е.Д., Чихачёвым М.Н., Мейером К.Х., Непениным П.Н., Беклешовым Н.С., Кульневым И.П., Чириковым И.Г. можно найти в архивном фонде «Псковская палата гражданского суда», где фиксировались различные сделки с недвижимостью. В фондах «Псковский губернский землемер», «Псковская губернская чертёжная», «Межевая контора Псковской губернии» имеются межевые книги и планы земельных владений практически всех участников, представлены все уезды губернии.

Перечень фамилий псковичей-участников Отечественной войны 1812 года, представленный в данной статье, безусловно, является неполным, но его можно восполнить, продолжая изучать документы, связанные с дворянскими родами, деятельностью дворян, хранящиеся в фондах Государственного архива Псковской области, и, быть может, дальнейшие исследования вернут нам не одно забытое имя участников той войны.

Литература

1. ГАПО. Ф. 110. Дела о внесении в Дворянскую родословную книгу Псковской губернии вышеуказанных дворян.
2. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 1066.
3. Там же. Л. 67.
4. Там же. Л. 129–130.
5. Там же. Л. 47 об.
6. Там же. Л. 72 об.
7. Там же. Л. 152 об.
8. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 61.
9. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1536. Л. 150–157.
10. Там же. Ф. 110. Оп. 1. Д. 303.
11. Там же. Д. 1035.
12. Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 757а.

ПСКОВСКИЕ ДВОРЯНЕ В ВОЙНЕ 1812 года (Афросимов Я. Е., Ададунов В. В., Мейер К. Х.)

Яковлева Т. И.,

главный библиограф ЦРБ города Пустошки

В 28 километрах от Пустошки на берегу реки Великой и озера Быстрое находится деревня Маслово. Когда-то здесь было богатое и красивое имение рода Афросимовых.

В то время оно входило в состав Опочецкого уезда Псковской губернии, сейчас это Пустошкинский район.

Род Афросимовых записан в «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи. Часть V». Запись гласит, что предок Афросимовых «Андрей Андреевич, выехал в Москву к Великому князю Василию Васильевичу из «Вологской земли» и пожалован вотчинами. И многие служили Российскому Престолу дворянские службы: стольниками, воеводами, стряпчими и в иных чинах и жалованы были от Государей поместьями» [1].

Герб рода Афросимовых также находится в «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи». На щите, имеющем голубое поле, находится серебряная крепость с тремя башнями и над нею изображён чёрный орёл, убивающий дракона. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нём короной. Намет на щите голубой, подложенный серебром». [2]

Афросимовы – один из стариннейших дворянских родов Псковщины. Род свой на Псковщине они ведут от Михаила, которому за службу была дана грамота на дворянство, а его сыну Лаврентию за заслуги в войне 1682 года царём Фёдором Алексеевичем было пожаловано поместье в Пусторжевском уезде (Новоржевском). [3] Если проследить родословную Афросимовых, то можно выяснить, что все представители этого рода были людьми служивыми и участниками всех войн, а выйдя в отставку, занимались земскими делами в своих уездах.

Участником войны 1812 года был дед последнего владельца с. Маслово, Бориса Яковлевича, **Яков Ефимович Афросимов (Офросимов)**. Родился он в 1794 году в Новоржевском уезде. В службу вступил кадетом во 2-й Кадетский корпус, по окончании его в феврале 1811 года зачислен в Ямбургский драгунский полк [4].

Отечественную войну 1812 года встретил прапорщиком этого же полка. Уже в первых сражениях с неприятелем при Клястицах и Сивошине в июле 1812 года Яков Ефимович сумел проявить себя как смелый и отважный офицер. В августе, находясь в конвое при особе графа Витгенштейна, отличился под Полоцком. По этому поводу граф писал Государю: «... Находясь при мне, были посылаемы с разными приказаниями, под ружейными и картечными выстрелами, и отдавали оныя в самой точности и с большой поспешностию».

Дальнейшие записи Формулярного списка Афросимова Якова Ефимовича сообщают о его доблестных и героических делах. 6 и 7 октября вторично отличился при Полоцке. 15 августа в авангарде под командованием генерал-майора Алексеева при местечке Вороньи, затем при Чашниках, при г. Борисов. В декабре за границей в Варшавском герцегстве, затем в Прусских владениях при взятии г. Кёнигсберга, под командованием генерал-майора графа Сиверса. В декабре 1813 года в разных перестрелках и сражениях при блокаде и сдаче крепости Данциг, при взятии штурмом предместья Ланифурт, сверх того, исправляя должность отрядного адъютанта, при генералах Кулебакине и Пейкары и полковнике Столыпине и был во всех сражениях. В июне, августе 1814 г. вторично за границей в Герцегстве Варшавском в сильном авангарде, под командованием генерал- лейтенанта Ермолова.

С 1816 года – поручик, штаб-ротмистром – с 1817-го. Прослужил в полку 7 лет 8 месяцев. Уволен от службы по болезни в ноябре 1818 года.

Подробную информацию о годах службы Якова Ефимовича можно найти в книге Крестовского В. В. «История 14-го уланского Ямбургского полка». [5] – СПб., 1873.

В 1826 году Афросимов служил по выборам дворянства новоржевским исправником. С 28 марта 1828 г. служба в Санкт-Петербургской жандармской дивизии. О том, что служба Якова Ефимовича была доблестной и усердной, можно прочесть в его Формулярном списке: «По службе в корпусе жандармов, за усерд-

Старые пруды. Поддубье

ную ревностную службу Всемилостивейше награжден 31 января 1830 года 400 руб; 1 января 1831 г. за отличие по службе произведен в капитаны; за постоянные труды и отличную усердную службу награжден 1 января 1833 г. 2000 руб. ассигнациями; 23 января 1834 г. за отличное усердие и ревностную службу объявлено в Высочайшем приказе Высочайшее благоволение и 2 апреля того же года за отличие по службе произведен в майоры; в воздаяние за отличную ревностную службу Высочайшим указом, последовавшим в 18 января 1836 г., награжден орденом св. Владимира 4 степени. За выслугу в офицерском звании указанных льгот пожалован знаком отличия за бескорыстную службу за 15 лет, 22 августа того же года» [6].

Был женат. Жена Екатерина Гавриловна, дочь коллежского Советника Стукова, католического вероисповедания. В 1840 году у них шестеро детей: Никандр (18 лет), Ефим (14 лет), Гаврила (8 лет), Михаил (1 год), Прасковья (17 лет), Софья (16 лет). Дети записаны «греко-русского вероисповедания» [7].

За Яковом Ефимовичем в Псковской губернии Новоржевского уезда числилось 58 душ крестьян, у жены в Витебской губернии Себежском уезде 57 душ. Предки Офросимовых имели недвижимость

с крестьянами в Пусторжевском уезде, ныне Новоржевском: Минино, Трошцыно, Комаровы Слободы, Панево, Богаткино и др. [8]

После смерти отца Якова Ефима, его жена Прасковья Иванова разделила имущество между своими сыновьями: Никандром, Яковом и Арсением [9]. Родовое имение село Богаткино досталось Якову Ефимовичу в 1823 г. [10] Умер 24 января 1839 года.

Его сын **Никандр Яковлевич Офросимов** родился в 1821 году, прошёл обучение в военном заведении, служил в Волынском полку, дослужился до генерал-майора. Был женат на Марии Васильевне Елагиной (1835 г. р.). Никандр Яковлевич Офросимов занимал высокое положение в Опочецком уезде. В 1865–1867 гг. он избирается предводителем дворянства [11]. Памятные книжки Псковской губернии за 1870 и 1872 годы сообщают о том, что Никандр Яковлевич является гласным Опочецкого уездного земского Собрания, членом Попечительного совета, участковым мировым судьёй 4 участка (1870 г.) [12].

1 октября 1865 года Никандр Яковлевич обращается с просьбой о внесении его в 6-ю часть родословной книги Псковской губернии из 2 части и пишет, что жительствоует в г. Опочка [13]. 16 июня 1867 г. он хлопочет о внесении в 6 часть родословной книги его детей: Василия, Якова, Александра и дочери Марии для определения их в казённые учебные заведения [14].

В книге Л. И. Софийского «Город Опочка и его уезд ...» Никандр Яковлевич Офросимов наряду с Сиверсом, Яновичем, Травинным, Гейденом называется в перечне лиц, оставивших заметный след в умах и сердцах опочан. «Добрейший души человек», по отзыву современников [15].

Его сын **Борис Никандрович Офросимов**, последний уездный предводитель Опочецкого дворянства, родился 20 декабря 1869 г. в с. Маслово. В службу вступил кадетом в 1-е Павловское училище, по окончании которого в 1888 г. был произведён в подпоручики и направлен в 120-й Серпуховский пехотный полк. Затем переведён в Лейб-гвардии Волынский полк. Поступил и окончил Академию Генерального Штаба. Был назначен командиром 6-й роты. Через год стал штабс-капитаном, ещё через год – капитаном. В январе 1907 г. зачислен в запас [16]. Борис Никандрович по окончании военной службы постоянно проживал в родовом имении в с. Маслово Опочецкого уезда (в настоящее время Пустошкинский район).

Деревня Маслово. Вид на озеро от дома Офросимовых. 2008 г.

Ни одно из значимых мероприятий в уезде не проходило без его участия. В книге Л. И. Софийского «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем», изданной в Пскове в 1912 году, Борис Никандрович предстает как топограф и художник-любитель. В предисловии к книге автор пишет: «Рисунок обложки, карта Опочецкого уезда и планы древней и современной Опочки были безвозмездно составлены любителем-художником, Опочецким помещиком, Б. Н. Офросимовым, за что автор и приносит ему свою глубокую благодарность» [17]

В июне 1913 года Борис Никандрович Псковским губернатором был утверждён в должности Опочецкого уездного предводителя дворянства «ввиду отказа П. И. Черкесова» [18]. Имел награды: орден св. Анны 2 ст., св. Станислава 2 ст., серебряную медаль на Александровской ленте, орден А. Невского в память царствования Императора Александра III, светло-бронзовую в память 300-летия царствования Дома Романовых, награждён знаком окончания Николаевской Академии Генерального Штаба.

Судьба была жестока к Борису Никандровичу: в 1918 году, когда начался передел земли, он был убит своим же батраком. Местные крестьяне горько оплакивали гибель своего «доброего барина» и похоронили с большими почестями в родовом склепе возле церк-

Яков Никандрович Офросимов

ви в д. Копылок. После революции в имении Маслово находилась колония арестантов. Некогда богатое хозяйство понемногу приходило в упадок, строения разрушались. Затем здесь была создана коммуна. В конце тридцатых годов здание было переоборудовано под сельский клуб, в годы войны разрушено. От былой красоты и величия остались до наших дней: фундамент здания, сиреневая и дубовая аллеи, большое количество вековых деревьев – необъятные липы, вековые тополя, могучие дубы, ясени, вязы [19].

Большим уважением в округе пользовался брат Бориса **Яков Никандрович Офросимов**. Родился 3 августа 1861 г. в с. Маслово, закончил Императорский Московский университет, имел 4 класс в таблице о рангах, действительный статский советник, кандидат права. Член Государственного Совета (1908), в 1913-м – член Императорского Совета. Был назначен и десять лет(!) исполнял обязанности Себежского уездного предводителя дворянства.

В «Послужном списке» записано, что Яков Никандрович в 1883 г. – Почётный мировой судья Опочецкого уезда. В 1890 г. – утверждён Земским начальником 5 участка, в 1892 г. назначен Лю-

цинским уездным предводителем дворянства и председателем Люцинского уезда по крестьянским делам, в 1897 г. произведён в чин титулярного советника со старшинством. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 21 сентября 1901 г. перемещён в такой же должности (предводителем дворянства) в Себежский уезд. В 1902 г. произведён за выслугу лет в надворные советники со старшинством. В следующем году назначен председателем Себежского уездного комитета о нуждах с/х промышленности, в 1909 г. – Почётным мировым судьёй Себежского уезда на текущее трёхлетие [20]. Яков Никандрович имел награды: орден святого Владимира 4 степени, Святой Анны 2 степени; медали – серебряную в память Императора Александра III и бронзовую за труды по народной переписи. Жена – Мария Германовна Кёбер, её отец – статский советник Герман Васильевич Кёбер, начальник Псковской губернской почтово-телеграфной конторы, известный благотворитель [21].

Яков Никандрович слыл самым богатым землевладельцем Соинской волости. Его имение Поддубье по своей оснащённости являлось одним из лучших в Себежском уезде.

Из рассказов старожилов края: «На высоком берегу реки Великой находился большой красивый трехэтажный дом помещика. К центральному подъезду подходила дубовая аллея, вымощенная булыжником. На втором этаже жил сам барин с семьёй. В полуподвальном этаже жила прислуга. Около усадьбы, с правой стороны, стояла конюшня выездных лошадей и при ней маленький домик кучера. Понизже от дома находится сохранившийся до наших дней пруд. Он окружён серебристыми ивами. Посреди пруда был сделан настил, к нему с берега подходил мостик. По вечерам и после бани барин очень любил «гонять чай». Справа от дома находилась водонапорная башня. Вода подавалась по трубам, сделанным из дубовых брёвен. Ниже от башни находились подвалы, выложенные из дикого камня. В них хранилось вино, мясо. Один из подвалов в настоящее время немного обрушился, другим пользуются местные жители и сейчас. Слева от дома угадывается площадка, обсаженная вековыми деревьями. Вероятно, она предназначалась для игр и развлечений» [22].

Сохранилась легенда о посещении этих мест А. С. Пушкиным. На берегу реки Великой местные жители и сейчас покажут камень, где, по легенде, любил «сиживать» Александр Сергеевич, наблюдать за стремительным бегом реки Великой. Но бывал ли в этих местах

Деревня Маслово. Липовый остров. 2008 г.

Пушкин, документально не подтверждено, хотя он и являлся дальним родственником Офросимовых. Имение Поддубье в пушкинские времена принадлежало Климентию Францевичу Келпшу [23]. Более достоверен тот факт, что имение Поддубье до Офросимовых принадлежало сыну Александра Сергеевича Пушкина – Григорию [24].

После революции Яков Никандрович вместе с семьёй оказался вначале в Югославии, состоял председателем Монархического объединения в Сараеве. Затем – во Франции. В 1926 г. – делегат Российского Зарубежного съезда в Югославии, а затем в Болгарии. В 1929 г. – председатель Витебского губернского объединения Союза русских дворян в Париже. Состоял членом Союза ревнителей памяти императора Николая II [25]. Умер в 1946 г. и был похоронен в Париже на кладбище многих русских эмигрантов Сент-Женевьев-де-Буа [26].

У Якова была дочь Светлана Рышкова (Рышкова-Чекунова), родилась 20 июля 1903 г. в Санкт-Петербурге. После революции вместе с отцом оказалась в эмиграции во Франции. Светлана Яковлевна – иконописец, художница, поэтесса, деятельница культуры. Работала в мастерской известного французского реставратора Л. Шо. Писала иконы для храма Успения Божией Матери в Сент-Женевьев-де-Буа, храма Христа-Спасителя в Аньере, церкви Знамени Божией Матери, Член общества «Икона» в Париже. Скончалась в марте 1981 г. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа [27].

Ададуrow Василий Евдокимович, отец Василия

На севере Пустошкинского района, в 40 километрах от райцентра, находится деревня Шукино, ранее входившая в состав Опочецкого уезда. Владельцами расположенного здесь имения в разное время были генерал-майоры Ададуrow Василий Васильевич [28]; Мейер Карл Христианович, затем имение перешло в качестве приданого дочери Мейера Софье Карловне, жене адмирала флота Павла Николаевича Назимова, их наследникам [29].

Ададуrow (в старину Ододуrow) – древняя русская фамилия; происходит вместе с Глебовыми и другими от прибывшего в Россию из Швеции при князе Дмитрие Ивановиче Донском в 1376 году некоего Облагини. Члены этой фамилии служили воеводами, постельничими, и один из них, Фёдор Григорьевич, удостоился получить в 1583 году от Иоанна Грозного титул ближнего дворянина. Василий Евдокимович Ададуrow приобрёл известность как учёный ревнитель просвещения и куратор Московского университета. Он родился 15 марта 1709 года, получил образование первоначально в Новгородском духовном училище, затем в академической гимназии в Петербурге, обратил на себя внимание знаменитого Бернулли, сделан был адъюнктом по кафедре математики и переводчиком при Акаде-

мии [30]. Известен также как переводчик и преподаватель русского языка, среди его учеников была и будущая императрица Екатерина II, в царствование которой занимал высокие посты в государственном управлении: тайный советник, сенатор, куратор Московского университета [31].

Его сын, генерал-майор Ададуrow Василий Васильевич, был очень крупным помещиком. В 1835 году за ним числилось 4514 душ крестьян в различных уездах Псковской губернии. Основное же его имение было в селе Дно Порховского уезда. В Рукописном отделе Национальной библиотеки Петербурга имеется Фонд 509, а в нём – дело 158. Документ называется так: «Геометрический план Псковской губернии Опочецкого уезда д. Корнилково, с деревнями именуемыми Шукином и Апрелевой и принадлежащим к ним всем землям, которые во владении состоят генерал-майора Василия Васильевича Ададуrowа, межевание учинено в 1785 г. июня 9 дня землемером артиллерии штык-юнкером Николаем Ивановым, по решению Полоцкой межевой конторы, межа утверждена 1802 г. июня 20 дня землемером Коллежским регистратором Федором Васильевым <...>

В документе записано, что в плане обозначено три деревни, принадлежащие В. В. Ададуrowу, – Корнилково, 5 дворов, в них 20 мужчин и 22 женщины; Шукино, 4 двора, в них 11 мужчин, 10 женщин; Апрелевская, 10 дворов, муж. 36, жен. 38 [32].

Родился Василий Васильевич в 1765 году, в 15 лет остался сиротой, в 16 поступил в Лейб-гвардии Преображенский полк. Ещё в молодые годы он был участником войны со шведами в Финском заливе (1788–1790). Ададуrow был уволен в отставку 5 октября 1798 г. за неприбытие к Тифлисскому мушкетёрскому полку. После смерти императора Павла I в марте 1801 г. вновь принят на службу и 8 ноября 1804 г. назначен шефом Тобольского мушкетёрского полка. В феврале 1805 г. снова вышел в отставку.

Во время Отечественной войны 1812 года вступил в Петербургское ополчение и был назначен начальником 2-й дружины. Сражался с французами под Полоцком и Чашниками, в 1813 году участвовал в осаде Данцига, командуя 1-й дивизией Петербургского ополчения, а после ранения А. А. Бибикова, командовал всем ополчением. За отличие был награждён золотой шпагой с алмазами, орденом Св. Анны 1 ст., Св. Владимира 3 ст. и Мальтийским орденом [33]. В 1815 г. вышел в отставку, поселился в Петербурге.

К.Х. Мейер. С картины неизвестного художника

Ададуrow Василий Васильевич 2 июня 1819 года внесён в 6 часть родословной книги Псковской губернии. Скончался в Петербурге в апреле 1845 г. на 80-м году жизни и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Прямых наследников не оставил. Имения после его смерти отошли жене и были проданы другим помещикам.

Документ «Сведения о помещичьих имениях... Т. 3. СПб., 1860» доказывает, что имение Шукино, состоящее из 21 деревни, стало принадлежать Карлу Христиановичу Мейеру [34]. Основное имение – село Бардово Новоржевского уезда (теперь Бежаницкого района).

Карл Христианович Мейер родился в 1786 году. Его отец Христиан Мейер посвятил себя военному поприщу. При отставке имел чин

Герб Ададуровых

майора. Он переселился в Лифляндию под покровительство Российской империи по причине бывших в Литве неурядиц. Женился на Иоанне Якобин фон Остман, единственной наследнице в Герцогстве Лифляндском имения Дуренгоф и взял во владение два имения [35].

Был утверждён Герб для Христиана Генриховича и его детей и потомков. Он внесён в 15 часть Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи [36]. Описание герба удалось найти только в Государственном архиве Псковской области (ГАПО): «На поперек разделенном щите в верхней половине находится стоячий, обращенный направо, зубастый серп, с деревянной ручкой. В нижней синей половине являются три из зеленой воды поднимающиеся золотые колоса. На щите лежит турнирский, открытый на правую сторону шлем синеватого цвета с красной подкладною золотою короною и висящим покрывалом. Одно, с правой стороны, черного цвета с золотом, а другое, с левой стороны, синего цвета с золотом. Из этого, украшенного драгоценными камнями шлема, выходит обращенная на правую сторону вооруженная рука, которая держит шестиугольный приклад» [37].

Карл Христианович Мейер был довольно богатым помещиком. За его семьёй числилось 1800 душ крестьян в Псковской губернии в Новоржевском, Великолукском и Опочецком уездах. С 1846 г. – владелец имения Бардово [38]. В это же время ему принадлежало и имение Шукино. Оно состояло из 21 деревни, 1 присела, 1 пустоши и 3-х озёр [39].

Биография Карла Христиановича характерна для дворянского сословия эпохи, основным предназначением которого была воен-

Герб Офросимовых

ная служба. В 1800 году он поступил в кадетский корпус, в 1802 года получил чин унтер-офицера и выпущен в августе 1804 года корнетом с определением в Уланский Его Императорского Высочества полк.

В 1805 году Мейер принял участие в походе в Австрию, участвовал в сражении при Аустерлице, где был опасно ранен в руку. Находился на излечении в Кракове. Явившись в полк, Мейер с марта 1807 года находился в походе в Восточную Пруссию, сражался с французами при Гуттштадте, Гейльсберге и Фридланде. За отличие в последнем сражении был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость». В декабре 1810 года произведён в штабс-ротмистры.

В Отечественную войну 1812 года запасной эскадрон, в котором находился Мейер, входил в состав сводно-гвардейского полка в корпусе генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна. Мейер принимал участие во многих сражениях: под Вильно, при Бабиновичах, под Витебском, Смоленском. После соединения армий Барклая де Толли и Багратиона он был в делах при Колоцком монастыре и в генеральном сражении у Бородина. При отступлении к Москве Мейер находился в арьергарде и участвовал в сражении при реке Чернишне, при мызе Красной Пахре, при селе Воронове. За отличие в Тарутинском бою он был награждён орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. При переходе русской армии в контрнаступление Мейер отличился в уличных боях в городе Малоярославце и затем участвовал в боях под Вязьмой, при Красном (в последнем бою был ранен), за что награждён орденом св. Анны 2-й степени и вторично получил орден св. Владимира 4-й степени. По излечении раны, преследовал

Остатки имения. Поддубье. 2006 г.

французов до границ герцогства Варшавского, затем находился в Пруссии, Саксонии и участвовал во многих сражениях. В Богемии он находился в Кульмском бою, за что был награждён алмазными знаками к ордену св. Анны 2-й степени и особым прусским Железным крестом. За участие в кампании 1814 года во Франции Мейер был награждён орденом св. Георгия 4-й степени и прусским орденом «Пур ле мерит». Завершил Мейер свою боевую деятельность во Франции участием во взятии Парижа, а оттуда до излечения ран был уволен в отпуск в Россию [40]. В августе 1817 года был произведён в полковники. Имя Карла Христиановича Мейера многократно упоминается в книге «История Лейб-Гвардии Уланского ея величества государыни императрицы Александры Федоровны полка». Автор говорит о том, что Мейер был храбрым, отважным, самоотверженным офицером, примером для подчинённых. В этой же книге опубликованы «... заметки из записок Карла Христиановича фон Мейера, одного из старейших и храбрейших офицеров полка...»

В них, в частности, рассказывается о том, что марте 1819 года полк, в котором служил Мейер, был переформирован. На прощание Мейер получил от своих подчинённых ценный подарок и письмо. Текст письма говорит о том, что Мейер пользовался большим уважением среди своих подчинённых. Очень интересна лексика тех времён: «Ваше Высокоблагородие! Лейб-гвардии Уланского полка

Г-ну Полковнику, 4 эскадрона командиру и разных орденов Кавалеру Карлу Христиановичу Мейеру.

Нижние чины, командуемого Вашим Высокоблагородием Лейб-Гвардии Уланского полка 4-го эскадрона, которых Вы в незабвенные 1805, 1807, 1812 и 1814 годы с неустрашимостью предводили на пути славы против врагов отечества, не щадя жизни за всемилостивейшего Государя, которых Вы всегда охраняли и берегли истинно с отеческою попечительностью, положили единодушно и доброю волею изъяснить торжественно те нелицемерные чувствования, которая они сохранят навеки в благодарных сердцах, к своему достойному, доброму командиру. В засвидетельствование чего, осмеливаются поднести Вашему Высокоблагородию от лица всего эскадрона золотой перстень с надписью. Удостоите Ваше Высокоблагородие, истинный отец наш, принять сей малый, но усердный залог нашей не лестной признательности за все оказанные нам милости, которая останутся навеки запечатлены в сердцах наших, твердые и неизгладимые, нежели сии слабыя черты на золоте. Да будет он для Вас в рода родов памятником заслуг Ваших и приятнейшим утешением благородного Вашего сердца, находящего сладоснейшую отраду в соделывании счастливыми Ваших подкомандных, и да свидетельствует пред всеми ту неограниченную преданность с какою мы пробудем по гроб.

Вашего Высокоблагородия Лейб-Гвардии Уланского полка 4-й эскадрон. Стрельна, марта 11-го дня 1819 года».

Далее Меер пишет: «Достоинно замечания, что золотых дел мастер, делавший сей перстень, тронутый признательностью воинов к своему начальнику, взял с них за одно золото только, но ничего не хотел взять за работу.

Перо не в состоянии передать те чувства, которые волновали меня. Все слова благодарности, которые я им высказал, были ничто в сравнении с полнотою моих чувств. Много слез я видел на загорелых щеках» [41].

Раны, полученные Мейером во время войн против Наполеона, не позволили ему далее служить в строю, и в ноябре 1819 года он вышел в отставку. В отставке он пробыл менее двух лет и в августе 1821 года был назначен командиром Вольнского уланского полка, во главе которого находился до сентября 1826 года [42]. В этом же году «За отличие по службе» был произведен в генерал-майоры.

Семён Калабалин

В 1852 году генерал-майор Карл Крестьянов фон Мейер был внесён во вторую часть дворянской родословной книги [43]. В декабре 1860 г. Карл Христианович и его супруга Амалия фон Абт с детьми записаны в 6 часть Псковской дворянской родословной книги [44].

Интересна и необычна судьба потомков Карла Христиановича Мейера после революции. Его внук Константин не принял революцию и ушёл сражаться в Белую армию. Жена Нина Михайловна с детьми отправляется в Новороссийск в надежде встретить мужа, затем уехать в Германию через Украину. Но мужа найти не удаётся, в конце 1925 года Нина Михайловна после перенесённых тягот умирает [45]. После её смерти дочери Ольга и Галина стали воспитанницами Антона Семёновича Макаренко в колонии для несовершеннолетних. Известно, что Ольга в списке воспитанников значится под фамилией Паскаль. В «Педагогической поэме» Макаренко Галина и её муж Семён Афанасьевич Калабалин стали прототипами его героев: Галина Константиновна – Черниговки, Гали Подгорной, а Семён Афанасьевич Калабалин – прототип Карабанова. О них также написана трилогия Ф. Вигдоровой «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка». Всю жизнь Ольга Константиновна и Галина Константиновна посвятили воспитанию «трудных» детей, сирот (детдома, школы) [46]. Галина Константиновна Калабалина стала первым Заслуженным учителем школы РСФСР в Челябинской области. Она была

Галина Мейер (Калабалина)

ученицей и последователем педагогических взглядов Макаренко и вместе со своим мужем Семёном Калабалиным воспитывала беспризорных осиротевших детей. Во время Великой Отечественной войны Детский дом, в котором работала Галина Константиновна, эвакуировали на Урал. Она была для детей-сирот не просто директором – она была им любящей и заботливой матерью.

Незадолго до смерти Галина Мейер (Галина Калабалина) поведала детям о своих предках, передала по наследству книгу «Воспоминания Марии Александровны Паткуль...», изданную в Санкт-Петербурге в 1903 году, где представлены страницы жизни её рода по линии отца. И, как стало известно в дальнейшем, это был достаточно знатный род, жизнь которого теснейшим образом была связана с царской фамилией и многими выдающимися людьми того времени [47].

Семён Калабалин, муж Галины, казалось, прожил не одну, а десять жизней. В юности – бандит, чудом избежавший расстрела. Затем колония для малолетних преступников. И ученик решает посвятить себя делу учителя – поиску новых методов воспитания беспризорных детей. В 1938 году его обвиняли по страшной 58 статье – антисоветская пропаганда среди молодёжи. От расстрела или лагерей Семёна спасло чудо. Он вышел из тюрьмы накануне войны и вскоре угодил в школу диверсантов. Был сброшен на парашютах на терри-

торию Украины, а затем завербован немецкой контрразведкой и отправлен в Россию. Калабалин тут же явился в местное НКВД, где ему предложили вести двойную игру. Он умело дезориентирует немецкий штаб в течение всей Сталинградской битвы. Его «информацию» ценят в Германии, признавая достоверной, – его даже награждают «Железным крестом», высшей наградой доблести. Биография Калабалина легла в основу вышедшего в 2011 году документального фильма «Учитель с железным крестом» (режиссёр Виталий Якушев) [48].

Всего супруги Калабалины с сотрудниками и помощниками воспитали более 15 тысяч детей в России, Грузии и на Украине. Умер Семён Афанасьевич Калабалин в июне 1972 г. и похоронен вместе с женой Галиной (Мейер) в селе Клемёновском Московской обл., где был директором Детского дома-интерната, работавшим по методике А. С. Макаренко.

Педагогическую династию Галины и Семёна Калабалиных продолжил их сын Антон Семёнович Калабалин, член Правления Международной и Российской Макаренко-ассоциации, Член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, директор Педагогического музея Антона Семёновича Макаренко [49].

Примечания

1. <http://www.baronss.ru/publ/13-1-0-384>. Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Ч. 5. С. 40; Брокгауз Э. С. и Ефрон. Энциклопедия. Т. 44. С. 490.
2. <http://www.baronss.ru/publ/13-1-0-384>. Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Ч. 5. С. 39.
3. РГ АДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 8179. 1710-1711. Пусторжевский уезд: сказки, поданные переписчику Федору Михайловичу Горяинову...; Никифоров В. Г. Знакомые и соседи Ганнибалов и Пушкиных // Псков. 2006. № 24. С. 81.
4. ГАПО. Ф110. оп. 1. ед. хр. 722. Дело о внесении в 6-ю часть родословной книги дворян Офросимовых. Л. 72. Формулярный список, составленный на старшего адъютанта 1 округа корпуса жандармов, умершего майора Офросимова. 30 января 1840 г.
5. Крестовский В. В. «История 14-го Уланского Ямбургского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Марии Александровны полка». С-Петербург. 1873.

6. ГАПО. Ф110. оп. 1. ед. хран. 722. Л. 75–76.
7. ГАПО. Ф110. оп. 1. ед. хран. 722. Л. 75 (об.)
8. ГАПО. Ф110. оп. 1. ед. хран. 722. Л. 118
9. ГАПО. Ф110. оп. 1. ед. хран. 722. Л. 131.
10. ГАПО. Ф110. оп. 1. ед. хран. 722. Л. 129.
11. Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414– 1914 гг.). Репр. изд. Псков, 2004. С. 110.
12. Памятная книжка Псковской губернии за 1870 г. Псков, 1870. С. 66, 69; Памятная книжка Псковской губернии за 1872 г. Псков, 1872.
13. ГАПО. Ф110. оп. 1. ед. хран. 722. Л. 158.
14. ГАПО. Ф110. оп. 1. ед. хран. 722. Л. 178
15. Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414– 1914 гг.). Репр. изд. Псков, 2004. С. 110; Памятная книжка Псковской губернии за 1870 г. Псков, 1870. С. 66, 69; Памятная книжка Псковской губернии за 1872 г. Псков, 1872.
16. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 183. Формулярный список о службе Опочецкого предводителя дворянства, капитана запаса гвардейской пехоты, Бориса Никандровича Офросимова. Составлен в 1915 г.
17. Софийский Л. И. Указ. соч. С. 20.
18. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 183.
19. Яковлева Т. Офросимовы на службе Российскому престолу//Невельский сборник. № 17. – СПб., 2011.
20. ГАПО. Ф. 110. оп. 1. Ед. хр. 722. Л. 46.
21. Вельц (Билефельд К.), Н. Левин (Псков) Российские немцы.
22. Яковлева Т. Красивее я земли не встретил: полковник И. Д. Сенченков о себе, о родном Пустошкинском крае // Вперёд. 2003. 17 сент.
23. РГИА. Фонд 577, оп. 4, д. 1238. Л. 10. Выкупные дела...
24. Никифоров В. Г. Из личной переписки.
25. <http://dommuseum.ru/slovarx/person.php?id=7721>
26. Грезин И. И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995.
27. Вздорнов И. А. Общество «Икона» в Париже / И. А. Вздорнов, З. Е. Залеская, О. В. Лелекова. М.: Париж, 2002. Т. 1. С. 30, 111, 286-289.
28. Р. О. НРБ. Ф. 509. Д. 158. «Геометрический план Псковской губернии Опочецкого уезда д. Корнилково, с деревнями именуемыми Щукином и Апрельевой...»
29. Подробнее о роде Назимовых: ж. Псков. 2010, № 33; Невельский сборник. 2010, № 16.

30. <http://enc-dic.com/biography/Adadurovy-102.html>
31. Васильева Л. В. Ададуropy – дновские помещики // <http://www.pskovcity.ru/hron20029.htm>
32. Р. О. НРБ. Ф. 509. Д. 158.
33. Словарь русских генералов http://www.museum.ru/1812/Persons/slovar/sl_a04.html
34. Сведения о помещичьих имениях. Т. 3. СПб., 1860. Приложение к трудам редакционной комиссии, для составления Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости.
35. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Ед. хр. 571. Л. 48(об.) Дело о внесении в родословную книгу дворян фон – Мейер с выдачею документов на дворянство.
36. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Часть 15. С. 122.
37. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Ед. хран. 571. Л. 48 (об.) 49.
38. Анисимова Н. В. Те, кто прошёл дорогой войны. <http://bezmuzei.ucoz.ru/index/0-2>
39. Сведения о помещичьих имениях. Т. 3. Приложение к трудам редакционной комиссии, для составления Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. СПб., 1860.
40. Ведомость о делах Лейб-Гвардии Уланского полка.....// История лейб-гвардии ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка. Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1903. – С. 253–336.
41. История лейб-гвардии ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка. Сост. П. О. Бобровский. Приложение к 1 тому. – СПб., 1903. – С. 406–409.
42. Википедия.
43. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Л. 13.
44. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Л. 53.
45. Беляева И. Фон Мейеры – история семьи. Ч. 2.
46. http://gandikar.blogspot.com/2011/10/blog-post_07.html
47. Морозов В. В. Воспитательная педагогика Антона Макаренко. Опыт преемственности // Документальное педагогическое исследование. – М., Егорьевск: ЕФ МГУ им. М. А. Шолохова, 2007. – 238 с.
48. Фильм по ссылке: <http://video.mail.ru/bk/bristol77707/3828/58727.html?autoplay=1>
49. http://makarenko-museum.narod.ru/wiki/Kalabalin_SA_biography.htm

ОДИССЕЯ ГЕНЕРАЛА ПУЩИНА

Орлов В.В.,

учитель истории школы № 5 (Великие Луки)

«**М**ы – дети 12-го года», – писал на склоне лет известный поэт-декабрист, герой Отечественной войны 1812 года, полковник Фёдор Глинка. И это действительно так. Юные прапорщики, корнеты и подпоручики, в будущем достигнув больших чинов и должностей, с глубоким трепетом и ностальгией вспоминали свою молодость, которая пришлась на войны с наполеоновской Францией. И какая-нибудь «Аннушка» (орден Святой Анны низшей степени), вручённая за личное мужество в боях в то время, была для них ценнее самых высоких орденов, полученных позднее.

Среди «детей 12-го года» и наш земляк, участник Бородинского сражения, генерал-лейтенант Николай Николаевич Пуштин (1792–1848).

Пущины – один из древних дворянских родов России, занесённый в т.н. «Бархатную книгу». Впервые он упоминается в 1500 году и берёт своё начало от рязанского «сына боярского» Василия Алаповского, от сына которого Есипа, по прозвищу Пуща и произошли Пущины. На Псковщине они появляются с 1617 года, когда Ивану Семёновичу Пушину от царя Михаила Фёдоровича были пожалованы земли с крестьянами в Великолуцком, Торопецком и Новоржевском уездах.

«Родовое гнездо» псковских Пущинных – имение Никольское Великолуцкого уезда (ныне Локнянский район). Оно не сохранилось – погибло в последнюю войну. Уцелела только разбитая, но всё равно красивая, церковь Николая Чудотворца бывшего погоста Никольский – Заклюка, построенная в 1767 году полковником Ф.Е. Пущинным. Её можно увидеть за д. Башово, слева от дороги, ведущей от Великих Лук на Локню. Семейный некрополь рода Пущинных, находившийся возле алтаря храма, исчез в 1950-е годы...

Никольское-Заклюка, «родовое гнездо» Пуциных

Активными участниками Отечественной войны 1812 года и заграничного похода русских войск 1813/14 годов были три представителя псковских Пуциных. Это генерал-майор Павел Сергеевич Пущин, декабрист, масон, друг А.С.Пушкина по Кишинёву (имение Жадрицы Новоржевского уезда), майор лейб-жандармского эскадрона Иван Степанович Пущин (имение Боборыкино Великолуцкого уезда) и генерал-лейтенант Николай Николаевич Пущин (имение Ново-Никольское Великолуцкого уезда). О биографии последнего и пойдёт речь в данной публикации.

Николай Николаевич Пущин родился в Ново-Никольском (сейчас это Переслегинская волость Великолуцкого района) в семье небогатого помещика (90 душ крепостных). Семи лет был отдан в Пажеский корпус (очевидно, устроить туда мальчика помогли петербургские родственники). По окончании корпуса в 1811 году был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк. Через 6 месяцев началась Отечественная война. Боевое крещение молодой офицер принял в Бородинском сражении, в котором «литовцы»

показали себя настоящими героями. Находясь на левом фланге русской армии, они отбили атаку французских кирасир, а когда неприятель начал перестраиваться, бросились в штыки и обратили цвет французской тяжёлой кавалерии в бегство. Затем до самого вечера Литовский полк удерживал важную высоту у Семёновского обрыва. Не удивительно, что и потери у него были велики: из 46 офицеров в живых осталось только 9 – все раненные, а солдат полегло больше половины.

Наградой прапорщику Николаю Пущину, раненному под Бородином в левую ногу навывлет, но оставшемуся в строю, стала золотая шпага с надписью «За храбрость». Этот очень почётный знак отличия был официально причислен царём Александром Первым к русским орденам в 1807 году, хотя отдельные пожалования золотым оружием встречались и раньше. Награда представляла из себя шпагу, с рукояткой из золота 56-й пробы, на гарде (пластинке для защиты руки) которой была выгравирована надпись «За храбрость». Заслужить её офицеру можно было только личной отвагой. Всего в 1812 году золотые шпаги получили 241 человек.

После излечения от раны Пущин в составе русской гвардии участвует в заграничном походе – сражается при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге. Войну заканчивает в Париже. Серебряная и бронзовая медали «В память Отечественной войны 1812 года», медаль «За взятие Парижа» и прусский орден «За заслуги» – таковы награды подпоручика Николая Пущина в наполеоновских войнах.

Благодаря победе над Наполеоном в состав России вошло Царство Польское. Его наместником стал брат императора Александра Первого Великий князь Константин Павлович. Как элитная воинская часть, в Варшаве был сформирован новый Лейб-гвардии Литовский полк, куда и перешёл служить поручик Пущин. Сохранились воспоминания современника с характеристикой его в этот период: «Николай Пущин – человек выдающийся из офицерской среды того времени по уму и серьёзному многостороннему образованию, которому он обязан исключительно себе. Его квартира была местом собраний офицеров, стойкость и благородство его правил не допускали ни малейшей уступчивости, когда дело касалось справедливости». Добавим, что наш земляк был близко знаком с П.И. Пестелем, Н.И. Лорером, другими будущими декабристами, выступал в защиту солдат и против палочной дисциплины в русской армии.

Атака Лейб-гвардии Литовского полка в Бородинской битве

Великий князь Константин Павлович любил, ценил и уважал Пущина, произведённого в 1823 году в капитаны, что не помешало серьёзным конфликтам между ними. По всей видимости, Николай Николаевич обладал «взрывным» характером, не боясь резать «правду-матку» в глаза своему шефу. Например, когда командир полка, крайне грубый человек, наорал за какую-то оплошность на одного молодого офицера, Пущин показал полковнику кулак и пообещал прибить, если подобное повторится. Два капитана, известные своим жестоким обращением с солдатами, были благодаря Пущину, поддержанному другими офицерами, изгнаны из полка. Константину всё это крайне не нравилось и, в конце концов, такое поведение Пущину дорого обошлось: во время очередной стычки с Великим князем, который в сильнейшем гневе заявил, что Пущин позорит ту воинскую часть, в которой служит, капитан сорвал с себя знаки различия полка и бросил к ногам Константина. Его немедленно арестовали, а во время обыска в квартире нашли брошюры революционного содержания и записи, в которых крайне нелестно оценивались порядки в русской армии. Всё это дошло до Петербурга, и наказание

последовало крайне суровое: лишение дворянства, чинов, наград и разжалование в рядовые без права выслуги. Константин и сам был уже не рад, что дело приняло такой оборот, и попытался облегчить участь своего любимца. Но Пущин гордо отказался проживать на квартире, пользоваться слугой и прочим, а в новом качестве отправился в казарму к солдатам, чтобы вместе с ними нести все тяготы военной службы. Длился такой печальный период в жизни нашего земляка 9 месяцев. Константин несколько раз просил своего брата-императора помиловать Пущина. И наконец Александр вернул разжалованному офицерские эполеты, но с переводом из гвардии в армейский Литовский полк. Вновь гвардейским капитаном Пущин стал только через три года, уже при новом императоре Николае Первом.

В 1830 году в Польше вспыхнуло национально-освободительное восстание. Оно застало русскую администрацию врасплох. Сам наместник с женой едва не был убит. Повстанцы действовали с большой жестокостью, уничтожая не только русских офицеров и чиновников, но и членов их семей. В этот опасный момент Н.Пущин, уже произведённый в полковники, не растерялся: собрав из разрозненных воинских частей ударный отряд с несколькими пушками, он сумел вывести из захваченной мятежниками Варшавы большое количество русских гражданских лиц вместе с их семьями, прикрыв их отход. Затем этот отряд стал частью авангарда русской армии, брошенной на подавление восстания. Потом Пущина назначили комендантом важной стратегической крепости в Польше... За польскую кампанию наш земляк был удостоен ордена Святой Анны второй степени и польского знака отличия «За воинскую доблесть».

В 1834 году полковник Н.Н.Пущин стал было командиром Вологодского пехотного полка, но уже через месяц, по личному указу царя, был переведён на должность, которую считал главным делом своей жизни, – командира Дворянского полка.

Дворянский полк – это не воинская часть, а военно-учебное заведение. Его первое название – Волонтёрский корпус. Он был создан в 1807 году при Втором Кадетском корпусе, как сборный пункт для молодых дворян. В начале XIX века Россия вела ряд войн (с Турцией, Персией, Францией, Швецией), и русская армия остро нуждалась в офицерских кадрах. Принимались в учебное заведение без экзаменов дворянские юноши не моложе 16 лет, умеющие писать, читать и

считать. После строевой подготовки они производились в офицеры и направлялись в армейские части российской армии.

С 1832 года Дворянский полк становится самостоятельным учебным заведением, но оказывается в глубоком кризисе. Уровень подготовки будущих офицеров был крайне низок» две трети выпускников знали только азбуку и начало грамматики, а 32 из них вообще не умели читать. Условия для занятий и проживания учащихся были необычайно плохими. Доходило до того, что вечно голодные воспитанники полка нападали на квартиры, лавки и пекарни, а по ночам грабили прохожих. В Дворянский полк началисылать проштрафившихся кадетов из других училищ...

Требовалось навести в этом заведении порядок – выбор императора пал на Н.Н. Пущина, как человека умного, решительного, честного и образованного. Ведь в послужном списке Пущина было отмечено: «Знает русский, французский, немецкий, английский и итальянский языки, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, конические сечения, полевую долговременную фортификацию, снимание мест, оборону крепостной артиллерии и рисование».

За четыре года генерал-майор Пущин сделал Дворянский полк образцовым военно-учебным заведением – правда, добившись этого крайне крутыми мерами, широко применяя для лодырей и нарушителей дисциплины телесные наказания. В 1837 году полк переехал в новое, специально для него построенное здание на Петербургской стороне (сейчас в нем находится Военно-Космическая академия имени Можайского). Была проведена его реорганизация: 1000 обучающихся были разделены на 40 классов. Общий курс обучения определён в 4 года, специальный – в 2 года. Из четырёх рот полка только в одну принимались дворяне со стороны, а в остальные направлялись выпускники кадетских корпусов России для доучивания. Резко улучшилось качество преподавания и многое другое.

Не заставили себя ждать и награды Н.Н. Пущину: 1836 год – орден Святого Георгия 4 степени «за 25 лет беспорочной службы»; 1840 год – орден Святого Станислава 1 степени; 1842-й – орден Святой Анны 1 степени и 1846-й – орден Святой Анны 1 степени с короной.

О деятельности Николая Николаевича на посту командира Дворянского полка высказался его бывший воспитанник П.П. Карцев: «Об этой замечательной личности существовало два совершенно противоположных мнения: одни считали его деспотом и грубым

Санкт-Петербург, здание бывшего Дворянского полка

человеком. Другие находили в нем лучшие качества. Многие выпускники питали к нему впоследствии глубокое уважение».

Н.Н. Пущин был командиром Дворянского полка 13 лет, а затем произошли события, которые можно связать только с болезненным состоянием генерала. Жёсткость и требовательность по отношению к воспитанникам начала перерастать в неоправданную жестокость. Один из учащихся за какую-то провинность едва не был засечён до смерти. Целый класс поднял бунт, протестуя против методов обучения в полку. И Великий князь Михаил Павлович, курирующий военно-учебные заведения России, сказав при встрече с Пуцциным, что последний явно болен, порекомендовал ему съездить полечиться. В 1847 году Н.Н. Пущин сдал командование полком и уехал на воды в Германию. Чтобы «позолотить пилюлю» его произвели в генерал-лейтенанты с правом носить мундир Дворянского полка и назначили членом Совета и инспектором военно-учебных заведений России. Лечение не помогло – генерал ослеп, здоровье его резко ухудшилось, и в июле 1848 года он скончался. Похоронен на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга, вместе с женой, сыном и дочерью.

Несколько слов о семье Пущина. Николай Николаевич был женат на Эмилии Гржимайло, от которой имел трёх сыновей и пять дочерей, а также падчерицу. Супруга его была начальницей Петербургского женского патриотического института, Кавалерственной дамой (награждённой орденом Святой Екатерины). Младший сын Михаил Николаевич унаследовал родовые поместья отца в Великолукском и Торопецком уездах, прикупил несколько имений своих родственников на Псковщине. Он погиб на Балканах, командуя полком во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Что касается Дворянского полка, то сохранив многое, заложенное генералом Н.Н. Пущиным, он вскоре был переименован в Константиновский кадетский корпус, а затем в Константиновское военное училище. Его окончили многие известные деятели, связанные с нашим краем.

«ДАЛЁКОМУ МУЖЕСТВУ ВЕРНОСТЬ ХРАНИМ...»

Анисимова Н.В.,

старший научный сотрудник ИКЦ Философовых

(посёлок Бежаницы)

Судьба многих замечательных людей, снискавших себе славу на различном жизненном поприще, неразрывно связана с историей нашего края. Среди них – участники Отечественной войны 1812 года. Имена некоторых общеизвестны, других мы можем встретить только в архивных документах того далёкого времени. Несомненно, все они заслуживают нашей памяти. В связи с этим, принимая участие в областном конкурсе «Культура Псковского региона 2011-2015 гг.», нами был разработан проект «Памяти 1812 года». Цель проекта: развитие музейного дела, изучение и сохранение культурного наследия региона; формирование чувства патриотизма.

По проекту в музее должна быть создана экспозиция, посвящённая участникам войны 1812 года, так или иначе связанными с нашими местами, и выпущен буклет по этой теме. Для реализации данного проекта были проведены архивные изыскания, собран материал, публикации, получены копии интересующих нас документов из архивов – РГВИА и ГАПО – РНБ и ГИМа, произведена фотофиксация современного состояния памятных мест нашего района, связанных с жизнью и деятельностью героев 1812 года. Накопленный информационный материал позволяет реализовать задуманный проект.

Итак, герои музейной экспозиции.

ЧИХАЧЁВ Матвей Николаевич. Родился 6 сентября 1788 года. В метрической книге Тихвинской церкви села Добрывичи записано: «Восприемниками были: Генерал-поручик и кавалер Петр Петрович Коновницын, второй статский советник Матвей Данилович Чихачев (дед), восприемницы: генерал-майорша княжна Стефанида Федоровна Мещерская, вторая майорша Екатерина Степановна Не-

ЧИХАЧЁВ Матвей Николаевич

елова» [1]. Воспитывался Матвей Николаевич в Морском кадетском корпусе. В 1800 году окончил его и стал гардемаринем. Обучался морскому делу и в Англии, знал 6 языков [2]. В 1810 году получил звание лейтенанта. Был в походах в Балтийском, Немецком, Средиземном и Адриатическом морях. Кроме того, в числе морской экспедиции он побывал на архипелаге островов на границе Индийского и Тихого океанов. За подвиги во время экспедиций Матвей Николаевич Чихачёв награждён орденом Святого Георгия 4 степени [3].

Накануне войны с Наполеоном гвардейским экипажем, в котором служил Чихачёв, предпринимались походы, маршруты которых проходили и по нашим местам. [4]

С 1812 года гвардейский экипаж под командованием И.П. Карцева входил в 5-й резервный (гвардейский) корпус 1-й Западной армии под начальством военного министра, генерала от инфантерии Барклая-де-Толли. Матвей Николаевич, командуя 3-й ротой экипажа, занимался устройством мостов и наведением понтонов на реках Двине, Москве, Днепре, Березине. [5]

Перед Бородинским сражением на долю гвардейского экипажа выпало устройство укреплений наших войск, в ходе боевых действий – своевременное уничтожение мостов для защиты от натиска французов. После битвы, при отступлении наших войск к Можайску, экипаж шёл в авангарде, исправляя мосты и переправы. Во время захвата французами Москвы матросы были последними, кто остав-

лял столицу, сжигая за собой все переправы. Только у села Красная Пахра усилиями корпуса наведено семь понтонных мостов для переправы войск. [6] При отступлении французов, благодаря быстрому устройству мостов через реку Протву, наша армия успела выйти к Малоярославцу навстречу армии Наполеона, не дав его армии укрепиться, – в результате кровопролитного сражения войска Наполеона вынуждены были возвращаться по старой опустошённой Смоленской дороге. [7] Преследуя французов, гвардейский экипаж, как и прежде, занимался переправами. Суровая, уже зимняя погода, тяжёлая работа при наводке мостов сказались на здоровье некоторых офицеров, в том числе и Чихачёва. При выступлении экипажа в поход за границу он находился на излечении в Вильно и уже в Пруссии догнал свой экипаж. [8] За боевые подвиги в кампанию 1812 года М.Н.Чихачёв награждён орденом Св. Анны 3 степени. [9]

В заграничных походах приходилось гвардейскому экипажу принимать участие и в сражениях. В 1813 году Чихачёв со своей ротой участвовал в сражении под городом Бауцеком в Польше, за что награждён орденом Св. Владимира 4 степени. Затем в сражении под Кульмом морской Гвардейский экипаж рядом с Семёновским полком штыками отбивал прорвавшихся французов. Потери экипажа были таковы, что, кроме командира, невредимыми остались лишь два лейтенанта – Чихачёв и Валуев. Матвея Николаевича наградили орденом Св. Анны 2 степени, а от короля Прусского – Кульмский крест и орден «Пур ле Мерит». [10] В заграничных походах экипаж продолжал заниматься наводкой и ликвидацией переправ через реки Майн и Сена. 16 января 1814 года Матвей Николаевич писал отцу: «...завтра трогаемся вперед и подошед ближе к Парижу надо ожидать чего-нибудь решительного, все наши Армии скоро соединятся, и кажется, после первой Главной Баталии кто останется в живых, может ожидать своего возвращения, вошел во Францию мы ожидали Бог знает что увидеть, но никто в сем случае, я думаю, не был более нас обманут, бедность имеет здесь свое главное обиталище, города здесь порядочные, но что касается до обывателей в деревнях, то они достойны всякого сожаления... здесь с нами совсем не так обходятся, как наши мужики обходились с французами в России, иные подумают, что это происходит от разности воспитания, но, напротив, здесь никто не токмо собой, но и копейкой не хочет пожертвовать Отечеству, не так как наши Патриоты...» [11]

Имение Чихачёва в деревне Добрывичи

20 марта 1814 года Матвей Николаевич вместе с гвардейским экипажем вступил в Париж. После месячного пребывания в столице Франции на фрегате «Архипелаг» экипаж Чихачёва прибыл в Кронштадт.

В 1816–17 годах Матвей Николаевич находился в заграничных плаваниях к голландским, английским и французским портам, за что 12 декабря 1817 года удостоен ордена Святого Георгия 4 класса.

16 марта 1821 года Чихачёв произведён в капитан-лейтенанты. Служба на флоте продолжалась до 1822 года. Затем Матвей Николаевич, по личной просьбе, уволен по болезни от службы капитаном 2 ранга. За участие в войне с французами награждён медалью «В память войны 1812 года». [12]

Дальнейшая его жизнь проходила в Добрывичах. Женой Матвея Николаевича была княжна Урусова Софья Дмитриевна. 10 декабря 1841 г. Матвей Николаевич Чихачёв скончался, похоронен на фамильном кладбище, рядом с Добрывической церковью Тихвинской Божией Матери. В 1899 году вышла книга лейтенанта Виноградского И.А. «Участие гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 года», в 1903 г. – «Морской Гвардейский экипаж в кампанию 1813 года» с подробным описанием действий экипажа, здесь же приведена карта маршей Гвардейского экипажа.

В наших местах представителям рода Чихачёвых, кроме Добрывич, в разные годы принадлежали деревни Дубровка, Большие Старики (Новинской вол.), Большое Гагрино, Малое Гагрино, Большой

Городец, Малый Городец, Астищи (Горской вол.), Мокрое (Бежаницкой вол.), Кебино (Аксёновской вол.), Зенково, Хряпьево (Туровской вол.) и другие. [13]

Во время войны судьба неоднократно сводила Матвея Николаевича Чихачёва с Философовым Александром Богдановичем.

Подполковник **Александр Богданович ФИЛОСОФОВ** (17?? – 1847) во время войны с Наполеоном командовал понтонной ротой № 2 в 1-й резервной артиллерийской бригаде 14-й пехотной дивизии 1-й Западной армии генерала от инфантерии М.Б. Баркляя-де-Толли. Александру Богдановичу и Матвеем Николаевичу Чихачеву довелось заниматься устройством переправы через Двину для отступления наших войск. К Гвардейскому экипажу были присоединены понтонные роты Акермана и Философова. [14] Вместе они были при Бородине. В последующие дни отступлений нашей армии неоднократно понтонная рота Философова с ротой Чихачёва занимались устройством переправ, следуя в авангарде, и их уничтожением, зачастую под огнём неприятеля, следовавшего по пятам. Вместе они наводили переправы и в заграничных походах 1813-14 годов – понтонные роты соединились с Гвардейским экипажем в городе Калише. [15] Это только одна из множества ниточек, связывающих крепко род Чихачёвых и Философовых.

12 декабря 1817 года полковник Философов Александр Богданович награждён орденом Св. Георгия 4 класса. В отставку вышел в звании генерал-майора, владел землями в Карсунском уезде Симбирской губернии, его женой была Александра Никитична Философова. Похоронен в московском Донском монастыре. [16]

Участником Отечественной войны с Наполеоном был и **Николай Матвеевич РОКОТОВ**, владелец села Маютино, что находится рядом с Добрывичами. Николай Матвеевич был родным братом Марии Матвеевны Философовой, хозяйки села Богдановского. Краткая информация о его боевом пути неоднократно публиковалась в краеведческих изданиях.

Не чужое для наших мест и имя героя войны 1812 года генерал-майора **Василия Васильевича АДАДУРОВА**. С 1801 по 1840-е годы он был владельцем имения Бардово и нескольких деревень в Бардовском, Кудеверьском и Лобновском приходах (территория Бежаницкого района). [17] Основное же его имение было в селе Дно Порховского уезда.

Сохранившиеся хозяйственные постройки в бывшем имении Бардово

Имением же Бардово с 1846 года стал владеть **Карл Христианович МЕЙЕР**, полковник. [18] Весь его боевой путь связан с Лейб-гвардии Уланским полком... Но, поскольку биографией К.Ф. Мейера (Бардово входило в состав Новоржевского уезда) занималась краевед Т.И. Яковлева из Пустошки, рассказ о нём я опушу.

Интересна судьба героя войны 1812 года, известного в своё время партизана **Александра Николаевича ЧЕЧЕНСКОГО**. Нельзя сказать, что его жизнь связана с нашим Бежаницким краем, но последние годы генерал провёл в имении Савкино Кудеверской волости и похоронен в Кудевери. Об этом есть запись в метрической книге Кудеверской Георгиевской церкви, сделанная 7 мая 1836 года: «Сельца Савкина помещик генерал-майор Александр Николаевич Чеченский умер» в возрасте 55 лет. [19] Деревня Савкино в последующие десятилетия принадлежала его жене Екатерине Ивановне (урожд. Бычковой) и детям. [20]

Выходец с Кавказа, ротмистр А.Н. Чеченский в Отечественную войну 1812 года – соратник Дениса Давыдова, командир 1 Бугского казачьего полка, участник Бородинского и Тарутинского сражений [21]. О его подвиге в боях под Вязьмой и Покровом писалось в Санкт-Петербургских ведомостях. [22] В 1813 году – участник сражений при Люцене, Бауцене, Лейпциге. В ходе боевых действий трижды занимал неприятельские укрепления без боя. После взятия Парижа А.Н. Чеченскому присваивается звание полковника, в 1825

*Ротмистр
Александр Николаевич
Чеченский*

*Открытие памятника А.Н. Чеченскому
в пос. Безжаницы*

году – генерал-майора. В его послужном списке можно прочитать: «...генерал-майор Александр Николаев сын Чеченской. Кавалер орденов: Св. Равноапостольного Князя Владимира 3-й степени, Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса, Св. Анны 2-го класса алмазами украшенной и 4-го класса, Золотой сабли с надписью «За храбрость» и иностранных орденов: Прусского за достоинство и Шведского Северного меча и имеет серебряные медали «В память 1812 года» и «За вступление в Париж» [23]. О службе А.Н. Чеченского в российской армии можно судить по документам и воспоминаниям его сослуживцев.

Некогда существовавшее недалеко от деревни Дворцы имение Сафонтьево, где провёл последние годы жизни Пётр Абрамович Ганнибал, принадлежало его родственникам дворянам Неёловым. У мичмана Павла Семёновича Неёлова и его жены Анны Николаевны (урожд. Байковой) было трое сыновей – Семён, Александр, Сергей (троюродные братья А.С. Пушкина). [24] В аттестате **Александра Павловича НЕЁЛОВА** приводятся сведения о его службе: родился в 1794 году, окончил Морской кадетский корпус, в 1811 году поступил на службу гардемаринном, в том же году произведён в мичманы в 46-й флотский экипаж. Находился в походах в 1811, 1812 и 1813 годах между Петербургом и Кронштадтом, охраняя берега от французских судов. В 1814 году, с 14 июня по 6 сентября, на корабле «Северная звезда» под командою капитана 1 ранга Повалишина П.В.

принимал участие в перевозе десантных отрядов от Кронштадта в порт Любек. Крейсируя у берегов, корабль прикрывал высадки десантных отрядов. В последующие годы в числе экипажа «Северной звезды» бывал в плавании от Кронштадта до французского города Кале и обратно с десантными войсками. Вся дальнейшая служба, до 1845 года, Неёлова А.П. связана с Балтийским флотом. [25] В Списке дворян Псковской губернии Новоржевского уезда на 1855–56 гг. числится Неелов Александр Павлович, подполковник, и его брат Неелов Семен Павлович, мичман, попечитель сельских магазинов. [26]

Известно, что имением Покровское (ныне д. Фишнёво) в конце XIX – начале XX века владела СКОРОДУМОВА Надежда Дмитриевна. По материнской линии Надежда Дмитриевна происходила из рода Неверовских. Её двоюродный дед – **Дмитрий Петрович НЕВЕРОВСКИЙ**, прославившийся подвигом под Красным. [27] В августе 1812 года, командуя 27-й пехотной дивизией, оказал упорное сопротивление превосходящим силам конницы Мюрата, благодаря чему Наполеон не смог отрезать русские войска от Смоленска и зайти им в тыл. Багратион П.И. сообщал: «Нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, с какою дивизия, совершенно новая, дралась против чрезмерно превосходных сил неприятельских». Отлично проявил себя Дмитрий Петрович Неверовский в Бородинском сражении, воюя за Шевардинский редут, и при обороне Семёновских флешей. Раненый, не покинул поля сражения.

Будучи уже генерал-лейтенантом, во время контрнаступления участвовал в боях под Тарутином и Малоярославцем. В 1813 году ранен в ногу в Лейпцигском сражении («Битва народов»). Умер после операции от начавшейся гангрены 21 октября этого же года. Д.П. Неверовский оставил воспоминания о Бородинской битве. В 1859 году «Записки генерала Неверовского о своей службе в 1812 году» [28] были опубликованы. В 1912 году, к столетию Бородинской битвы, прах Неверовского перезахоронили на Бородинском поле – рядом с памятником солдатам 27-й пехотной дивизии встал памятник её командиру. [29] В этом же году в Москве под редакцией В.А. Афанасьева вышла книга «Жизнь и подвиги генерал-лейтенанта Дмитрия Петровича Неверовского (1771–1813). Привилегиями потомков героя войны пользовались его племянники (получали военное образование за счёт государства) – в частности, отец Скородумовой Н.Д., будущий генерал от инфантерии Дмитрий Иванович Дороган,

Дмитрий Петрович Неверовский

окончил Пажеский корпус «на Государеву шкатулку». В столетний юбилей Отечественной войны 1812 года имя Скородумовой Надежды Дмитриевны, вдовы Действительного статского советника, было включено в «Список господ дворян Псковской губернии, предки коих принимали участие в войне 1812 года». [30]

В 1879 году в журнале «Русский архив» №10 вышли записки офицера 27-й пехотной дивизии Неверовского нашего земляка **Николая Ивановича АНДРЕЕВА** (1792–1870) под названием «Воспоминания офицера 50-го егерского полка». Родился Николай Иванович в Порхове, в семье Ивана Александровича и Елены Васильевны (урожд. Мягковой) Андреевых. В 1802 году был отдан в Военно-Сиротский корпус. Затем поступил в Петербурге в Дворянский полк, оттуда направлен в формирующуюся 27-ю дивизию. В мемуарах Николай Иванович описывает действия полка и свои личные в составе дивизии Неверовского, в том числе под Красным, Смоленском, Бородином и в заграничных походах. Интересны воспоминания и тем, как виделись военные действия простому офицеру Андрееву, каковы были его конкретные действия в различных ситуациях. Воспоминания являются дополнитель-

Памятник Д.П.Неверовскому на Бородинском поле

ным источником информации о людях, с кем автору приходилось сталкиваться по службе. Так, он рассказывает о тёплых отношениях с Николаем Гавриловичем Назимовым, который был шефом его полка. Упоминает не безызвестных нам А. Арбузова (командир Гвардейского корпуса и генерал-адъютант), Александра Яковлевича Княжнина (бригадный полковник в 27 дивизии). [31] Во время Отечественной войны 1812 года Андреев Н.И. награждён: за бои под Красным – орденом Св. Анны и произведён в подпоручики; за Смоленское сражение – Св. Владимиром 4 ст.; за Бородино (здесь ранен в ногу) – Св. Анны 3 ст., позднее – медалью «В память Отечественной войны 1812 года». Его братья Василий и Нил тоже были участниками войны с Наполеоном. В 1816 году Андреев Николай Иванович вышел в отставку в звании штабс-капитана, вернулся в отцовское имение Погостищи Порховского уезда. Ввиду своих заслуг в 1819 году избран заседателем в Порховский земский суд. В 1826 г. женился на Надежде Николаевне Чихачёвой. Какое-то время служил исправником в Новоржевском уезде. [32]

Из воспоминаний Андреева: «В 1839 году я служил исправником в Новоржевском уезде и при проезде Фельдмаршала князя

Эриванского через наш уезд его встретил и рапортовал. Он перед станцией Ашевой шел пешком. Увидя у меня медаль 1812 года, он спросил, где я служил. Ответ мой был скор: «Я служил у храброго генерала Неверовского в 27-й дивизии». – «А, знаю! Жаль доброго моего друга, – сказал князь, – а помните ли вы, как я под Смоленском вас выручил?» – «Ваша светлость, – отвечал я, – вы не помнили зла, что дивизия наша не выручила вас под Могилевом». – «Да, это правда, что не выручила, – сказал он, – но как могли вы выручить, пройдя и без того неимоверно, около 80 верст в сутки? Жаль мне и теперь вашего храброго и доброго Дмитрия Петровича Неверовского!» [33]

В бежаницких местах Андрееву Н.И. и его семье принадлежали деревни Реброво, Загоскино Аполинского прихода. [34] На 1855 год в Списке дворян Новоржевского уезда за Николаем Ивановичем Андреевым числится 18 крепостных, за его женою – 144. [35] Сын Николая Ивановича Александр Николаевич известен как поэт, прозаик, публицист. Во 2-й половине XIX века его произведения неоднократно публиковались в журналах, выходили и отдельными изданиями.

Связаны с нашими местами и дворяне Назимовы. Деревни Василёво, Паства, Батаново, Никитенское (ныне Пореченской волости Бежаницкого района), в те времена принадлежали дворянам Назимовым. [36] В 1822 году усердием Марфы Степановны Назимовой, матери **Бориса Александровича НАЗИМОВА**, погибшего под Данцигом в 1813 году, была построена Дворицкая Никольская церковь. [37]

В Ашевской волости существуют деревни Филёвка и Заборье. В 1-й половине XIX века эти земли относились к владениям героя войны с Наполеоном капитана **БУХВОСТОВА Ивана Николаевича**. Деревни Батино и Панёво Апросьевского прихода Дворицкой волости в 1839 году принадлежали поручику **АРБУЗОВУ Арсению Ивановичу**. [38] Во время Отечественной войны 1812 года Арсению Ивановичу, окончившему к этому времени Артиллерийский и Инженерный Шляхетский 2-й кадетский корпус, довелось воевать в составе 12-й артиллерийской бригады под командованием подполковника Якова Ивановича Саблина, 12-й пехотной дивизии генерал-майора Колюбакина П.М. и генерал-лейтенанта Васильчикова И.В. 2-й Западной армии. [39] Особенно отличилась 12 артиллерийская бригада 11 июля 1812 года в сражении при Салтановке. Несмотря на

сильный обстрел со стороны французов, большие потери, бригада сдерживала позиции, не потеряв ни одного орудия.

В целом, тема участников войны 1812 года, связанных с нашими местами, далеко не исчерпана – напротив, исследования продолжают. Создание экспозиции в музее является одной из форм работы по этому направлению. Согласно проекту в основу экспозиции ляжет копийный материал: прежде всего, планируется представить имеющиеся портреты Чихачёва, Мейера, Чеченского, Философова; послужные списки, полученные из РГИА, РГВИА; копии личных архивных документов Чихачёва, Мейера, Чеченского и Неёлова; копию Журнала боевых действий из «Санкт-Петербургских ведомостей» от 25.10.1812 года, полученную из РНБ, а также документы, говорящие о связи этих людей с нашими местами (копии записей о рождении, смерти, геометрические планы имений, фотографии сохранившихся построек). Украсят экспозицию репродукции картин, выпущенных в честь 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года в виде альбома «Нашествие Наполеона. Отечественная война 1812 года». В рамках реализации проекта работниками музея подготовлен и издан буклет «Памяти 1812 года». Сохраняя память об участниках Отечественной войны 1812 года сегодня, мы заботимся о том, чтобы их имена не были преданы забвению в будущем.

Примечания

1. РГИА. Ф. 1343, оп. 36, д. 27265, л. 8.
2. Давыдов А. Чихачевы // Дворяне все родня друг другу. М., 2006. С. 205.
3. РГИА ф. 1343, оп. 36., д. 27265, л. 9–11об.
4. Виноградский И. А. Участие гвардейского экипажа в сухопутной компании 1812 г. СПб. 1899, С. 18.
5. РГИА ф. 1343, оп. 36., д. 27265, л. 9–11об.
6. Виноградский И. А. Участие гвардейского экипажа..., С. 51
7. Там же. С. 57–59.
8. Там же. С. 62.
9. РГИА ф. 1343, оп. 36., д. 27265, л. 9–11об.
10. Там же.
11. Добрывический семейный архив Чихачёвых // Русская старина, 1914, №159, С. 456.

12. РГИА ф. 1343, оп. 36., д. 27265, л. 9–11об
13. РГИА ф. 577, оп. 31, д. 639, л. 1, 2.
14. Виноградский И. А. Участие гвардейского экипажа... С. 30.
15. Виноградский И. А. Морской гвардейский экипаж в кампанию 1813 года. СПб. 1903.
16. <http://baza.vgdru.com>.
17. Пахоменкова М. М. Энциклопедия деревень Новоржевского уезда (рукопись).
18. Справка ГАПО «О внесении в родословную книгу дворян фон Мейер с выдачей документов» (Из дела №569 21. 10. 1846-24. 05. 1852; №570 от 10. 08. 1882; №571 5. 12. 1900-28. 10. 1915)
19. ГАПО, ф. 39. оп. 1, д. 4340, л. 896 об.
20. Пахоменкова М. М. Энциклопедия деревень Новоржевского уезда (рукопись).
21. РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 40221.
22. Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям №86 от 20 октября 1812 г. С. 3.
23. РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 40221.
24. ГАПО, ф. 110, оп. 1, д. 673, л. 27об, 28.
25. ГАПО ф. 110, оп. 1, д. 672.
26. ГАПО ф. 366, оп. 1, д. 87.
27. ГАПО ф. 366, оп. 1, д. 1066.
28. www.biografija.ru
29. m-necropol.narod.ru
30. ГАПО ф. 366, оп. 1, д. 1066.
31. www.museum.ru/1812/library
32. Там же.
33. Там же.
34. Пахоменкова М. М. Энциклопедия деревень Новоржевского уезда (рукопись)
35. ГАПО ф. 366, оп. 1, д. 87.
36. Пахоменкова М. М., Энциклопедия...
37. ГАПО ф. 39, оп. 1. Клировая ведомость о церкви Псковской епархии Новоржевского уезда погоста Двориц за 1892 г.
38. Пахоменкова М. М., Энциклопедия деревень Новоржевского уезда (рукопись).
39. history.scps.ru/cadet

**ВКЛАД ЮЖНОГО УРАЛА
В РАЗГРОМ АРМИИ НАПОЛЕОНА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА**
(на примере северо-западной России)

Новиков И.А.,

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории Челябинского ГПУ*

Безграничные просторы России ставят перед историками задачу изучения не только «москвоцентричной» истории, но и истории её регионов, в которых протекание исторических процессов происходило чаще всего не так, как это было в столицах, а скорее наоборот. К сожалению, открывшийся в честь 200-летия Музей Отечественной войны 1812 года – парадный, помпезный, с использованием современных ноу-хау, оказался не без изъянов. Обывателю, не знакомому с тонкостями войны, может показаться, что войну 1812 года выиграла генералы, а Народ, народы России, тыловые губернии не сыграли никакой роли в победе над Наполеоном. Начиная с 90-х гг. XX века, произошёл всплеск интереса к изучению региональной истории. Вместе с тем уникальность регионов привела к появлению аквариумной истории, нам же необходимо стремиться добиваться использования регионального подхода при изучении многогранного характера нашей страны в различных пространственных плоскостях. Поэтому мы активно используем региональный материал («История Урала», «История Южного Урала (Челябинской области)», «Военная история Южного Урала», «Традиционная культура народов Южного Урала») не только при проведении аудиторных лекционных и семинарских занятий, но и во внеучебной деятельности.

Особой гордостью студентов-историков Челябинского государственного педагогического университета является их ак-

тивное участие в проведении Всероссийских Вахт Памяти. Во многих регионах России действуют поисковые отряды и объединения, в 2004 году на факультете был создан поисковый военно-исторический отряд «Медальон», и студенты стали участвовать в поисковых экспедициях в Республику Карелия. Одним из важнейших направлений по подготовке учителя в современных условиях является воспитательная работа. Гражданско-патриотическое – одно из важнейших, составной частью которого является поисковая деятельность. Поисковики на сегодняшний момент – единственная сила в современном российском обществе, которая не только на словах, но и на деле сохраняет память о Великой Отечественной войне. Работая в поисковом отряде, студент приобретает опыт любви к Отечеству.

Экспедиция 2012 года была посвящена Году истории в России, поэтому она включала в себя посещение мемориальных мест и музеев: «Бородинская панорама», «Бородинское поле», «Александра Матросова» в г. Великие Луки и мемориала на месте его гибели. Были возложены цветы и прикреплены памятные ленты «От земляков-южноуральцев Александру Матросову». Посещение памятных мест нашего земляка Александра Матросова стало возможным благодаря её организации деканом социально-гуманитарного факультета Великолукской государственной академии физической культуры и спорта, заместителем председателя Псковского регионального отделения Союза краеведов России Д.А. Белоковым и великолепной экскурсии члена Союза краеведов России, учителя истории МОУ СОШ № 5 Великих Лук В.В. Орлова.

Южный Урал (Челябинская область) – один из уникальных субъектов Российской Федерации. Расположенный на территории не только двух континентов (на границе Европы и Азии), но и трёх природно-географических зон (горнолесной, лесостепной и степной), регион богат своей историей: от уникальных, неповторимых и единственных в России не только археологических памятников, но объектов историко-культурного и промышленного наследия. Многие из россиян слышали о Игнатиевской пещере и Аркаиме, заводе Пороги и златоустовском украшенном оружии. Южный Урал – это гиганты промышленной индустрии: Магнитогорский металлургический комбинат, Челябинский тракторный завод, комбинат «Маяк» и другие. Металлургия и машиностроение являются основой про-

мышленного развития Южного Урала, которые были заложены в XVIII-XIX веках, большая часть выпускаемой продукции составляла и составляет оборонный, военный характер.

В последние годы произошёл всплеск празднования юбилейных дат российской истории. По нашему мнению, это очень важный и нужный аспект, так как благодаря им формируется уважение к Нашей Истории. В 2012 году необходимо выделить: 1150-летия официального создания российской государственности (при всей спорности и дискуссионности призыва варягов на Русь и воцарения Рюрика в Великом Новгороде), 400-летие изгнания интервентов из Москвы и 200-летие Отечественной войны 1812 года.

Из перечисленных юбилейных дат в российском историческом календаре 2012 года, по нашему мнению, необходимо особо выделить 200-летие Отечественной войны 1812 года. Известный советский историк Н.А. Троицкий назвал 1812 год великим годом России [1]. 1812 год – год рождения самосознания россиян, поднявших дубину народ ной войны против захватчиков. 1812 год – предшественник восстания декабристов 1825 года, именно благодаря Отечественной войне и последовавшим заграничным походам русской армии произошло рождение самосознания дворянства, которое положило начало освободительному движению в Российской империи, завершившемуся созданием в 1906 году Государственной Думы, установлению думской монархии и в конечном итоге Февральской революцией и свержением монархии. В Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии большую роль сыграли тыловые регионы Российской империи, в том числе и Южный Урал: боевые подвиги на полях сражений оренбургских казаков и башкирских «амуров», рекрут в Уфимском, Екатеринбургском и Пермском пехотных и драгунском полках, снабжение армии пушками и ядрами, де нежная помощь участникам войны и пострадавшим от неё губерниям.

Однако вклад Южного Урала в разгром армии Наполеона на северо-западном театре военных действий практически не нашёл своего отражения как в литературе по истории Южного Урала, так и в обобщающих трудах по истории Отечественной войны 1812 года. Небольшая и фрагментарная информация представлена в советской и российской историографии. Например, в работах, вышедших в 1960–1980-е гг.: П.Е. Матвиевского «Оренбургский

край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки», Л.Г. Бескровного «Отечественная война 1812 года», Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского «1812 год на перекрёстках мнений советских историков 1917–1987» [2] и российских: Р.Н. Рахимова «Отечественная война 1812 г. в современном сознании» и ««Северные амурь»: взгляд очевидца», А.А. Подмазо «Екатеринбургский пехотный полк» и «Рыльский пехотный полк», С.В. Шведова и В.П. Турусова «Башкиро-мещерякское войско» [3].

Не только под Бородином, Тарутином и Малоярославцем решалась судьба России, но и на северо-западном театре военных действий, и в губерниях, не подвергшихся нашествию, в том числе в Оренбургской и Пермской, на южноуральских металлургических заводах, ковавших высококачественный металл и отливавших различную военную продукцию. От качественного и бесперебойного снабжения армии зависел успех сражений. Южноуральцы своим отношением к военным событиям подтверждали отечественный характер войны 1812 года. Тем более, что в начале XIX века Урал занимал лидирующие позиции по выплавке металла не только в Российской империи, но в мире.

Всего к началу антинаполеоновских войн на Южном Урале (в пределах современной Челябинской области) действовало 16 заводов [4], которые выпускали высокосортный металл, что делало возможным удовлетворение не только своих внутренних потребностей, но и его отправку на европейский рынок. Однако переход Англии на использование минерального сырья привёл к снижению себестоимости и к возможности производства чугуна и железа в большом количестве, что заметно снизило спрос на русский металл. Чтобы не попасть в число банкротов, южноуральские частные и казённые заводы вынуждены были пойти на переориентацию выпуска продукции на военные нужды. Металлургические заводы выпускали самую разнообразную «железную» продукцию. Выплавлялось 1/5 часть общероссийского объёма чугуна. Производилось полосовое, «осьмигранное», «четверогранное», широкополосное, «плющильное», листовое, круглое и сортовое железо, которое отправлялось на оружейные и литейные заводы в Тулу, Казань, Сестрорецк, Луганск [5].

В преддверии ожидавшейся войны постановлением Государственного Совета, утверждённым Александром I 3 октября 1810 года,

было решено определить отливку артиллерийских снарядов на частных заводах [6]. В 1811 году заводы получили заказы военного и морского министерств на выпуск орудий и снарядов. Южноуральские металлургические заводы производили все виды снарядов, применявшиеся русской артиллерией: бомбы 5 и 2-хпудовые, 24, 12, 6 и 3-хфунтовые; гранаты 20, 10 и 6-фунтовые; кнители, брендсугели и картечь № 1 – 8. Военные заказы выполняли казённые заводы Златоустовского горного округа и частновладельческие заводы горных округов: Кыштымского (Кыштымский, Каслинский, Нязепетровский), Сергинско-Уфалейского (Уфалейский), Катав-Ивановского (Катав-Ивановский, Усть-Катавский и Юрюзань-Ивановский) и Симского (Симский и Миньярский).

Ядра, бомбы, гранаты и картечь изготовляли Катав-Ивановский, Юрюзань-Ивановский, Симский, Саткинский, Кусинский и Нязепетровский заводы; пушки – Златоустовский. В 1811 году златоустовские заводы изготовили 93 пушки, из которых военным ведомством было принято 52. В 1812 году должны были отлить 120 орудий в год, но, выполняя определённую норму, сверх запланированного Златоустовский завод должен был дополнительно отлить в 1811 году 29 орудий [7]. На частных кыштымских заводах наследников Н.Н. Демидова отливка снарядов началась в апреле 1811 года [8]. По определённым нарядам уральские заводы отлили снарядов 293027 пудов в 1811 году, 180207 пудов – в 1812-м и 292383 пуда – в 1813 году, а за трёхлетие – около 760 тысяч пудов [9].

Особняком из южноуральских заводов стоят златоустовские заводы, которые в преддверии начала военных действий перешли в казённое ведомство, – их «просто» отобрали у частного владельца А.А. Кнауфа – это первый пример «национализации». Правительство вынуждено было принимать энергичные меры для очередного рывка горнозаводской промышленности на пороге нового кризиса во внешней политике. Поэтому в 1804 году началась перестройка и реконструкция казённых заводов на выпуск военной продукции, которая совпала с очередной реорганизацией системы управления. Поэтому переход в 1811 году златоустовских заводов в казённое ведомство необходимо рассматривать именно в этом ракурсе, так как Златоустовский завод уже специализировался на выпуске военной продукции. Долги же заводов – дело второстепенное, что и доказал в новейших исследованиях екатеринбургский историк Е.Г. Неклюдов:

«Явное желание властей замять это дело позволяет предположить, что у правительства в 1811 г. имелись свои резоны вернуть в казённую собственность заводы с налаженным военным производством. Это подтверждают также спешка и секретность, в условиях, которых осуществлялась передача заводов казне [10]. Назначенному главным-управляющим заводами обер-гиттенфервальтеру Клейнеру была дана секретная инструкция, которой предписывалось, что «поелику Кнауф начал литье орудий, то поручаю вам работу сию не только поддерживать, но и употреблять все меры к разпространению и усовершенствованию оной в самоскорейшем времени. Равномерно начните немедля литье артиллерийских снарядов, особенно бомб, бранскулей и гранат» [11].

Центральная и местная власть употребляла всевозможные меры и средства к точному выполнению и перевыполнению определённых заказов. Пермское горное правление соблюдало «неослабный надзор» за производимой отливкой и склоняло заводчиков выполнить к весеннему каравану 1812 года не только обязанность 1811 года, но и досрочно приготовить как можно больше орудий и снарядов, предназначенных к выполнению в наряд 1812 года, заводчикам предоставлялась широкая инициатива в досрочном выполнении заказов на снаряды. Это особенно предписывалось Златоустовскому заводу, отливавшему артиллерийские чугунные орудия и железные поддоны. 24 ноября 1811 г. Пермское горное правление предписывало Пермскому берг-инспектору Томилову производить за этим неусыпный надзор, особенно в условиях передачи заводов от А.А. Кнауфа в казённое содержание, а также за тем, чтобы Томилов осуществлял контроль за «неусыпным смотрением» артиллерийских чиновников при заводах, заводских исправников и земских судов, что «отливка снарядов производится безостановочно, с соблюдением нужных правил, чтоб отливаемые снаряды выходили все годными к употреблению» [12].

Нельзя полностью согласиться с утверждением екатеринбургского историка В.А. Ляпина, что в ходе Отечественной войны 1812 года уральские заводы не играли значительной роли в снабжении армии артиллерийскими орудиями. По его мнению, отливка орудий была возобновлена перед самой Отечественной войной. За 1811-1812 годы было отлито 1883 орудия, основная масса которых была отправлена в сибирские и южные крепости [13]. Точка зрения В.А. Ля-

пина частично опровергается данными о выпуске военной продукции на южноуральских заводах, которые содержатся в различных фондах архивов Екатеринбурга, Златоуста и Челябинска.

Архивные документы помогают раскрыть не только сухие строчки определённых видов вооружения и цифры произведённой продукции, но и фамилии и имена непосредственных героев тыла Отечественной войны 1812 года, которые в короткое время овладевали навыками выпуска новой для себя продукции. Так мы узнали имена 27 мастеровых Кусинского завода и трёх – Саткинского [14]. Чтобы поднять на других уральских заводах производительность труда, Пермское горное правление ставило в пример Симский завод Бекетовой, который сумел выполнить наряды по артиллерийским снарядам к 26 марта 1813 г., отлив 9048 различных ядер, 900 трёхпудовых бомб общим весом в 8033 пуда [15]. Военный инженер, подполковник Бикбулатов после посещения южноуральских заводов писал Пермскому берг-инспектору Томилову, что на Златоустовском, Симском и др. заводах орудия и снаряды отливаются «со всею требуемою точностью и аккуратностью» и «с большой поспешностью» [16]. Рапорт Пермского берг-инспектора об окончании работ по наряду 1813 г. (об отливке и сдаче в казённое ведомство снарядов Катав-Ивановским, Симским и Юрюзань-Ивановским заводами) свидетельствует, что частновладельческие заводы Южного Урала также успешно освоили производство снарядов, и заказ был выполнен досрочно [17].

С первых дней вторжения все народы России активно включились в борьбу с врагом. Главный удар приняли на себя армия и население районов, ставших непосредственным театром военных действий. Но и жители окраинных и глубинных территорий Российской империи не остались в стороне и до конца выполнили свой патриотический долг [18]. Из южноуральских воинских соединений особой славой на полях сражений отличились оренбургские казаки, башкирские и тептярские отряды и Уфимский пехотный полк, почти полностью погибший при защите батареи Раевского на Бородинском поле. Особо необходимо отметить национальные воинские формирования. Было создано 20 башкирских, 2 мишарских и 2 тептярских полка. Всего же на борьбу с вторгшимся неприятелем ушло из Оренбургского края (современная территория Оренбургской и Челябинской областей и Республика

Башкортостан) около 40 тысяч казаков и рекрутов из русского и нерусского населения [19]. На территории современной Башкирии до сих пор существует предание, что во время представления в районе Тильзита Александром I Наполеону инородцев (кавказцев, башкир, калмыков) башкиры бросили на землю шапку и прошили её стрелами. Получившегося из шапки ёжика подарили Наполеону [20]. Из участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии, по нашему мнению, необходимо особо отметить башкирские полки, и не только из-за того, что их было в десять раз больше, чем мишарских и тептярских, и за их колоритный вид и необычное для начала XIX века вооружение. Французские мемуаристы оставили множество свидетельств подвигов башкирских отрядов: «Нас особенно угнетали отряды башкир, вооруженных копьями и луками» [21]. В 1814 году в Париже довольно странно было видеть французам в своей столице башкирских воинов, вооружённых луком и стрелой, которые изготовлялись самими башкирами, поэтому их и прозвали «северными амурами» [22]. Вооружение башкирских отрядов представляло собой своеобразную смесь оружия Средневековья и Нового времени: ружьё, пика, сабля, лук со стрелами, а ружья и пистолеты были у них редкостью. В качестве защиты использовали проволочные кольчуги и латы. Другим важным оружием башкирских воинов была пика. Верхом на лошади ею наносили смертельные удары по противнику. Кроме того, боевым помощником башкирских воинов всегда был конь. Башкиры должны были иметь две лошади (строевую и вьючную) [23]. Особенности вооружения, относительно слабая тактическая подготовка предопределили разнообразные формы их использования не только в сторожевом охранении и в конвойной службе, но и их непосредственное участие в сражениях и разведке.

Советские историки Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский писали, что «о своём намерении наступать на Санкт-Петербург Наполеон заявил в начале 1810 года. В осуществление этого замысла на Северо-Запад были направлены корпуса под командованием маршалов Ж.-С. Макдональда, Л. Сен-Сира и Н.-К. Удино, перед которыми была поставлена задача овладеть Петербургом и Ригой» [24]. Наполеоновским войскам противостоял отдельный корпус под командованием генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна. Позднее он будет усилен переброшенным из Финляндии корпусом гене-

рал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля, Петербургским и Новгородским ополчениями, а также отдельными отрядами, сформированными из населения Прибалтики. Эстонский историк Р.Э. Хелме в своих работах, вышедших на эстонском языке, называет число офицеров русской армии, выходцев из Прибалтийских губерний, – 800 человек [25]. Запасной батальон Екатеринбургского пехотного полка был определён на формирование 32-й пехотной дивизии, но поступил в гарнизон Динабургской крепости, участвовал в отражении штурма, а затем в составе 2-го сводного полка в отряде генерала А.Ю. Гамена соединился с корпусом П.Х. Витгенштейна и сражался под Полоцком [26].

Основные сражения, произошедшие на северо-западном направлении, можно охарактеризовать следующим образом: «Фланговые операции были поручены Ж.-С. Макдональду, располагавшему корпусом свыше 30 тыс. человек, и Н.-К. Удино, обладавшему таким же количеством войск. Ж.-С. Макдональд должен был захватить Ригу, обеспечить подвоз провианта и припасов морем, а затем по Двине. Но осада Риги оказалась безрезультатной». Затем и Ж.-С. Макдональд, и Н.-К. Удино бесславно застряли в Динабурге, и вскоре П.Х. Витгенштейн отбросил Н.-К. Удино к Полоцку. Таким образом, продвижение к Полоцку не удалось» [27].

Первое крупное сражение произошло при селе Клястицы 18-20 июля 1812 года, находящееся на дороге Себеж – Полоцк. По мнению историка Л.Г. Бескровного, «это кровопролитное сражение, в котором французы потеряли более 10 тысяч человек убитыми и ранеными, 3 тысячи пленными, имело огромное значение для последующего хода военных действий на всех направлениях. Ж.-С. Макдональд, который 20 июля 1812 г. вступил в Динабург, занял выжидательную позицию и отказался от дальнейших попыток наступления» [28]. После же начала контрнаступления, освободив в октябре 1812 г. Полоцк и Витебск и другие северо-западные земли, русская армия перенесла боевые действия на территорию Восточной Пруссии [29].

3 сентября 1812 года М.И. Кутузов писал генералу П.Х. Витгенштейну: «Видя недостаток у вас в казаках ... и не имея способа отделить к вам пока и действующих армий, предписал я на первый случай прибывающий к Нижнему Новгороду 29 августа башкирский полк к вам направить, равно и имеющий туда прибыть один уральский

полк из Оренбурга и два башкирских к 30 того же месяца к вам же послать» [30].

В начале октября 1812 года для усиления 25-го егерского полка графом П.Х. Витгенштейном в его состав был включён Пермский пехотный полк, а 11 октября 1812 года 2-й Тептярский полк прибыл для прохождения гарнизонной службы в Полоцк [31]. За счёт башкирских и казачьих полков был восполнен недостаток в кавалерии в отдельном корпусе П.Х. Витгенштейна. В боевых операциях корпуса принимали участие уральские казачьи полки, 3-й, 4-й, 5-й башкирские полки; 1-й тептярский полк входил в ополчение 1 округа, а 2-й тептярский полк – III округа [32]. Кроме того, три башкирских полка: 3, 4 и 5 были направлены на усиление 1-го отдельного пехотного корпуса генерала П.Х. Витгенштейна и прибыли в Витебск, где поступили под команду генерала И.И. Новака. 3-й башкирский полк был оставлен под Витебском, а затем направлен для обеспечения порядка на дороге Санкт-Петербург – Вологда, по которой следовали колонны пленных французов; 4-й и 5-й полки ушли на запад, к реке Березине [33]. Таким образом, и южноуральцы внесли свой посильный вклад в изгнание неприятеля с русской земли, в том числе и в защите его северо-западного направления.

Участие башкирских воинов в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии нашло отражение в мемуарах С. Глинки, Д. Давыдова, А. Раевского и других. Например, А. Раевский писал: «Всего страннее, как замечали жители, было видеть в числе мстителей за свободу, независимость и благосостояние Европы обитателей берегов Урала и моря Каспийского... Башкиры, калмыки, тептяряки и другие племена язычников разделяли святой подвиг брани народной; и они смиряли дерзость просвещенных французов» [34]. Также в башкирском фольклоре – песнях «Эскадрон», «Кахым-туря», «Баик», «Кутузов», «Любизар»; «Баите о русско-французской войне», «Баите о Кутузове»; легендах и преданиях «Кахым-туря», «Абдрахман Акьегет», «Вторая армия»... [35]. Например, в одной из песен есть такие слова:

Наполеона знали мы
Да и Париж видали мы,
Когда французов побеждали,
Землю потрясали мы [36].

Участие оренбургских казаков в боях также сохранилось в народных песнях, записанных уральским фольклористом В.П. Бирюковым и дошедших до нашего времени:

Что двенадцатого года
Поседелые орлы
Православному народу
Заслужили правду мы.
Взоры мужеством пылают,
Грудь отвагою полна.
Память славы созывает
На Поля Бородина...

Или в другой песне:

Эх, ты, злодей, вор – француз – грабитель!
Ты зачем пришел в Москву стоять?
Ты зачем пришел в Москву стоять?
Должен жизнь свою в Москве скончать.
Похвалялся вор – француз – грабитель,
Своим пьяным польским табуном
Сам на волю жить в Париж ушел [37].

После окончания Отечественной войны и заграничных походов русской армии часть военнопленных Великой армии оказались в Оренбурге и по распоряжению Оренбургского военного губернатора П.С. Волконского 40 из них были поселены по крепостям и станицам Верхнеуральского и Троицкого уездов (24 француз, 5 итальянцев, 4 венгра, 2 вестфальца, 2 немца, австриец, хорват и испанец). Вот такие колоритные, разноязычные соседи оказались в казачьих станицах Южного Урала. 14 декабря 1815 года последовало Высочайшее повеление о возвращении пленных на родину. Большинство поспешило домой, но некоторые – у кого никого не было из близких – не вернулись назад, а приняли подданство России и остались на прежних местах. Им предложили зачислиться в казаки, они обзавелись семьями и навсегда связали свою судьбу с Южным Уралом. Спустя 70 лет, в 1888 году, в Верхнеуральском уезде проживало 39 человек – по-

томков военнопленных, и среди имён и фамилий оренбургских казаков можно было встретить Антуана Берга, Шарля Жозефа Бушена, Жана Пьера Бинелона, Антуана Виклера, Эдуара Ланглуа, Жана Жандра, Илью Ауц и др. [38].

В середине XIX и XX вв. события Отечественной войны 1812 года снова напомнили южноуральцам, да и сегодня кто-то ежедневно «дела былых сражений» наблюдает из своего окна, а для водителей и пассажиров, проезжающих мимо машин и автобусов, вызывает удивление, желание остановиться и сфотографироваться: «до Парижа 30 км – до Магнитогорска – 120 км», «до Берлина – 15 км» – топонимические названия завораживают.

Спустя 30 лет, в начале 1840-х годов, подвиги оренбургских казаков и башкирских воинов снова напомнили жителям Южного Урала о героических делах минувшей войны. На территории современной Челябинской области присутствуют самые разнообразные топонимические названия, в т.ч. и в честь побед русской армии в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии, одержанных на полях сражений во Франции и Германии. Основаны они были как номерные укрепленные поселения Новолинейного района на границе с киргиз-кайсацкой степью, а в 1840-е годы (в основном в 1843 г.) благодаря оренбургскому губернатору В.А. Обручеву они получили свои героические названия [39]: 14 населённых казачьих поселений – от мест знаменитых сражений. Например, Арсинский (Нагайбакский район), Березинский (Чесменский район), Берлин (Нагайбакский район), Бреда (Брединский район), Бородиновка (Варненский район), Кассельский (Нагайбакский район), Кацбахский (Кизильский район), Клястицкое (Троицкий район), Краснинский (Верхнеуральский район), Лейпциг (Варненский район), Париж (Нагайбакский район), Полоцкое (Кизильский район), Тарутино (Чесменский район), Фершампенуаз (Нагайбакский район). Из перечисленных названий населённых пунктов к северо-западному театру военных действий относится Полоцкое и Клястицкое (в настоящее время Витебская область Республики Беларусь). Кроме того, в 1830-1860-е годы появилось 6 казачьих станиц, названных в честь военных укреплений и знаменитых участников: Амур (Троицкий район), Атамановский (Брединский район), Обручевка (Кизильский район), Редутово (Чесменский район), Сухтелинский (Верхнеуральский район) и Углицкий (Чесменский район)

[40]. Так на карте Оренбургской губернии появились топонимические десерты. Известный южноуральский краевед и топонимист Н.И. Шувалов [41] назвал эту территорию «От Парижа до Берлина по карте Челябинской области», а среди местного населения бытует выражение «У нас в Парижу асфальт пожиже, да дома пониже» [42].

Кроме того, на Южном Урале 20 улиц и переулков названы в честь Отечественной войны 1812 года: ул. Кутузова – 13, ул. Кутузовская – 1, ул. Багратиона – 3, ул. Бородинская – 1, переулок Кутузова – 1, пер. Бородинский – 1 [43]. Также сюжеты батальных сцен войны, Бородинского сражения и вензель Александра I мы можем встретить на златоустовском украшенном оружии: клинках, выполненных мастерами И. Бушуевым и И. Бояршиновым и представленных в экспозициях или хранящихся в фондах не только краеведческого музея Златоуста, но и Эрмитажа, Исторического и Центрального Военно-Морского музея [44]. В 2005 году в селе Париж Нагайбакского района Челябинской области была открыта вышка сотовой связи, напоминающая уменьшенную копию Эйфелевой башни, которая в шесть раз меньше настоящей [45], а в 2012 году из Челябинска открыт прямой автобусный маршрут до южноуральского Парижа [46], аналогичный рейс из Магнитогорска существовал и ранее. На полках южноуральских магазинов ежедневно покупатель может купить хлеб «Бородинский», даже не задумываясь, какому событию посвящено его название.

Не менее интересные сюжеты связывают нас с историей Великой Отечественной войны. 29 июля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был учреждён орден Кутузова 1-й и 2-й степени, а 8 февраля 1943 г. – 3-й. Орденом Кутузова награждались командиры Красной Армии за хорошо разработанный и проведённый план операции – фронтовой, армейской или отдельного соединения, в результате чего противнику было нанесено тяжелое поражение, а наши войска сохранили свою боеспособность. В зависимости от занимаемой должности и воинского звания и присваивалась степень ордена: 1-й – из золота, 2-я и 3-я – из серебра. Орден Кутузова – второй после ордена Суворова по порядку учреждения и старшинства «полководческий» орден. Одним из первых кавалеров ордена Кутузова I степени 28 января 1943 г. стал командующий Калининским фронтом генерал-полковник М.А. Пуркаев за освобождение Великих Лук. Хотя в статуте ордена это и не было пропи-

сано, однако в 1945 году Челябинский тракторный завод им. Сталина был награждён орденом Кутузова I степени за значительный вклад танкостроителей в разгром фашистской Германии [47]. Завод специализировался на выпуске тяжёлых танков «КВ», «ИС», самоходных артиллерийских установок и отчасти «Т-34-85». Награждение полководческим орденом промышленного предприятия – исключительное явление и ЧТЗ был единственным предприятием, награждённым орденом Кутузова.

Таким образом, Южный Урал внёс свой посильный вклад в разгром армии Наполеона в Отечественную войну 1812 года на северо-западном театре военных действий – как поставкой вооружения, так и участием казачьих и национальных воинских формирований. Память об этих событиях сохраняется в историко-культурных объектах современной Челябинской области.

Примечания:

1. Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988.
2. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки. Оренбург, 1962; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962; Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917-1987. М., 1990.
3. Рахимов Р.Н. Отечественная война 1812 г. в современном сознании // Ватандаш (Соотечественник). Уфа, 2000. № 3. С. 150-155; Он же. «Северные амуры»: взгляд очевидца // Там же. 2001. № 4. С. 90-95; Он же. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года [эл. ресурс, б.10.2012] // Ватандаш. 2012. № 3 / www.vatandash.ru; Подмазо А.А. Екатеринбургский пехотный полк // Отечественная война 1812 года: энциклопедия / ред. В.М. Безотосный. М., 2004. С. 268; Он же. Рьельский пехотный полк // Там же. С. 632; Шведов С.В., Турусов В.П. Башкиро-мещеряжское войско // Отечественная война 1812 года: энциклопедия / ред. В.М. Безотосный. М., 2004. С. 53-54.
4. История Урала с древнейших времен до 1861 года. М., 1989. С. 573-575.
5. Перечень заводов с указанием выпускаемых сортов железа и мест его назначения представлено во многих отчетах заводов, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области, в Объединенном госу-

- дарственном архиве Челябинской области и в Архивном отделе администрации Златоустовского городского округа.
6. Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 383.
 7. Матвиевский П.Е. Ук. соч. С. 38.
 8. Урал в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / под редакцией проф. В.В. Данилевского. Свердловск, 1945. С. 117.
 9. Матвиевский П.Е. Ук. соч. С. 38.
 10. Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 392.
 11. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 32. Д. 2082. Л. 6 об-7.
 12. Матвиевский П.Е. Ук. соч. С. 38; Урал в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / под редакцией проф. В.В. Данилевского. Свердловск, 1945. С. 78-80.
 13. Ляпин В.А. Военное производство на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в. Автореф. дис. кин. Пермь, 1982. С. 9; Он же. Военные поставки уральской промышленности в 1812-1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VI Международной научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы», посвященной 185-летию Бородинского сражения. 1997 г. Бородино, 1998. С. 102-107.
 14. Архивный отдел администрации Златоустовского городского округа (ЗГАО). Ф. И-66. Оп. 1. Д. 243. Л. 1-24 об.
 15. Матвиевский П.Е. Ук. соч. С. 39; Урал в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / под редакцией проф. В.В. Данилевского. Свердловск, 1945. С. 149-150.
 16. Урал в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / под редакцией проф. В.В. Данилевского. Свердловск, 1945. С. 129.
 17. Там же. С. 147.
 18. Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Ук. соч. С. 212.
 19. Там же. С. 221; Рахимов Р.Н. История Уфимского пехотного полка. 1796-1833. Уфа, 2004.
 20. Шакиев В.Д. Золотой век башкирских стрел // Республика Башкортостан. 2006. № 146.
 21. Рахимов Р.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года [эл. ресурс, 6.10.2012] // Ватандаш. 2012. № 3 / www.vatandash.ru.

22. Более подробно см.: Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов и материалов. Уфа, 2012; Рахимов Р.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года [эл. ресурс, 6.10.2012] // Ватандаш. 2012. № 3 / www.vatandash.ru; Хамматов Я.Х. Северные амуры. Уфа, 2012.
23. Рахимов Р. Отечественная война 1812 г. в современном сознании // Ватандаш. 2000. № 3. С. 150-155.
24. Авалихин Б.С., Дунаевский В.А. Ук. соч. С. 196.
25. Там же. С. 196; 201.
26. Подмазо А.А. Екатеринбургский пехотный полк // Отечественная война 1812 года: энциклопедия / ред. В.М. Безотосный. М., 2004. С. 268.
27. Авалихин Б.С., Дунаевский В.А. Ук. соч. С. 201.
28. Бескровный Л.Г. Ук. соч. С. 326-328.
29. Авалихин Б.С., Дунаевский В.А. Ук. соч. С. 201.
30. Рахимов Р.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года [эл. ресурс, 6.10.2012] // Ватандаш. 2012. № 3 / www.vatandash.ru.
31. Южный Урал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813-1814 гг. Библиографический указатель / сост. Л.В. Афанасьева. Челябинск, 2012. С. 96.
32. Рахимов Р.Н. Отечественная война 1812 г. в современном сознании // Ватандаш. 2000. № 3. С. 191.
33. Шведов С.В., Турусов В.П. Ук. соч. С. 53.
34. Рахимов Р.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года [эл. ресурс, 6.10.2012] // Ватандаш. 2012. № 3 / www.vatandash.ru.
35. Там же; Песнь башкирца перед сражением / пер., сост. П.М. Кудряшев // Башкирия в русской литературе: сборник. В 5 т. / сост. М.Г. Рахимкулова. Уфа, 1961. Т. 1. С. 75-77; Песнь башкирца после сражения // Там же. С. 77-78.
36. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1532. Оп. 7. Д. 183. Л. 6.
37. Там же. Ф. Р-1532. Оп. 7. Д. 183. Л. 4; Как двенадцатого года // Песни оренбургских казаков: старые и новые записи / авт.– сост. А.В. Глинкин, А.И. Лазарев. Челябинск, 1996. С. 42-43.
38. Юдин П. Из прошлого (архивные заметки). Французы – казаки // Оренбургские губернские ведомости. 1892 г. 8 августа. № 32. С. 4.
39. Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков, упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопехотных солдат и солдатских малолетков. СПб., 1843.

40. Челябинская область. Общегеографический региональный атлас. М., 2001.
41. Шувалов Н.И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области. Челябинск, 1999.
42. Рассказ жителя С. Арсинского Нагайбакского района Челябинской области // Личный архив автора (запись 24.09.2009 г.).
43. Личный подсчет автора // Карты городов и населенных пунктов Челябинской области; Справочник улиц города Челябинска / сост. Т.Ф. Окольников, В.В. Поздеев. Челябинск, 2007. С. 19; 43-44; 55; 95; 151; ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 6. Д. 101. Л. 411; Оп. 12. Д. 24. Л. 34; Оп. 14. Д. 50. Л. 57; Ф. Р-994. Оп. 1. Д. 8.; Челябинская область. Общегеографический региональный атлас: Магнитогорск. М., 2001. С. 106; 118; Город Златоуст. Карта-схема. Челябинск, 2005; Челябинская область. Общегеографический региональный атлас: Миасс. М., 2001. С. 105; 119; Нязепетровск. Верхний Уфалей. Челябинская область. Карты городов и их окрестностей. б/г, б/м; также подсчет произведен по почтовым индексам см. www.postindex.delovoigorod.ru/chelyabinsk/
44. Отечественная война 1812 года в художественных и исторических памятниках из собраний Эрмитажа: альбом / сост. В.М. Глинка и др. Л., 1963; Павловский Б.В. Творчество златоустовских мастеров // Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975. Ч. 2. С. 85–91; Суханов И.П. Коллекция златоустовского холодного оружия в фондах Центрального Военно-Морского музея // Первые Бушуевские чтения: сборник материалов, 23–25 декабря 2002 г. Челябинск, 2003. С. 26–29.
45. Париж // www.nashural.ru/Goroda_i_sela/pariz.htm (15.09.2012 г.)
46. Челябинск – Париж // www.autotickets.ru (6.10.2012 г.)
47. Орден Кутузова // www.rusorden.ru. (5.10.2012 г.); Боевые награды Великой Отечественной войны: орден Кутузова // medalww.ru (5.10.2012 г.); Ерощкин А.С., Соболев Э.А. Челябинский тракторный завод // Челябинская область. Энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарёв. В 7-ми тт. Т. 7 «Х – Я». Челябинск, 2007. С. 247.

ИСТОРИЯ И ЛИЧНОСТЬ – «ВРЕМЁН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ...»

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Иванова Е.Д.,

студентка 2 курса Великолукской

Государственной академии физической культуры и спорта

Целью исследования является выявление образа Александра Невского в сознании современных школьников и его действий по противостоянию Литве в XIII веке. Задачами исследования стали: изучение отсутствующих в учебниках для средней школы сведений о битвах Александра Невского с Литвой в XIII веке на территории современных Куньинского и Усвятского районов Псковской области; привлечение внимания к месту проведения битвы 1245 года у озера Жизца; выявление с помощью анкеты знаний современных школьников о победах Александра Невского в этих битвах и об истории края в целом.

При подготовке работы использовались: Житие святого благоверного князя Александра Невского [1]; подробное жизнеописание «Великий князь Александр Невский» [2]; путеводитель «Великие Луки» П.Е. Ивановой [3]; книга Н. Клепинина «Святой и благоверный великий князь Александр Невский» [4]; сайт «Псковский край. Прошлое и настоящее города Пскова и Псковской области» [5].

Практическая значимость исследования – повышение информированности детей о том крае, где они проживают и учатся.

Русская земля дала много выдающихся личностей. Одной из наиболее ярких фигур отечественной истории является Александр Невский, чьё имя надёжно закрепилось в памяти сынов Земли Русской. Александр Невский княжил в сложное время, которое требовало выдающихся способностей для проведения правильной политики и сил для защиты земель от западных завоевателей. Александр Невский по праву заслужил звание величайшего полководца и был причислен к лику святых.

Традиционным для учебников школ и вузов является освящение деятельности Александра Невского по противостоянию немецкому рыцарскому ордену. Но деятельность Александра Невского по защите русских земель на этом не ограничивалась, новгородские пригороды Луки, Торопец, Жизец весьма сильно страдали от нападений литовских отрядов. Отражение Александром Невским этих действий Литвы до настоящего времени не нашло своего места в школьных и вузовских учебниках. По этой причине на первую межвузовскую студенческую краеведческую конференцию «Великие Луки: проблемы региональной истории и современность», которая проводилась в Великолукской государственной академии физической культуры и спорта (ВЛГАФК) 16 февраля 2012 года, было подготовлено выступление о деятельности Александра Невского по противостоянию Литве на землях современных территорий Куньинского и Усвятского районов.

Одной из задач доклада является рассказ о победах Александра Невского, которые не описаны в современных учебниках по истории. В 6 классе дети изучают историю России по учебнику, авторами которого являются А.А. Данилов и Л.Г. Косулина. Об Александре Невском в нём упоминается на страницах 106–114, однако о битве 1245 года нет никакой информации. В 10 классе старшеклассники занимаются по учебнику Лавандовского, в котором также об этой битве нет ни слова. Конечно, можно допустить, что всё-таки есть учебники, учебные пособия, в которых упоминается о сражении на Жижецком озере, но в большинстве случаев дети занимаются по книгам, которые освещают только самые знаменательные победы Александра Ярославича.

Необходимо напомнить и о той роли, которую играл город Великие Луки в связи с описываемыми событиями. Луки (впоследствии названные Великими), начиная с XII века в составе Новгородской

феодалной республики, имея стратегическое значение как крепость, построенная в 1211 году на подступах к Новгороду и Пскову на границе с Литвой, также противостояли литовскому натиску. Крепость имела очень важное стратегическое значение, как надёжный форпост от Литвы. Ратники-великолучане весь XIII век участвовали в борьбе с Литвой, оправдывая слова летописи «от Литвы оплечье Новгороду». Оплечье – самая прочная часть кольчуги, прикрывающая плечи. Роль оплечья и играли Великие Луки, прикрывая русские земли от нападения литовцев. Новгородцы всегда содержали в Великих Луках крупные воинские силы, в том числе Большой Новгородский полк [6]. Однако основные боевые действия развивались недалеко от Великих Лук.

Летом 1242 года Александр Невский нанёс поражение семи литовским отрядам, нападавшим на северо-западные русские земли. В 1245 году литовцы опустошили окрестности Торжка и Бежецка и с захваченною добычею и пленниками собирались уже возвратиться на родину. Но под стенами Торопца были настигнуты соединёнными силами новоторжцев, тверичей и дмитровцев и, потерпев поражение в открытом поле, засели в Торопце. Тогда на защиту древнего Торопца, удела князя Мстислава Мстиславича, поспешил благоверный князь Александр со своею небольшою дружиною и новгородцами. В первый же день осады Торопец был взят войсками благоверного князя. Литовцы бросились бежать из города, но были настигнуты дружиною Александра Ярославича и дорого расплатились за свои набеги: восемь предводителей их пало в битве; оставшиеся в живых, побросав награбленную добычу, спаслись бегством.

Но благоверный князь Александр не ограничился этой победой. Чтобы проучить дерзкого врага и обезопасить русские границы от дальнейших литовских набегов и опустошений, он, несмотря на нежелание новгородцев сопровождать его в дальнейший поход, с одною своею маленькою дружиною погнался за врагом. Возле озера Жизца он настиг беглецов и истребил их всех до последнего. Затем Александр Ярославович разбил новое их ополчение близ Усвят и навёл такой страх на врагов, что они долгое время не осмеливались нападать на русские владения [7].

Доклад на Студенческой конференции послужил материалом для проведения школьного мероприятия – классного часа, посвящённого действиям, развернувшемуся в 1245 году на Жижецком озере.

Было интересно, как воспринимают современные школьники деятельность Александра Невского, что им известно об этом. С этой целью был проведён анкетированный опрос учащихся СОШ «Каськовская основная общеобразовательная школа».

Анкетированное исследование позволило понять, каковы же познания детей в области истории своего края, связанные с действиями Александра Невского. Анкета содержала восемь конкретных вопросов по данной теме:

1. В каком классе вы учитесь?
2. Что вам известно о деятельности Александра Невского?
3. Известно ли вам что-либо о деятельности Александра Невского на современной территории Куньинского района?
4. Хотели бы вы узнать больше о действиях Александра Невского на территории Куньинского района?
5. Вам известно что-либо о противостоянии Александра Невского литовским войскам?
6. Знаете ли вы что-нибудь о сражении Александра Невского на Жижецком озере в 1245 году?
7. От какого слова произошло название озера Жижецкое?
8. Считаете ли вы Александра Невского национальным героем?

Анкета содержала как варианты ответов, так и давала возможность выразить собственное мнение в свободной письменной форме. Анкетирование охватило учеников 6–9 классов (в общей сложности – 24 человека). Результаты анкетирования показали, что учащимся 6–9 классов о деятельности Александра Невского по защите земель Великого Новгорода известны только Невская битва и Ледовое побоище. Подавляющее большинство учеников считают Невского национальным героем и примером для подражания. О боевых действиях Александра Невского на территории современного Куньинского района 22 опрошенным ничего не известно, двое лишь немного слышали об этом, но ничего конкретного по этому поводу не могли сказать – тем не менее, дети изъявили желание узнать об этом больше. О противостоянии Александра Невского Литве ученикам также мало что известно. О битве на Жижицком озере учащиеся слышали первый раз. О происхождении названия озера Жижицкого 95% детей не знают, 5% предположили, что название произошло от слова «жизнь».

До настоящего времени полностью не исследован вопрос о местах битвы с литовцами русских войск под руководством Алексан-

дра Невского – это затрудняет возможность посещения этих мест школьниками. Битва под Жизцем произошла недалеко от Жижицкого озера, впоследствии на месте проведения битвы был поставлен монастырь, до настоящего времени сохранились лишь остатки фундамента и монастырское кладбище. К сожалению, туристам, посещающим окрестности современной Жижицы, показывают лишь усадьбу Мусоргского в Кареве. На месте же битвы Александра Невского нет никаких памятных знаков, поэтому необходимо сказать несколько слов об этих местах.

В северо-восточной части Жижицкого озера, на узком полуострове, неподалеку от деревни Залучье, в древности стоял город Жижец, который имел оборонительные сооружения. В XII веке он был центром Жижецкой волости. В 1245 году под Жижем Александр Невский, преследуя остатки литовских войск, полностью разбил их. Сейчас на этом месте осталось только городище.

Точное происхождение названий города Жижец (Жизец, Житец), озер Жиждо (ныне Жижицкое) и Жакто (Жекто, Жихто, в древности – Жижохто) и реки Жизца пока не установлено. По одной из версий, все эти названия произошли от слова «жизнь» (то есть «жизец» означает «дающий жизнь, еду»). Само название «Жижица» является вторичным [8]. Согласно традиционной в российской историографии точке зрения, победы князя Александра над литовцами (в 1245 году под Торопцем, у озера Жизца и близ Усвята), имела огромное значение для Пскова и Новгорода, задержав напор трёх серьёзных врагов: Литву, шведов и Ливонский орден.

Известен ещё один, более поздний, поход Александра против шведов – в 1256 году. Он был предпринят в ответ на новую попытку шведов вторгнуться в пределы Руси и основать крепость на восточном, русском, берегу реки Наровы. На этот раз Александр направил свои дружины в Северную Финляндию, недавно присоединённую к шведской короне. Несмотря на тяготы зимнего перехода по заснеженной пустынной местности, поход закончился успешно. В этом походе также участвовали жители пригородов Великого Новгорода – Великие Луки, Торопец и Жизец. Этой победой был положен конец притязаниям крестоносцев, что, однако, вовсе не означало прекращения многолетней вражды. Немцы хоть и оставили мысль вслед за Ливонией поработить северные русские земли, но не раз вступали с псковскими отряда-

ми в кровавые столкновения. Шестилетняя победоносная защита Александром северной Руси привела к тому, что немцы, по мирному договору, отказались от всех недавних завоеваний и уступили Новгороду часть Латгалии (территория современной восточной Латвии) [9].

В результате проведённого исследования удалось установить, что в школьных учебниках отсутствуют сведения по отражению войсками под руководством Александра Невского нападений Литовских отрядов на пригороды Новгорода: Торопец, Жизец, Великие Луки. Кроме того, места битв Александра Невского с литовцами до настоящего времени не обозначены на исторических картах, там нет памятных знаков, в туристический маршрут они не включены. Многие современные школьники мало знают о роли Александра Невского в истории Куньинского края. Надеемся, что проведённый классный час будет способствовать развитию интереса к истории своей малой родины и России.

Примечания

1. Житие святого благоверного князя Александра Невского // Избранные жития русских святых (X–XV вв.). М., 1992.
2. Великий князь Александр Невский. СПб, 1992.
3. Иванова П.Е. Великие Луки. Путеводитель. Л., 1978.
4. Клепинин Н. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. М., 1994.
5. Псковский край. Прошлое и настоящее города Пскова и Псковской области // <http://krai-pskovsky.ru/kuninskij-kraj/>
6. Иванова П.Е. Великие Луки. Путеводитель. Л., 1978. С. 14
7. Житие святого благоверного князя Александра Невского // Избранные жития русских святых (X–XV вв.). М., 1992. С. 194
8. Псковский край. Прошлое и настоящее города Пскова и Псковской области // <http://krai-pskovsky.ru/kuninskij-kraj/>
9. Великий князь Александр Невский. СПб., 1992. С. 169.

ПРЕДПОСЫЛКИ К «ЗАТИРАНИЮ» ИМЕНИ КНЯЗЯ ДОВМОНТА В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Рахматуллин А.М.,

главный инженер ООО «Реалстрой»

Князь Тимофей-Довмонт (Домант, Довмант, Довмон, Даумант, Даумантас), княживший во Пскове в XIII веке (1266–1299 гг.), за своё 33-летнее правление сделал для Пскова столько, сколько не сделал ни один правитель за все последующие века.

Именно при князе Довмонте Псков стал независимым княжеством, были отстроены каменные стены крепости, изменены масштабы города, в результате чего Псковская крепость стала одним из самых мощных и неприступных фортификационных сооружений Европы. Население Пскова выросло в несколько раз, а град стал одним из крупнейших и богатейших городов России.

Однако история России недооценила этого великого воина – да, именно великого! Многие известные историки единодушно это признают: И.И.Василёв (труды 1899 года), Алексеев Ю.А., Столяров Л.В., Карамзин Н.М., а историк Соловьёв С.М. в своём фундаментальном труде «История России с древнейших времён» писал: «... князь Довмонт оказал влияние на ход истории всей восточноевропейской цивилизации». Ведь после смерти великого князя Александра Невского в 1263 году именно Довмонт Псковский стал защитником Отечества. 33 года отражал он нападения Великого княжества Литовского, ливонцев, тевтонцев, датчан! 33 года Тимофей-Довмонт защищал северо-западные границы Руси!

Князь Довмонт, принявший православие во Пскове, был человеком огромной физической и духовной силы, гениальный полководец и мудрый правитель, всегда побеждавший врага малым числом и никогда не прощавший обид, нанесённых Пскову: «...Не терпя обидим быти...», – писали о нём летописцы. Ни один князь в истории

Пскова не прожил столько лет в мире и согласии с Вече, а значит – и с народом. За свою долгую и трудную жизнь он, как и А. Невский, не проиграл ни одной битвы и одержал ряд выдающихся побед. А битв у него было немало – и по значимости своей сражения эти были не менее масштабны, чем знаменитое Ледовое побоище. Жаль, что наши историки не донесли этого до нас, хотя всё это отражено в летописях, но в учебниках истории нет ни одного слова про князя Довмонта, хотя с его именем связаны судьбоносные события XIII века. Имя его настолько было забыто, затёрто, целенаправленно уничтожалась память о нём, что не только псковские школьники ничего не знают о своём великом пращуре, а даже преподаватели истории. Лишь узкий круг людей – историков, учёных, библиографов, непосредственно изучающих этот период жизни Руси, – понимают, какой вклад внёс этот князь в условия формирования великого Русского Государства.

О происхождении князя Довмонта спорят по сей день – в итоге ответа на этот вопрос нет до сих пор, потому как нет ни одного достоверного источника. Версии о том, что отцом Довмонта является литовский князь Миндовг (или Роман), откидываю сразу, потому что считаю абсолютно доказанным их «нежизнеспособность». Кроме того, эти сведения носят «легендарный» характер. Я предлагаю более правдоподобные версии.

Первая. Из летописных источников можно узнать, что тёткой Довмонта была псковская княгиня Ефросинья (святая Евпраксия), жена князя Ярослава Владимировича, дочь Полоцкого князя Рогволда (Василия). То, что она являлась тётей Довмонта, считается доказанным – и никто этого не опровергает. Отсюда следует, что либо отец Довмонта был ей братом, либо мать – сестрой. Согласно генеалогического древа Палемонов, у князя Полоцкого Рогволда, в крещении Василия, была дочь и сын Глеб (по другим источникам, четыре сына: Глеб, Борис, Всеслав, Ростислав. О них почти ничего не известно, кроме того что Глеб и Всеслав назывались князьями Друцкими). Если предположить, что князь Гурде (в Волынской летописи и Польских хрониках он называется отцом Довмонта) в крещении взял имя Борис или Ростислав (Глеб и Всеслав умерли до 1200 года), то всё становится похожим на правду.

Вторая. У Новгородского князя Рынгольда были сыновья Довпруг, Миндовг и Эрдзевил, дочь (имя неизвестно, но муж Линге-

вин). Имена ещё одного сына и дочери неизвестны. Так вот, если предположить что, Гурде-Борис был женат на неизвестной дочери Рынгольда, тогда сходится абсолютно всё: Ефросинья, дочь полоцкого князя – тётка Довмонта, через отца -князя Гурде-Бориса, а Миндовг, как упоминается в других летописях, будет приходиться Довмонту дядей по материнской линии, и Довмонт тогда будет иметь полное право и на полоцкий, и на новгородский престол. Это и даёт нам возможность понять и объяснить многие поступки, совершённые князем Довмонтом в дальнейшей жизни. Вопрос: как же Довмонт стал князем Нальшанской земли или Утян? Ответ прост: князь Новгородский или Полоцкий мог подарить своим детям любой удел.

Версия третья. Могло быть и так, что у князя Рогволда-Василия были ещё дочери, о которых история нам ничего не сказала, – такое встречается сплошь и рядом, особенно за период XIII века. Если отцом Довмонта являлся неизвестный сын Рынгольда Новгородского (которого вполне могли звать Гурде), а матерью Довмонта – дочь князя Полоцкого (имени её до нас не дошло), тогда мы снова абсолютно **подтверждаем версию вторую** насчёт родства с Ефросиньей Псковской и Миндовгом и **объединяем все существующие летописные версии**. Но для особо сомневающихся: как же тогда с утверждением, что Довмонт при первом захвате Полоцка «взял в плен тётку свою, жену Герденеву вместе с детьми...»? – Просто: так как Гердень приходился Миндовгу двоюродным братом, то, значит, Довмонту приходился двоюродным или троюродным дядей, а жена его, соответственно, – тёткой.

Кроме того, к вопросу о том, почему Довмонт пришёл именно во Псков: летописи рассказывают, что после смерти Миндовга в Литве начался раздор и новгородцы приняли 300 семей литовцев, бежавших от «распрей». Это были сыновья убитого Тройнатом полоцкого князя Товтивила, Константин и Айгуст. Бежали они вместе с семьями и родом от Войшелга, сына Миндовга, боясь мести. Товтивил когда-то был союзником новгородцев. Почему же новгородцы, приняв к себе одних «бежей» из Литвы, так взбунтовались и хотели «изсещи мечами» литовцев, пришедших с миром во Псков?!

Думаю, уже давно пора поставить точку в вопросе, почему Довмонт пришёл во Псков. Во-первых, где-то в глубине души псковичи, видимо, надеялись на то, что, коли князем будет литвин, то и войн с опасным врагом – Литвой – станет меньше.

Во-вторых, Довмонт был воюющим князем, имел хорошую дружину (воевал же он почти три года против «Войшелга и Литвин», что хотели «отмстить» за смерть Миндовга!), а Псков нуждался в то время в защитнике и умелом воеводе (Святослав, сын Ярослава Ярославича, был ещё малолетним).

В-третьих. Появляется большое «но»: наверняка, псковские бояре знали о конфликтах Довмонта и Полоцкого князя Герденя. О конфликтах Довмонта и Великого князя Литовского Войшелга. Значит, приняв их врага, псковичи автоматически становятся врагами Полоцка и Литвы. Почему же они приняли его в городе? Да потому, что давно хотели получить независимость от Новгорода. Им нужен был князь «со стороны», на которого Новгород не мог влиять.

В-четвёртых, Довмонт был племянником святой благоверной Евпраксии Псковской, любимой и очень почитаемой псковичами. Хороший повод и оправдание пред новгородцами и Ярославом Ярославичем: «приютить», «пожалеть» беглого князя, родственника святой великомученицы Псковской.

Всё вышесказанное было лишь поводом, а основанием всего была пятая и самая веская причина того, почему Довмонт пришёл во Псков: псковичи сами позвали Довмонта на княжение. Без ведома на то и великого князя Ярослава Ярославича, и Господина Великого Новгорода. Заведомо идя на конфликт с обоими, пытаясь показать очередной раз свою независимость. А новгородцы потому и хотели «изсеци мечами» пришлых в Псков литвин. Но, волею случая, князь Ярослав спас их – наперекор новгородцам (В то время Ярослав Ярославич постоянно конфликтовал с новгородцами и они повсеместно поступали наперекор друг другу). Были, видимо, и другие причины этого поступка, но то уже другая история... Во всяком случае, от этого, как показало время, выиграли и псковичи, и новгородцы, а в итоге – Русь! Русь, судьба которой в тот период висела на волоске: с одной стороны, разорённая монголами; с другой – теснимая крестоносцами. И именно князь Довмонт продолжил дело великого Александра Невского, отстояв северо-западные границы Руси, границы двух самых сильных, независимых, не разорённых княжеств, – двух княжеств, благодаря которым славянская Русь ещё имела силу и могущество.

1266 год. Придя во Псков, Довмонт с дружиной и всем родом принимает православие. Почему? Первое, что приходит в голову, –

чтобы завоевать доверие псковичей и получить княжеский трон. Но, судя по дальнейшей жизни князя, видно, что у него не было таких амбиций. Довмонт был Воином. И по всему видно, православие было ему не чуждо ещё до появления во Пскове, – уж слишком скоро и мягко принял он веру! Видимо, то, что мать его и многое его окружение были православными, сыграло определённую роль. А если нам придерживаться версий второй и третьей, то и отец Довмонта на определённом этапе жизни мог принять православие – не все литвины тогда были язычниками.

В первые же дни пребывания во Пскове Довмонт – с дружиной всего в 290 воинов – идёт на Полоцк и захватывает его. Тогда же ратью в 90 воинов, устроив засаду, разбивает литовское войско князя Герденя числом 700 (по тем временам, это армия) – эти события подробно описаны в Псковских, Новгородских, Воскресенской и других летописях (сколько воинов, откуда пришли, как происходила битва). Стоило ли это событие такого подробного описания, если б не имело весомого значения? Причин было несколько: во-первых, это повод для псковичей избрать его своим князем – наперекор новгородцам и Ярославу Ярославичу! Во-вторых, это была победа над литовцами, опасным врагом! В-третьих, победа малым числом над большим войском тогда воспринималась как чудо, как «промысел Божий!» Значит, не зря Довмонт пришёл во Псков! Значит, не зря псковичи позвали его! Новгородцы успокоились, поняв, что появился достойный князь, который сумеет оградить их земли от нападений со стороны Литвы. А знаменитый призыв князя перед битвой повторялся русичами вплоть до XVIII века: «Слышал я есмь ваше мужество во всех странахъ; се же предлежит нам живот и смерть; потягнемъ, братье, за святую Троицу и за святые церкви и за свое отечество!»

В Воскресенской, Новгородской и Псковских летописях по-разному выглядит описание переправы и организации засады. В Воскресенской, Псковской и некоторых других летописях, а также «трудах исторических» пишется: «И перебродися (Довмонт) Двину и отъеха от нея пять верст, ста шатры на бору чистоу». То есть Довмонт перебрался за Двину и далее устроил засаду. «А Гердень в то время ходил войной на Поруссию».

В Новгородской же читаем: «... а сами стаща крепко о сю сторону Двины. Литва же стаща бродитися сю сторону Двины».

При сравнении написанного и посмотрев на карту, мы понимаем сразу, что Довмонту незачем было «бродиться» через Двину. Полоцкая крепость находилась по ту же сторону Двины, что и Псков, откуда пришёл Довмонт и куда отправил часть своей дружины с полоном, а коли Гердень ходил на Порусию, то она как раз-таки и находилась западнее Полоцка, «за» Двиной. Так как псковское летописание началось чуть позднее – значит, первоисточником этого события для летописца была не Новгородская летопись, а какая-то другая. А летописцы того времени, видимо, не особо хорошо вникали в географию, растолковав по-своему, зная лишь то, что битва произошла у брода. Вывод прост: Довмонт с дружиной не «бродились» через Двину.

1266–1267. Дважды разбивает литовцев. Чувствуя силу Псковского князя, на Полоцк с ним ходят и новгородцы, и вновь победа с богатой добычей и без потерь! Убит Полоцкий князь Гердень! После этих битв Довмонт становится уже легендарной личностью и закрепляется на псковском троне. Мало того, получает заслуженное уважение новгородцев – с ним «начинают считаться всерьёз», понимая, что при таком князе Новгороду можно не опасаться нападений с запада и юга. Даже когда великий князь Ярослав Ярославич, пытаясь сместить Довмонта, зовёт за собой новгородцев (один уже боится идти на Псков!), новгородцы отказывают ему, приняв сторону Довмонта!

Возникает вполне логичный вопрос: почему Довмонт не стал сразу князем Полоцким? Скорее всего, он был им! Он мог посадить «своего» человека! Он мог руководить Полоцком сам, сидя на крепком псковском престоле! Он мог просто сделать полочан своими «данниками». А ведь человек, сидевший на полоцком престоле, мог быть и Великим князем Литовским! Есть множество предположений и не обоснованных версий, но это совершенно другая тема. Во всяком случае, после этих походов Довмонта «Великая Литва», вечно враждовавшая с Русью, тридцать с лишним лет не смеет нападать. Почему? Да потому, что имя Довмонта на политической сцене приобретает определённый «вес».

1268. Довмонт – участник Раковорской битвы. Причём, не просто участник, а князь, руководивший русскими войсками. Почему? Давайте рассмотрим участников битвы, князей.

Дмитрий Александрович (сын А.Я.Невского): 17 лет; князь, имевший в дальнейшем титул «Великий», потому и пишут летописи «хо-

дил Дмитрий» (Пишут ведь в летописях, что князь Дмитрий ходил на Раковор с зятем своим Довмонтом. Хотя зятем он стал через целых 14 лет. А когда Дмитрию было 12 лет, летописи пишут, что он ходил на Дерпт во главе войска, а под его началом, кроме других князей, был и Ярослав Ярославич, брат А.Невского. Возможно ли такое? Да. Но только «для проформы» в летописи). Кроме того, полки Дмитрия и Святослава в Раковорской битве становятся в засаде. Может ли это позволить себе командующий армией (сидеть в засаде), не видя, что творится на бранном поле? Или же его поставили туда? Кто из двух князей имеет к тому времени больший ратный опыт и доверие псковичей и новгородцев? Ответ очевиден: Довмонт.

Святослав Ярославич: точная дата рождения неизвестна, но летописи пишут о том, что он был изгнан псковичами за малолетство своё тогда же, когда и Дмитрий был изгнан новгородцами за малолетство. А Святослав был на несколько лет младше Дмитрия.

Юрий Андреевич, князь-посадник, временщик. Дата рождения неизвестна, но, судя по всему, его не очень жаловали другие князья, что и показал исход битвы.

Ярополк – низовской князь, либо, по некоторым версиям, псковский – видимо, имел какой-то удел и носил княжеский титул, не более: больше о нём нет никаких упоминаний. И в том и в другом случаях, он не мог стоять «выше» Довмонта.

Константин Смоленский: не имел громких побед, но ещё в 1262 году ходил на Дерпт под началом Дмитрия. Хотя тут ещё стоит вопрос, какой Константин участвовал в битве: Константин Ростиславович, зять А.Невского, или же Константин Полоцкий, сын Товтивила? Возможно, оба князя участвовали в битве, ведь в летописи названы поимённо не все: «И инѣхъ князи нѣколико, поидоша к Раковору».

Михаил Тверской вообще родился в 1271 году, через три года после битвы! Ошибка в летописях? Возможно, Михаилом мог быть сын Ярослава от первого брака, ведь, насколько известно, первая жена Ярослава была захвачена монголами и убита, а дети взяты в плен. Ярослав к тому времени уже бывал в Орде и, получив ярлык на «великое княжение», возможно, выпросил или выкупил кого-то из своих старших детей от первого брака, – ведь в летописях чётко сказано о князьях, участниках битвы: «бѣ князей много ... Святославъ Ярославичъ и братъ его Михайль» (Воскресенская и Новгородская летописи).

«...поход псковичей и новгородцев под предводительством князей Довмонта и Дмитрия Александровича и других за реку Нарову на Лифляндских рыцарей и Датчан к городу Раковору» (Сокращённые Псковские летописи Е. Болховитинова) – первым упоминается Довмонт. В Воскресенской летописи: «...а князи начаша совокуплятися со мноюю силою; бѣ же князей много: князь Доманть со Псковичи, великий князь Дмитрий». Даже в известных ливонских хрониках героем битвы назван Довмонт (Dunctve)! Новгородская же летопись ставит первым имя Дмитрия – причины понятны. Но, как бы то ни было, возникает большой вопрос: почему история Российская уделила столь мало внимания этой величайшей битве? Ведь она по значимости своей и масштабам превосходила знаменитое Ледовое побоище? Погибли тысячи и тысячи воинов с обеих сторон (По приблизительным данным, участвовало около 60 000 воинов! «Страшное бысть побоище, – пишут летописи, – кои не видали ни отцы ни деды наши...»), одержана тяжелейшая победа объединённых русских войск в самом крупном сражении XIII века; крестоносцы несколько десятилетий после этого поражения не предпринимали «масштабных» боевых действий против Руси, периодически пытаясь отомстить лишь Довмонту.

Не имя ли Довмонта, простого псковского князя-«литвина» (каковым считали его все последующие «самодержцы»), виной тому, что такая великая победа и битва словно скрывалась в истории от народа, а слава Довмонта незапланированно «вклинивалась» в «величие» последующих правителей Руси – Рюриков и Мономахов?!

1268. Довмонт, после Раковорской битвы, с псковской дружиной разоряет всё Поморье «до самага моря», разбивая гарнизоны крестоносцев, взяв несколько десятков крепостей: «... а князь Доманть проиде землю непроходимую, иде на Вируяны и плѣни землю их до моря, и Поморие повоева, и паки возвратися съ множества полона въ землю свою» (Воскресенская, Псковская летописи). Из всех князей один лишь Довмонт после Раковорской битвы понимает, что победу нужно закрепить и, несмотря на колоссальные потери, нужно идти и добить врага. Не уговорив никого из князей, он идёт один. Но летописи вновь делят славу Довмонта (причины те же: Дмитрий имел ранг великого князя, а летопись писалась гораздо позже: «И славна бысть вся земля его во всѣх странахъ страхомъ грозы

храброства князя Дмитрея и зятя его князя Довмонта» (Хотя зятем Дмитрия Довмонт станет только через 14 лет, в 1282 году).

1269 год. Довмонт десять дней обороняет Псков от нападения немцев, пришедших в числе 18 тысяч! И, как пишет Новгородская летопись, «Придоша немци в силе велиць подъ Пльсковъ в неделю всѣхъ святыхъ, и приступиша к городу, и не успеха ни ничтоже, но большую рану восприяша». Почему магистр Отто фон Роденштейн идёт мстить не новгородцам, не тверичам или владимирцам, ни ещё кому-то, а именно псковичам?

Просто потому, что Довмонт считается главным виновником поражения при Раковоре, – человеком, который нанёс самый большой урон «Святому кресту»! Потому, что слава его к тому моменту была велика и победить такого князя – большая честь для любого рыцаря. Ничего у немцев не вышло и на этот раз: узнав о приближении новгородского войска к Пскову, они бежали и вскоре подписали мир «по всей воле Новгородской и Псковской».

1270. С 60-ю дружинниками догоняет и, устроив засаду, с помощью огня, военной хитрости и личной отваги разбивает армию в 800 ливонцев, пограбивших окраины псковских земель, – новая обида, нанесённая ордену! Небольшие набегии со стороны ордена на окраины продолжаютя, но каждый раз Довмонт жестоко мстит немцам. В момент подобного отсутствия в городе Довмонта Ярослав Ярославич, придя с дружиной во Псков, сажает на престол своего приближённого – князя Айгуста (сына Полоцкого князя Товтивила), но псковичи, уже полюбившие Довмонта за его ратные подвиги, доброту и многие другие добродетели, снимают сами с престола Айгуста и вновь сажают Довмонта.

1272 год. Немцы вновь осаждают Псков, пытаясь отомстить за все обиды, нанесённые рыцарству, и в числе 180 рыцарей (здесь надо учесть, что каждый рыцарь имеет от 5 – 15 до нескольких сотен воинов-профессионалов), 18 тысяч пеших и 9 тысяч пришедших в ладьях и насадах морем – приблизительно 28 тысяч воинов! После тяжёлой, многодневной осады Пскова, проявив чудеса личного мужества, Довмонт разбивает рыцарскую армию. Ворвавшись с малым числом воинов в стан рыцарей, лично ранит магистра в голову и обращает врага в бегство. Изгоняя врага из своих земель, Довмонт преследует их по всей Ливонии, надолго отбивая охоту «рыцарям креста» ходить на Русь. Некоторые источники объеди-

няют нападения 1269 и 1272 годов, но всё же осады было две. Это подтверждает не только Воскресенская летопись, труды Митрополита Евгения (Болховитинов, 1767–1837 гг.) и другие источники, но совершенно разное описание событий: в Новгородской летописи не упоминается 1272 год, так как отношения с Псковом испорчены и находятся на пике «неприязни» друг к другу; Псков в своих действиях против врага стал независим от Новгорода, тем паче что в 1272 году новгородцы не пришли на помощь. Потому и не упоминают о том – то ли из чувства вражды, то ли из чувства стыда. А 1269 год упоминается в связи с тем, что новгородцы пришли на помощь, хоть и поздно, и связывают бегство ворога и победу с приходом своего войска. В итоге, после того как немцы потерпели очередное поражение под Псковом от Довмонта, они целых 27 лет не совались на северо-запад Руси, боясь одного имени князя, как в своё время боялись имени Александра Невского. Именно этот период без войны дал Псковскому княжеству мощнейший толчок в развитии и превратил Псков в один из самых процветающих городов Руси и Европы: в несколько раз увеличивается население, площадь города, отстраиваются крепостные каменные стены, – Псков становится неприступным. «О боже! Какой большой и красивый город! В Германии таких городов нет...», – писали о нём немецкие хроники.

1282 год. Походы Довмонта на Копорье и Ладогу. Поневоле помогая своему тестю Дмитрию, во время его распрей с братом Андреем и Новгородом, Довмонт идёт с псковичами на крепость Копорье и берёт её с ходу. Затем на Ладогу – захватывает её, забирает казну Дмитрия, отобранную там новгородцами, освобождает заложников (семью и окружение Дмитрия) и уходит с ними, укрывшись в крепости Копорье. Неужто горделивые новгородцы просто так стерпели нанесённые им обиды?! Неужто не стали штурмовать Копорье из страха?! Нет, нет и нет! Слишком весомо и уважаемо было имя Довмонта, почитаемого людьми уже при жизни, – легендарного князя, мудрого и справедливого правителя. Потому и разошлись они миром, без сечи. А крепость Копорье после ухода из него Довмонта с дружиной, казной и родственниками Дмитрия была скрыта новгородцами до основания.

Почти до самой смерти Довмонта рыцари не смеют более ходить на Псков и Новгород, нарушать границы, ведь он никогда не прощал

врагам нанесённых обид.

Лишь в 1299 году, посчитав Довмонта глубоким, немощным старцем, рыцари делают ещё одну попытку захватить Псков, но князь Довмонт, вновь проявив чудеса личного мужества, не дождавшись прихода основных сил, выйдя на врага «с мужи псковичи и со Ивановом Дорогомилевичем и съ его дружиною противу ихъ», наголову разбивает многотысячную рыцарскую армию у церкви Петра и Павла. И всего через два месяца, 20 мая 1299 года, во время мора умирает. Но, скорее всего, Довмонт получил какие-то раны в последней битве, ослабившие его здоровье: «... и проводиша его всём соборомъ, игумень и черныцы, и все множество люди плакахуся его, и тако положиша и во святой Троицы, с похвалами и пѣсньми духовными. Бысть же тогда жалость велика во граде Псковѣ, мужем же и женамъ и малым дѣтемъ, по благовѣрному князи Тимофеи».

Во всяком случае, именно после этой крупной и, к сожалению, последней победы Довмонта под стенами Пскова «лифляндский магистр с рыцарями на сейме в Дерпте положили не начинать уже войны ни с новгородцами, ни со псковичами, а кто начнёт, за того не вступаться» (Болховитинов).

Проявив себя при жизни не только как воин, но и как православный, Довмонт-Тимофей после смерти был причислен Русской Православной Церковью к лику святых. И в XIV веке, когда были ещё живы многие современники князя, была написана «Повесть о Довмонте», что уже является большой редкостью и говорит о его популярности и величии, – повесть, один из немногих литературно-художественных произведений того времени, доносящая до нас истинное восприятие людьми имени князя. Его почитают в Белоруссии, его именем гордятся многие княжеские фамилии Польши, относящие себя к Домонтовичам. А мы, к своему стыду, упоминаем его имя лишь туристам – мимоходом, в нескольких фразах рассказывая о Довмонтовой стене и Довмонтовом граде. Если так мало о Довмонте знаем мы, псковичи, что же тогда говорить о жителях всей России?

Примечание:

Источники и литература, которыми пользовался автор, указаны в тексте.

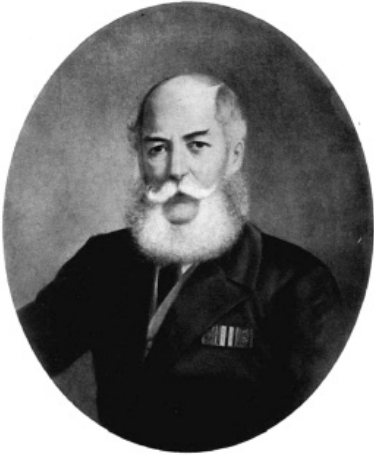
ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ МОДЗАЛЕВСКИЙ

Фёдоров А.И.,
краевед
(Санкт-Петербург)

Видимо, современные школьники уже не знают этого стихотворения, да и поколения советских школьников его не изучали, но всё же даже я слышал его в школьные годы от своего отца. Многие, наверняка, слышали и помнят, по крайней мере, первые две строчки известного стихотворения «Приглашение в школу»:

Дети! В школу собирайтесь, -
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь, -
Смотрит солнышко в окно!
Человек, и зверь, и пташка, -
Все берутся за дела;
С ношей тащится букашка,
За медком летит пчела.
Ясно поле, весел луг,
Лес проснулся и шумит,
Дятел носом тук да тук!
Звонко иволга кричит.
Рыбаки уж тянут сети,
На лугу коса звенит..
Помолясь, – за книгу, дети!
Бог лениться не велит!

Но, видимо, никто не связывал до сих пор данное стихотворение со Стругокрасненским районом Псковской области, а связь эта прямая.

Николай Львович и Ольга Кузьминична Модзалевские

14 февраля 1837 года в семье потомственных дворян Николая Львовича и Ольги Кузьминичны Модзалевских в родовом имении Ивановском, в сельце Гари Быстреевского погоста, родился сын Лев (Деревня Гари, к сожалению, уже не существует, но располагалась она на дороге между деревнями Зовка и Узьмино). Ныне территория древнего Быстреевского погоста входит в состав Стругокрасненского района, а место, где располагалось сельцо Гари, находится в Сиковицкой волости.

С 10 лет Лев учился в частном пансионе в Петербурге, с 1848 года – в гимназии, с 1855 года он – студент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, который окончил со степенью кандидата филологии. С 1860 года Лев Николаевич преподаёт русский язык и педагогику в различных учебных заведениях, в том числе в Смольном институте благородных девиц, Мариинском институте и Александровском училище. Дважды командировался за границу. В 1865 году назначен учителем и инспектором Педагогических курсов для приготовления начальных народных учителей. «...Служба в Смольном, под непосредственным руководством отца русской педагогики – Ушинского, – писал Л.Н. Модзалевский, – была для меня в педагогическом отношении едва ли не полезнее самих [Педагогических] курсов». Основателем науч-

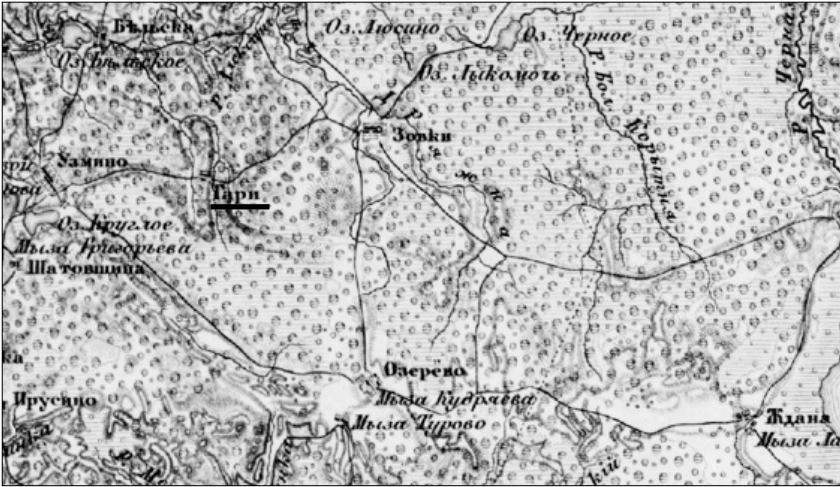
Лев Николаевич Модзалевский

ной педагогики в России называет Модзалевский К.Д. Ушинского.

17 августа 1866 Лев Николаевич венчался с Александрой Ивановной Константинович. В 1867 году отправился в Закавказье, служил в управлении Кавказского учебного округа, в это же время являлся наставником детей великого князя Михаила Николаевича, с 1877 года – окружным инспектором Кавказского учебного округа, с 1880 – председателем Кавказского цензурного комитета. За время работы в Закавказье многое сделал для развития женского образования в крае.

К 1882 году Лев Николаевич дослужился до чина действительного статского советника. К 1889 году он возвратился в Петербург, в период с 1893 по 1896 год состоял депутатом дворянства Гдовского уезда как землевладелец села Ивановского (Гари) и пустоши Конечек, – в этот период он практически постоянно проживал в своём имении. С 1895 года Лев Николаевич был директором Санкт-Петербургского училища глухонемых.

Лев Николаевич сделал блестящую карьеру на административном поприще, но истинным его призванием, несомненно, была педагогика: он с огромным удовольствием вёл занятия, общался с учениками; он – автор многих педагогических сочинений, в том

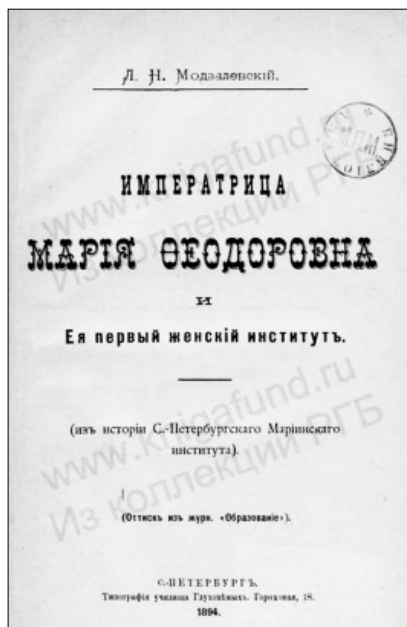
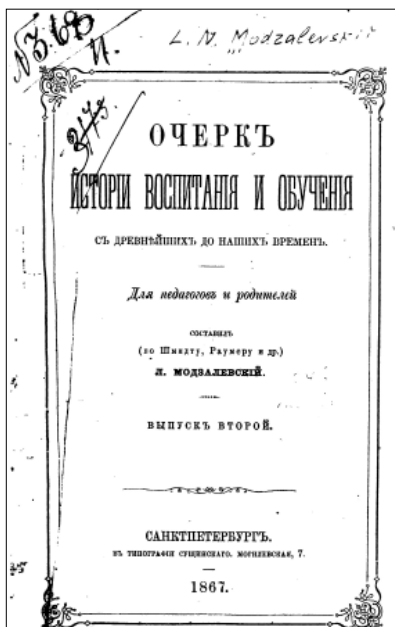

Пари на карте XIX века

числе книг «Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времён» (в XIX веке она трижды переиздавалась), «Значение христианства для воспитания»; редактировал труды К.Д. Ушинского, сотрудничал с журналами «Народная школа», «Педагогический сборник», «Образование»...

В 1891–92 годах, когда праздновалось 300-летие со дня рождения выдающегося чешского педагога Яна Амоса Коменского, Модзалевский возглавил «отдел Коменского» в Педагогическом музее военно-учебных заведений. Принял деятельное участие в организации юбилея и в популяризации трудов великого славянского педагога, также он организовал коллектив педагогов для перевода и подготовки к печати его произведений. Работа, проделанная Модзалевским по переводу и популяризации сочинений Коменского, во многом помогла научной разработке его педагогического наследия и способствовала ознакомлению широких масс учителей с его прогрессивными идеями.

Модзалевский резко выступал против принципа сословности в образовании и требовал его отмены. Приветствовал в этой связи реформы 1860-х годов. Он упрекал общеобразовательную школу за то, что она заставляла учащихся запоминать много устаревшего и

ненужного учебного материала. Он защищал необходимость вооружения молодёжи реальными знаниями, необходимость изучения основных европейских языков, хотя считал возможным сохранить в учебном курсе гимназий и латинский язык.

В то же время признание важности изучения естественнонаучных дисциплин не мешало Модзалевскому считать религию важнейшей основой школьного восприятия, что и на сегодняшний момент крайне современно, и введение в школьном обучении основ религии – положительная тенденция в реформе образования.

Модзалевский писал: «... только подготовлением хороших учителей можно поднять нашу народную школу... только специально подготовленные учителя, зная хорошие методы и нравственные цели воспитания, могут сделать обучение образовательным, не вредящим нашей народной нравственности!»

Но Л.Н. Модзалевский естественно был не только теоретиком педагогической мысли, но и практиком: он преподавал до последних дней своих. Тяжело проследить заслуги его многочисленных

Семья Модзалевских. Фото из семейного альбома Т.Л. Модзалевской

учеников, но необходимо привести несколько фактов, лежащих на поверхности. Лев Николаевич долгое время прожил на Кавказе, где состоял учителем детей великого князя Михаила Николаевича – сына императора Николая I. Воспитанники Льва Николаевича Модзалевского сделали не только успешную военную карьеру, как было принято в семье Романовых, но и занимались наукой, в чём достаточно преуспели. Великий Князь Николай Михайлович долгое время занимал пост председателя Императорского Русского Исторического общества, Императорского Русского Географического общества; под его редакцией выходили многие исторические труды. Великий князь Георгий Михайлович состоял председателем Русского Генеалогического общества, а также управляющим Русским музеем императора Александра III, был выдающимся нумизматом и почётным членом Российской Академии наук.

*Борис Львович
Модзалевский
(1874–1928)*

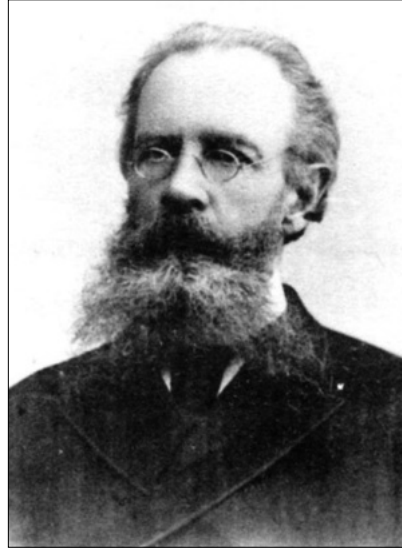
*Всеволод Львович
Модзалевский
(1879–1936)*

Также велики заслуги и сыновей Льва Николаевича, которые, естественно, были и его воспитанниками. У Модзалевских было восемь детей – судьба каждого из них во многом примечательна. Но упомяну лишь о троих: Борис Львович Модзалевский (1874–1928) – литературовед, пушкинист, член-корреспондент АН СССР (1925; член-корреспондент РАН с 1918). Собрал основные рукописные, книжные и изобразительные фонды Пушкинского Дома. Один из основателей Института Русской Литературы (Пушкинского Дома). Всеволод Львович Модзалевский (1879–1936) – военный моряк, капитан 2-го ранга, участник Цусимского сражения, начальник службы связи Штаба Балтийского флота, участник Карских и Ленских экспедиций. Вадим Львович Модзалевский (1882–1920) – малороссийский историк и генеалог, автор Малороссийского гербовника, составитель Малороссийского родословника.

Лев Николаевич Модзалевский – не только выдающийся педагог, но и удивительной скромности человек: стихотворение «Приглашение в школу», приведённое в начале статьи, впервые опублико-

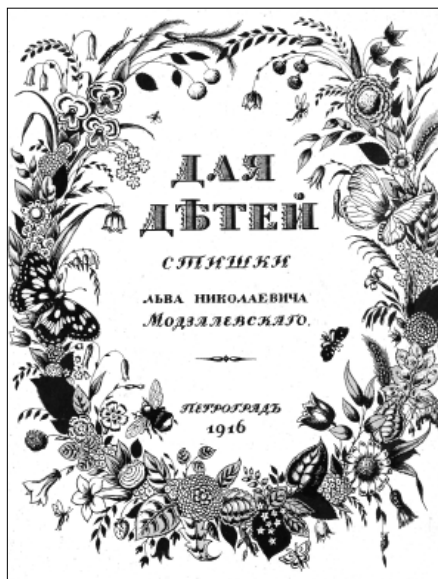

*Вадим Львович
Модзалевский
(1882–1920)*

*Лев Николаевич
Модзалевский
(1837–1896)*

ванное во втором издании «Родного слова» К.Д. Ушинского, не было подписано. Лишь спустя 15 лет в собрании песенок композитора В.В. Кюнера «Свирель», автором текстов песен, в том числе и «Приглашения в школу», назван Лев Николаевич Модзалевский. У Льва Николаевича, как автора педагогических и иных статей, насчитывалось 14 псевдонимов (один из них – Гарский – особенно интересен, ибо взят Львом Николаевичем как производный от названия родового имени Гари); собственной фамилией он подписывался неохотно. Он был энтузиастом воспитательной и общественной деятельности в самом широком смысле. С равной страстностью он писал об истории педагогики, музыкальной культуре, о чистоте русского языка. Модзалевский – поэт, автор текста песни «Слети к нам, тихий вечер», которая до сих пор входит в программу школьного музыкального образования; его перу принадлежит множество детских стихотворений и песенок, стихотворных переводов... Он был большим любителем музыки – не случайно многие его стихи носят

явно песенный характер. Модзалевским также было написано либретто к опере В.В. Кюнера «Тарас Бульба».

Для Стругокрасненского района особую ценность представляет, конечно, стихотворение «Моя родина», в котором Модзалевский, уже в почтенном возрасте отдыхая в Гарях, вспоминает свои детские годы.

Моя родина

Родные нам Гари не пышны, малы,
Но нашему сердцу так близки, милы!
Тенистые рощи, журчанье ручьёв,
И нив переливы, и трель соловьёв –
Всё с детства знакомо, всё дорого нам.
Бежим через сад мы к широким полям;
Вот лодка в запруде нас к вёслам манит,
На горке лесок наш любимый стоит, -
Гурьбою мы ищем в нём ранних грибов...
А вот уж и завтрак у мамы готов!

Звонят!.. Ну, давайте купаться скорей,
Тогда и домой побежим веселей...
А зной подойдёт – мы под дуб вековой
И будем валяться под тенью густой.
Читать иль работать теперь нам велят,
Покуда к обеду опять позвонят.
А после – прогулка в соседний лесок,
Оттуда в знакомый зайдём хуторок
И рыбы наловим, и ягод сберём,
И с разной добычей домой побредём...
Устали! Пораньше заляжем-ка спать,
С утра ж побежим за грибами опять!

Гафи, 1894.

Скончался Лев Николаевич Модзалевский 12 мая 1896 года в Петербурге. О личности Льва Николаевича, глубококом потрясении родных, друзей и учеников в связи с его смертью пишет Д.Д.Семёнов: «Лев Николаевич Модзалевский скончался в ночь на 12-е мая от паралича мозга. Никто не мог ожидать такой неожиданной кончины одного из известных русских педагогов. Ещё накануне своей смерти Лев Николаевич казался совершенно здоровым. В этот день (11-го мая) был акт в училище глухонемых и первый выпуск учеников покойного. Льву Николаевичу был поднесён адрес, в котором ученики сердечно благодарили своего доброго начальника. Ночью Модзалевского не стало. В лице его педагогический мир понёс большую утрату. Покойный был организатором нескольких учреждений, имевших целью распространение идеи правильного воспитания. Его «Очерки истории воспитания и обучения», выдержавшие с 1866 г. три издания, послужили для многих учителей и учительниц существенным подспорьем для выработки правильных приёмов преподавания. Его умелому руководству, когда он был инспектором педагогических курсов при второй военной гимназии обязаны многие своим педагогическим образованием. В последнее время Лев Николаевич вооружился против переполнения русской речи излишними иностранными словами. Он с целью исправления русской речи прочёл доклад в Педагогическом обществе... Недавно образовался «Союз ревнителей русского слова», душой которого был Лев Николаевич. Особенно внимания заслуживает также любовь покойно-

го к молодёжи. Он умел понимать молодых людей и привлекать их к труду, направленному к общественной пользе. Состоя преподавателем многих учебных заведений, Лев Николаевич пользовался общим уважением и симпатиями своих многочисленных учениц и учеников. Всегда общительный, доброжелательный, внимательный и снисходительный, покойный не имел врагов».

Погребён Лев Николаевич Модзалевский вместе со своими родителями, братьями и сёстрами на погосте Быстреево (ныне – деревня Гаврилова Гора Марьинской волости Стругокрасненского района) у северной стены Никольской церкви.

Я считаю, что идеи совершенствования педагогического образования, преподавания религии как основы мировоззрения, а также проблема переполнения русского языка иностранными словами до сих пор актуальны в России, поэтому о семье Модзалевских ещё многое предстоит изучить не только в плане краеведения.

Деятельность Л.Н. Модзалевского в области истории, теории педагогики и педагогического образования оставила заметный след в

русской педагогической литературе второй половины XIX века. Изучать поэтическое и научное наследие, сохранять память о выдающемся педагоге необходимо и на его родине.

Источники

1. Модзалевская Л.А., Модзалевская Т.Л. Всеволод Львович Модзалевский. Страницы жизни. – СПб: РИО «СПб ГИПТ», 2008.
2. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Том III. – Киев, 1912.
3. Модзалевский Л. Очерк воспитания и обучения с древнейших до наших времён. Выпуск 2. – СПб, 1867.
4. Модзалевский Л.Н. Для детей: стихи. – Петроград, 1916.
5. Видные русские педагоги – последователи К.Д. Ушинского: Л.Н. Модзалевский // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: вторая половина XIX в. Отв. ред. А.И. Пискунов. – М.: Педагогика, 1976.
6. Томозов В.В. К юбилею В.Л. Модзалевского // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 4. – СПб, 1995.

ВОЗРОЖДАЯ – СОХРАНЯЕМ

Без прошлого нет будущего.

А.С. Пушкин

Лединина Т.Г.,

главный библиограф

Областной универсальной научной библиотеки.

Яшин Ю.Я.,

сотрудник Музея этнографии и родоноведения

«Чирская Крыница»

Удивительно свойство времени, как нити, – связывать настоящее с прошедшим, облекая будущее в сотканые Творцом холсты истории! И печально видеть настоящее, где эта связь прервана: там холст либо весь в прорехах, либо разваливается на ходу, потому что игла мысли, не соединённая нитью времени, не в состоянии связать будущего на потерянных петлях прошлого...

Исторический холст псковских дворян Николая Александровича и Елизаветы Евгеньевны Вагановых оказался достаточно крепким, сотканным из прекрасных способностей, ума, добрых сердец и неподкупных убеждений, чтобы выдержать последующие испытания, – как политическими бурями в стране, так и духовным разложением народных масс.

Псков хранит для нас имя Николая Александровича Ваганова в названии одной из улиц современного коттеджного квартала, окружившего храм Петра и Павла на Брезе, – на берегу Великой, по дороге к Снегогорскому монастырю.

Благодаря краеведам – Натану Феликсовичу Левину (именно его хлопотами увековечено в Пскове имя Ваганова Н.А.), Любови Александровне Фроловой и Инессе Анатольевне Кайдаловой – находят-

Дом Вагановых в Елизаветине

ся потерянные петельки давно прошедших событий истории, открываются новые страницы, восстанавливая тем самым связующую нить прошлого и будущего.

Родословное древо Вагановых-Самсоновых. Древо человеческой жизни соединяет прошлое, настоящее и будущее. В нём листья отмирают, а древо живёт.

Мы строили свой поисковый путь от известного к неизвестному, постепенно открывая всё новые и новые страницы истории. Первоначально мы обратились к источникам, находящимся в Государственном архиве Псковской области, фонде 110. Неоценимую помощь в поиске оказали материалы Н.Ф. Левина, опубликованные в периодической печати и краеведческих сборниках.

В ходе поиска нашей инициативной группы Музея этнографии и родоноведения «Чирская Крыница» удалось найти связующую нить с Вагановыми в деревне Елизаветино, их прежнем родовом имени. Жители этой деревни показали нам примерное расположение дворянской усадьбы. Ещё жива внучка кухарки, работавшей у Вагановых. Многие рассказал её супруг Владимир, так как жена его была немногословна. Нам удалось выяснить, что в Москве про-

Интерьер усадьбы в Елизаветине

живают потомки Вагановых, но где и как их найти – оставалось полной неизвестностью. И уже спустя год, когда «В Контакте» создан сайт музея «Чирская Крыница» и группы Майского союза юных экологов «Ласточка», искомые люди сами нас нашли чудесным образом. Это семья Мусиновых из Москвы и семья Лемет из Таллинна. Завязалась интересная переписка, из которой мы узнали, что генеалогическое древо Вагановых-Самсоновых ими давно составляется.

Семья Екатерины Викторовны Мусиновой бережно хранила многие годы фото-летопись рода Вагановых и Самсоновых – часть фотографий здесь представлена.

Итак, нисходящая роспись древа уже существует, остаётся только внести коррективы и дополнения. На сайте Переяславского музея-заповедника нам удалось найти историю усадьбы Самсоновых – Бектышево, родовое гнездо Елизаветы Евгеньевны Вагановой (урождённой Самсоновой). Так по крупицам из малого вырисовывалась целостная картина.

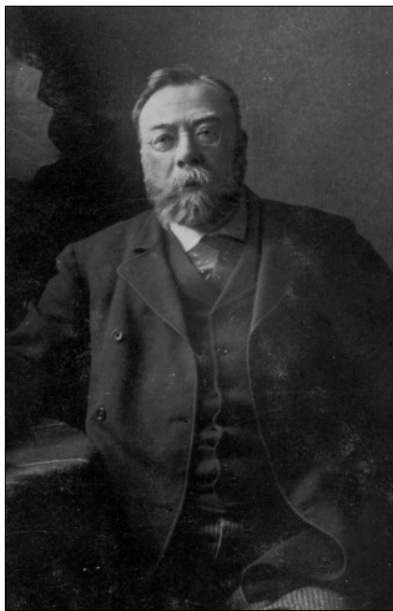
Деятельность Вагановых. Из Послужного списка Николая Александровича Ваганова мы узнаём о том, что с 1864 года он явля-

Вагановы с сыном Александром

ется действительным членом Статистического комитета. Выборы в уездное Земское собрание после общероссийской земской реформы в 1865 году прошли для Ваганова весьма значимо: он был выбран на трёхгодичный срок в председатели Псковской Земской управы.

С 1871 года в Псковском и других уездах появилась и стала действовать Земская вольная почта со своими марками. Это произошло с непременным участием и тщанием Николая Александровича Ваганова. Н.А. Ваганов состоял председателем Псковской Земской управы 12 лет (избирался 4 раза подряд). Он отчислял одно из своих жалований мирового посредника на создание земских школ в Псковском уезде. В память о его школьном попечительстве вышла памятная статья в журнале «Русская школа» за июль-август 1902 года: «Николай Александрович Ваганов – замечательный деятель по народному образованию в Псковском уезде». К 1874 году в Псковском уезде открылось около 40 земских школ, а уже к 1892 году – около 80. Для подготовки учителей в земские школы в городе Пскове и дру-

*Николай Александрович
Ваганов*

Сестры Самсоновы

гих городах Псковской губернии необходимо было создать учебное заведение. Ваганов хлопотал об открытии Учительской семинарии. Первая Учительская семинария появилась в 1874 году. Позже появился Учительский институт – предшественник нынешнего Псковского Государственного университета. В Учительской семинарии была учреждена дополнительная стипендия Н.А. Ваганова, а в 1897 году Николая Александровича определили как почётного попечителя семинарии для учителей.

Н.А. Ваганов стоял у истоков земской медицины. К 1865 году, кроме больницы Приказа, появились и земские больницы. А в 1867 году официально образовалась Псковская уездная земская больница, которая позже стала Губернской земской больницей. Больница располагалась на Николаевской высоте, на Завеличье. Она просуществовала до октябрьских событий 1917 года.

Н.А. Ваганов являлся действительным членом общества сельского хозяйства.

Он ратовал о том, чтобы крестьянским хозяйствам выделялись денежные средства, было разрешено кредитование. Кредит оформлялся и проводился Обществом взаимного кредита Псковского уездного земства. Позже появились ссудно-сберегательные товарищества и первые потребительские кооперативные союзы – «первая ласточка» появилась в Елизаветине, имении Вагановых. И первое потребительское общество на территории Палкинского района было создано в Елизаветине 100 лет назад, в 1912 году, при поддержке помещицы Елизаветы Евгеньевны Вагановой. Кооперативное движение развивалось и распространялось очень быстро и вскоре потребительские союзы появились и в других окрестных селениях.

Посещение потомками Вагановых (праправнука Владимира Велловича Лемета, причастного по своей деятельности к авиации, приехавшего из Таллинна, и праправнучки Екатерины Викторовны Мусиновой, детского музыкального педагога из Москвы, с супругом Дмитрием и дочерьми Анастасией и Юлией) в 2012 году Пскова и родины их предков стало заметным событием в культурной жизни нашего региона. Этот визит был ознаменован первой годовщиной воссозданного на Псковской земле стараниями Музея этнографии и родинovedения «Чирская Крыница» и Вернявинской средней школы Майского союза юных экологов «Ласточка», организованного Елизаветой Евгеньевной Вагановой ещё в 1898 году. В эти дни её потомкам посчастливилось впервые прикоснуться душою к тем местам Пскова и уезда, которые дышали жизнью их славных предков.

Второму приезду потомков Вагановых способствовало весьма важное обстоятельство: в августе месяце **на погосте Сусловой горы была обнаружена могила Александра и Николая Вагановых.**

Погост освящён в честь Архистратига Михаила, а сельчане называли её просто Михайловской. Праправнуки Вагановых в первый свой приезд на Чирскую землю в конце мая 2012 года исследовали вместе с нами Чирский погост, но безуспешно. Однако в ГАПО мы обнаружили Указ Псковской Духовной Консистории, который гласит, что с 17 ноября 1887 года Чирский погост закрыт для новых захоронений. А после кончины Николая Александровича 7 декабря 1899 года в «Вестнике Псковского губернского земства» №1 от 1900 года, в статье, подписанной «Старый земец и товарищ», мы читаем о том, что тяжёлый дубовый гроб с телом «земского богатыря» с боль-

Могила Вагановых на погосте Сусловой горы

шим трудом несли на руках от станции Черской до ближайшего погоста «близ его имения». Гроб встречал священник Чирского погоста. От Чирского до Михайлова погоста – ещё целых две версты, да и на Чирском сосны не растут, а на архивной фотографии могилы можно видеть большие сосны. В пользу Михайлова погоста в справочнике «Церкви Палкинского района» мы находим дореволюционное описание кладбища на Сусловой горе, в котором говорится, что по всему кладбищу растёт «старинный сосновый лес»... Потомки этого старинного соснового леса после Великой Отечественной дружно разрослись на месте бывшего карьера на Сусловой горе. Таким образом, перед нами – новые доказательства того, что могила Вагановых находится именно здесь, на Волковом кладбище. И наши друзья даже больше предчувствовали душою, что место упокоения их предков именно здесь...

Как рассказала Любовь Алексеевна Дмитриева, коренная жительница села Вернявино, погост был обнесён каменной оградой; с восточной стороны стояла деревянная часовня Михаила Архангела, а угол южной и западной оград венчали каменные арочные ворота. Руководившие колхозом энтузиасты в 1918 году зверски убили Алек-

Путём ретуши мы экспериментально восстановили видимость фрагмента надписи на стеле

сандра Ваганова, а часовню разобрали по брёвнышку и сложили из неё у председателя во дворе хлев, в котором, как потом выяснилось, коровы не хотели телиться, и хлев пришлось распилить на дрова...

Ещё до войны маленькой Любе запомнились похороны одного жителя станции Черской по фамилии Шмит. Это мероприятие было необычным для местных крестьян – с оркестром и большим стечением народа. Детское восприятие запечатлело тогда основную достопримечательность кладбища – беломраморную стелу с надписью «ВАГАНОВЪ», о которой все говорили: «Это наш барин».

Потом, во время войны, когда немцы начали строить линию укрепления «Пантера», песок брали на этой же самой Сусловой горе, которую срывали с западной стороны, где, как и сейчас, проходила дорога. В карьер падали кресты и гробы... А рытвё горы остановилось перед памятником Николаю Ваганову. Со слов Любови Алексеевны, после войны бескультурье и отсутствие благоговения перед историей принесло свои плоды разрушения: мраморный обелиск с могилы Вагановых был сброшен в карьер и, видимо, растащен, однако гранитное основание всё же осталось. И на месте могил Вагановых, по забвению жителей, было устроено более позднее захоронение.

Карта местности начала XIX века

Любовь Алексеевна и сейчас хорошо помнит, где стоит этот гранитный камень – основание стелы. К нему она и провела потомков Вагановых. Судя по форме, размерам и цвету, «камень» совпадает с тем основанием стелы, что на фотографии 1918 года.

Используя карту начала XIX века, мы можем смоделировать ориентацию могилы на местности относительно населённых пунктов, один из которых запечатлён на снимке левее стелы:

Следовательно, населённый пункт, видимый на снимке, – это железнодорожная станция Черская. И действительно, правее креста Александра Ваганова на снимке видна контрастная полоса, образованная насыпью железнодорожной линии на фоне деревьев, продолжающаяся и слева от мраморной стелы, что свидетельствует об истине нашего открытия. В подтверждение сего, расположение и направление каменной ограды кладбища соответствует описанию Л. А. Дмитриевой.

Праправнуки Вагановых, побывав на Сусловой горе и ощутив душою своею истинное место погребения своих предков, укрепились в своей силе, как долго скитающийся путник окрыляется, ступая на родную землю.

Нам остаётся восстановить эту историческую связь сооружением на сохранившемся гранитном основании стелы, аналогичной утраченной. Восстановить и Михайловскую часовню. А так как Николай Александрович Ваганов был заметной и влиятельной личностью в общественной жизни Пскова и губернии, надеемся на помощь и участие в этом деле и городских властей...

Памятная доска Н.А. Ваганову

26 мая 2013 года силами и средствами организаторов музея «Чирская Крыница» и праправнуков Вагановых на сохранившемся основании памятника на могиле Николая Александровича Ваганова была установлена гранитная плита с надписью: «Здесь, на могиле известного общественного деятеля России середины XIX века, первого председателя Псковской уездной земской Управы Николая Александровича ВАГАНОВА, будет установлен памятник»...

Примечание:

Источники указаны в тексте статьи.

ПОДВИЖНИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ МУЗЫКЕ **(К 145-летию со дня рождения Василия Ястребцева,** **друга и биографа Н.А. Римского-Корсакова)**

Прокуденкова Е. В.,

старший научный сотрудник Музея-заповедника

Василий Васильевич Ястребцев родился 17 августа 1866 года в Могилёве, в семье инженера-путейца. В 1884 году закончил Реальное училище в Новгороде, затем поступил на химическое отделение Технологического института в Петербурге. Осенью 1890 года Ястребцев поступает в Петербургскую консерваторию, в бесплатные ученики класса гармонии профессора Ю.И. Иогансена. Но уже в сентябре 1891 года покидает консерваторию, уходит до окончания курса и из Технологического института и в дальнейшем упорно самообразовывается путём анализа партитур различных композиторов и активного слушания музыки.

С 1892 по 1918 год он служит в Государственном дворянском земельном банке в должности старшего делопроизводителя, с 1918 по 1921-й – контролёром в Петроградском отделении государственного контроля, в 1920–1923 – хранителем в музее М. И. Глинки и А. Г. Рубинштейна при Петроградской консерватории, в 1921–1929 преподаёт музыкально-теоретические и исторические дисциплины в Василеостровской музыкальной школе.

На протяжении всей жизни его главным увлечением была музыка. Решающее влияние на Василия Васильевича в этом увлечении оказала его мама Алина Андреевна: у них были общие музыкальные пристрастия – Шопен, Лист, Берлиоз, Вагнер, Чайковский, Римский-Корсаков; нередко они вместе посещали концерты, бывали в театрах, на музыкальных собраниях у Н. А. Фриде, на «Веймарских вечерах» у М. А. Балакирева, музыкальных вечерах у Н. А. Римского-Корсакова. В их доме собираются друзья Василия Васильевича –

В. И. Бельский, С. К. Булич, А. Т. Гречанинов, И. И. Лапшин, Н. Ф. Финдейзен, Н. М. Штруп... Все они в той или иной степени были связаны с творчеством Римского-Корсакова, а кружок этот обрёл название «фанатиков русской музыки».

Нередко Ястребцев и сам обращался к сочинению музыки, преимущественно вокальной. Как он рассказывает в «Воспоминаниях...», при поступлении в консерваторию его «заставили сыграть три своих романса». В мае 1894 года несколько новых романсов Ястребцев показал Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, который отметил в них «верный колорит и настроение и даже несомненную способность к гармонии». Особенно много Ястребцев пишет в 1920-е годы. По его собственному признанию, он сочинил «в общей сложности» 300 романсов на слова Майкова, Тютчева, Пушкина, Лермонтова, Бальмонта и других поэтов. С 1920 по 1930 год Ястребцев в качестве композитора даже получал академический паёк 2-й категории. Помимо музыки, Ястребцев был увлечён астрономией – об этом пишет Надежда Николаевна Римская-Корсакова Василию Васильевичу в августе 1911 года из Любенска, поздравляя его с днём рождения: «... С Вами случилось обратное тому, что случилось с Николаем Андреевичем. В его юношеских письмах, как Вы знаете, выражается пристрастие к астрономии и увлечение ею – в каждом письме к матери он говорит о звёздах. В следующих письмах, которые я нынче летом переписывала, заметно уже сильное увлечение музыкой – в каждом письме говорится о каком-нибудь новом музыкальном впечатлении, о звёздах уже не говорится более ничего. Музыка вытеснила астрономию. А у Вас – увы – астрономия вытеснила музыку. Это меня огорчает, и пожелание моё в том, чтобы Вы опять вернулись к музыке». [1]

Трудно установить, являлось ли это отражением интереса Римского-Корсакова к наблюдениям неба, звёзд, но фактом является то, что Ястребцева занимала астрономия и его заметки по этой проблематике были помещены в «Известиях русского общества любителей мироведения» в 1912–1914-х и 1916 годах. Он состоял в Русском и Французском астрономических обществах и в Русском обществе любителей мироведения.

И всё же главным предназначением Ястребцева стала музыка, олицетворённая в творчестве Николая Андреевича Римского-Корсакова. Личное знакомство Ястребцева с Римским-Корсаковым про-

изошло в октябре 1891 года, но переворот в его сознании совершился ещё в 1889 году, 16 января, когда он впервые познакомился с оперой Римского-Корсакова «Снегурочка». «Этот день в моей жизни создал новую эру, – вспоминал Ястребцев. – Я сразу, почти инстинктивно, почувствовал все её превосходство над «Онегиным», которому в то время всецело поклонялся... я был положительно эстетически перерождён»

Сближение Ястребцева с Римским-Корсаковым происходит в 1891-1893 годы, во время остро переживавшегося композитором творческого кризиса, философских поисков, попыток переосмыслить свои художественные принципы. Ястребцев становится историкографом композитора: фиксирует этапы, даты создания произведений – составляет хронографы сочинения сцен и эпизодов из опер, собирает данные об источниках музыкальных тем, отыскивает связи их с фольклором. Общение их становится всё более доверительными. Ястребцев – частый посетитель дома Римских-Корсаковых, а летом его приглашают погостить на даче. Шесть раз Василий Васильевич Ястребцев приезжал в Вечашу и Любенск, проводил по несколько дней в семье композитора.

Благодаря воспоминаниям Ястребцева о днях, проведённых в Вечаше и Любенске, при создании экспозиции в музее Н. А. Римского-Корсакова были атрибутированы некоторые комнаты – в частности, кабинет Римского-Корсакова, который теперь восстановили в вечашском доме. Ястребцев нередко первым слышал фрагменты опер, написанных в 1890-1900-е годы – многие черновые эскизы и наброски новых сочинений оказываются затем в собрании биографа. При этом всё, что ему доступно из нового и старого, он подвергает подробному анализу. Постоянно беседуя с Римским-Корсаковым по различным вопросам теории и истории музыки, он привлекает его своей памятью, дотошностью в «регистрации» не только гармонических последовательностей, но событий и дат. И нередко композитору приходилось прибегать к этому источнику необходимых для работы сведений. Любопытно в этом отношении письмо Римского-Корсакова от 24 июня 1906 года: «Дрожайший Василий Васильевич, послал я Вам одну пост-карту в Питер, другую под Невель, не знаю, которая из них до вас дойдет... Дело вот в чём. Вы по обыкновению, вероятно, возите с собой все ваши записи, а поэтому и можете сообщить мне числа и года об окончании различных частей первой

Вечаша. Дом-музей Н.А. Римского-Корсакова

«Псковитянки». При писании моей летописи, которой я теперь и занимаюсь, в голове моей произошло некое «затэмнэные смысла», относящегося как раз к 1869, 70, 71 годам. Если я буду знать время окончания моих сочинений того периода, то многое для меня станет ясным» [2].

И вот ответ Василия Васильевича: «Высокоуважаемый и дорогой Николай Андреевич! Получил я оба Ваших письма, адресованные «под Невель», за которые искренно благодарю. Страшно рад, что Вы приняли за свою «Летопись» (как Вы её называете), а потому спешу исполнить Вашу просьбу относительно «чисел и годов» 1-ой редакции «Псковитянки» [3].

Ястребцев сообщает о времени написания всех сцен оперы по месяцам и добавляет: «Псковитянка инструментировалась главным образом в 1871 году, т. е. именно как раз в тот год, когда Вы (Н. А.) жили вместе с Мусоргским на одной квартире на Пантелеймоновской ул., в меблированных комнатах Зарембо» [4]. Дальше Ястребцев приводит весь список произведений, написанных Римским-Корсаковым в 1867, 68 и 70-х годах. О себе сообщает следующее: «Живётся мне в «Григорове» – превосходно! Встаю рано; пью какао; большую часть дня провожу на воздухе; люблю красивым озером; катаюсь на лодке; пишу свои воспоминания; знакоблю юную племянницу (праправнучку Екатерины II) – баронессу Рокоссовскую с Вашею и вообще «русскою» музыкаю, ну, словом, провожу время «в счастье» [5].

Записи Ястребцева о «домашних» показах опер, частями или полностью, воссоздают цельную картину творческого процесса, с этапами которого знакомит его автор. Доверительность отношения Римского-Корсакова к своему биографу со временем становится всё более глубокой. Он делится с ним своими замыслами, сомнениями, тревогами. В них нередки сетования на то, что ему трудно сочинять, что пора подводить итоги. Ястребцев же убеждает его в несостоятельности таких суждений, в насущной необходимости его творчества.

Весомая роль Ястребцева «при Римском-Корсакове» была в создании атмосферы влюблённости в его творчество, «подталкивании» к творчеству. В письмах, дарственных надписях на рукописях композитор пишет – «моему утешителю». Но «не в шутку» и бранит Ястребцева за громадное, по его мнению, захваливание, объявление его «гениальным», но, вместе с тем, понимает бескорыстие и подлинную преданность комплиментатора. Особенно трепетно относился Ястребцев к последнему письменному высказыванию Римского-Корсакова в свой адрес. В дарственной на клавире «Золотого петушка» Римский-Корсаков написал: «Присутствовавшему при окончании сей оперы – дорогому Василию Васильевичу Ястребцеву на память от любящего его Н. Римского-Корсакова. 14 апреля 1908 г.». С затаённой грустью и очень тепло они распростились на Витебском вокзале при отъезде Николая Андреевича на отдых в Любенск 21 мая 1908 года. Это была их последняя встреча. . .

Благодаря живым свидетельствам Василия Васильевича мы имеем представление о жизни композитора, его творческих планах, истории создания и постановках его произведений. Впервые краткий биографический очерк о Н. А. Римском-Корсакове со списком его музыкальных произведений Ястребцев поместил в «Русской музыкальной газете» №51 за 1900 год. Позднее возникает необходимость издать этот очерк отдельно. За границей к Римскому-Корсакову обращались с просьбой дать биографические сведения о себе, и Римский-Корсаков пишет издателю Юргенсону Борису Петровичу: «Многоуважаемый Борис Петрович, в 1900 г. по случаю моего 35-летнего юбилея близким другом моим В. В. Ястребцевым была помещена в Русской музыкальной газете Финдейзена моя биография. В настоящее время автор имеет в виду ее дополнить и несколько переработать (кстати, в ней имеется полный и подробный список всех моих сочинений). Не пожелала бы фирма Ваша издать это сочинение...?

Н.А. Римский-Корсаков и В.В. Ястребцев в Любенске. 1907 г.

Если принципиально Вы были бы к этому склонны, то автор обратился бы к Вам письменно и выяснил свои условия. В случае утвердительного ответа Вашего мною о сем будет ему сообщено. Искренно преданный Н. Римский-Корсаков» [6]. На письме пометка «17 января, 1908 г.». 28 апреля 1908 года Н. А. Римский-Корсаков снова обращается к Юргенсону: «Многоуважаемый Борис Петрович...когда Вы думаете приступить к напечатанию труда В. В. Ястребцева? Из Франции и Америки меня просили дать биографические сведения о себе или указать источник таковых. Сочинение Ястребцева вполне может удовлетворить этим требованиям» [7].

Отдельно очерк В. В. Ястребцева, дополненный и несколько переработанный, был издан Б. П. Юргенсоном в 1908 году уже после смерти композитора. Весть о смерти Римского-Корсакова застала

Ястребцева в имении Григорово близ станции Долыссы Невельского уезда, где он отдыхал с семьёй. На следующий день он отправляет на имя Римских-Корсаковых телеграмму: «Глубоко потрясен известием о смерти обожаемого Николая Андреевича. Еще один светоч угас. Всем сердцем сочувствую Вашему бесконечному горю».

После кончины композитора Василий Васильевич считал своим долгом подготовить к печати свой многолетний труд воспоминаний о Николае Андреевиче. В 1917 году вышли из печати два выпуска «Воспоминаний о Н. А. Римском-Корсакове», принадлежащих перу В. В. Ястребцева. В них содержались записи о встречах и беседах с композитором, начиная с 1890 по март 1895 года.

В 1959-1960 годах вышли в свет его уникальные по содержанию и характеру два тома «Николай Андреевич Римский-Корсаков: воспоминания», без изучения которых в дальнейшем и по настоящее время не может обойтись ни один автор как научной, так и популярной работы, посвящённой Римскому-Корсакову.

До конца жизни все духовные помыслы Ястребцева были связаны со служением памяти Н. А. Римского-Корсакова: об этом его статьи, «Воспоминания...», об этом же – романс «Гимн красоте», сочинённый им в 1922 году, на перефразированный текст А. Майкова «О царстве вечной юности и вечной красоты». Посвящён он «Светлой памяти Великого русского художника Н. А. Римского-Корсакова».

Неоценима заслуга В. В. Ястребцева в том, что без его подвижнического служения картина взаимоотношений Н. А. Римского-Корсакова с современниками и наше представление о важном этапе истории отечественной культуры была бы значительно беднее.

Литература:

1. РНБ, Ястребцев В. В., ф. 902, оп. 1, ед. хр. 40.
2. РНБ, Ястребцев В. В., ф. 902, ед. хр. 53.
3. РНБ, Римский-Корсаков Н. А., ф. 640, ед. хр. 1032, л. 73.
4. РНБ., там же - л. 74.
5. РНБ, там же.
6. Сб. докладов под ред. В. А. Киселева, стр. 173.
7. Сб. докладов под ред. В. А. Киселева, стр. 191

СОХРАНИТЬ СВЯЗЬ С ПРОШЛЫМ

Симакина Г. Ф.,

*заместитель генерального директора
Музея-заповедника А. С. Грибоедова «Хмелита»*

«Одна из главных духовных целей – сохранение памяти о своём истинном прошлом, без чего нельзя восстановить самих себя духовно», – писал А. И. Солженицын в предисловии к парижскому изданию книги воспоминаний Н. В. Волкова-Муромцева «Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920)». Этой книгой Солженицын начал публикацию серии «Всероссийская мемуарная библиотека» в 1983 году [1]. Потом было и российское издание, познакомившее публику с замечательными представителями старинного русского рода дворян Волковых, связанных с Псковской и Смоленской губерниями.

Дворяне Волковы внесены в 6-ю часть Псковской дворянской родословной книги. Род их был древним, свое начало они возводят к Григорию Волку, выехавшему с сыновьями из Литвы к Великому князю Василию Ивановичу (Василию III). [2] Родоначальником псковской ветви был Степан Николаевич Волков. Из документов, отложившихся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО), следует, что он происходил из вологодских дворян. Родившийся в 1757 году, с 1781 по 1795-й, как положено у русских дворян, состоял на военной службе. В 1824 году он оставил штатскую службу по болезни, получив чин статского советника, и поселился в Порховском уезде Псковской губернии, где у него было 855 десятин земли и 456 душ крепостных. [3]

Его сын Николай Степанович, 1810 года рождения, женился первым браком на Наталье Александровне Дмитриевой – Мамоновой, после её смерти и за год до своей смерти – на девице Елизавете Евгеньевне Самсоновой, невесте своего сына Александра. Об этой истории вспоминает сын последнего владельца Хмелиты Николай Владимирович Волков в книге «Юность. От Вязьмы до Феодосии».

Николай Степанович окончил Институт корпуса путей сообщения, в 1838 году был внесён в 6 часть дворянской родословной книги Псковской губернии. В 1862-65 гг. был Псковским губернским предводителем дворянства. Он был хорошо образован, владел английским, немецким и французским языками, был большим любителем искусств, увлекался резьбой по камню и плотницким мастерством, возглавлял в Варшаве школу изящных искусств, в 1834-1835 годах написал акварелью портрет М. И. Глинки. Послужной список свидетельствует, что он служил «ревностно и преданно». [4]

Один из его сыновей, Александр Николаевич Волков (1844–1928), – самый знаменитый представитель этого рода. Родившийся в Петербурге, он окончил гимназию в Варшаве и Дерптский университет, где получил степень доктора философии. Женился на англичанке, дочери профессора Алисе Гор, служил в Порховском уезде по выборам. Был мировым посредником, гласным (депутатом) уездного училища. [5] В 35 лет начал самостоятельно заниматься акварелью – унаследовал, очевидно, талант отца; писал пейзажи Египта, Италии, интерьеры храмов и дворцов. С 1880 года подписывал свои акварели «А. Руссов», написал один из лучших портретов Элеоноры Дузе, великой итальянской актрисы. П. М. Третьяков приобрёл у него акварель «Купленная» для своей галереи. Постоянно выставлялся за границей. На аукционе в Стокгольме несколько лет назад продавались его акварели с видами Каира и Луксора из наследства его младшего внука В. В. Волкова. Недавно в Царское Село под Петербургом в Александровский дворец вернулась одна из картин А. Руссова.

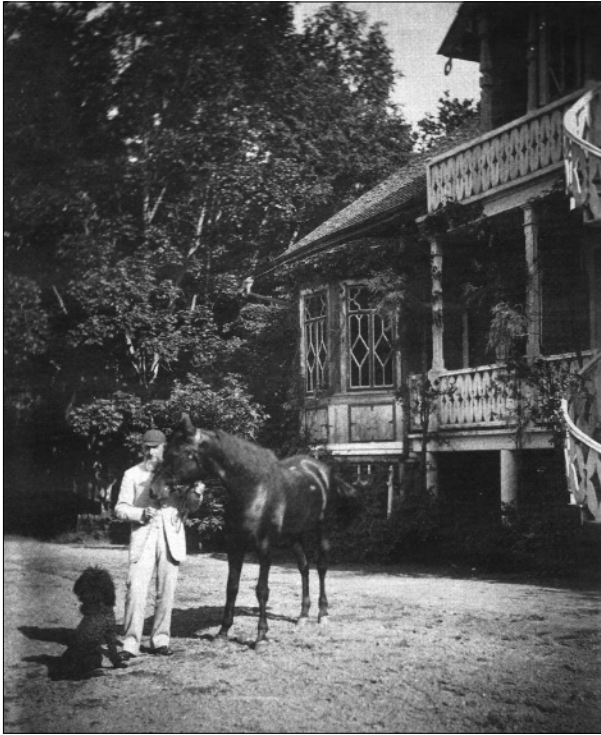
В «Памятной книжке Псковской губернии на 1913–1914 гг.» указаны его имения, среди которых Волково, Сычёво тож Дегожской волости с 1000 десятин земли. Его жена-англичанка упоминается в делах как порховская помещица Алиса Васильевна, у которой было более 400 десятин земли. Архивные документы подтверждают рассказы его внуков о том, что Александр Николаевич, начиная с 80-х годов XIX века, жил за границей [6], в основном в Венеции, в своём палаццо. Он и похоронен на знаменитом кладбище Сан-Микеле. Он был первый из Волковых, получивших к своей фамилии приставку Муромцев. В. В. Волков, его младший внук, рассказывал, что это случилось по прихоти родственника Матвея Муромцева. Он обратился к Государю с просьбой о разрешении старшему в роду Волковых именоваться Муромцевым для сохранения фамилии. Таким

образом, деду досталось богатое рязанское имение Баловнево и он стал именоваться Волковым-Муромцевым, потом его сын Владимир Александрович и т. д.

Известны его воспоминания на английском языке [8]. В документах сохранилось прошение Владимира Александровича, «потомственного дворянина Псковской губернии, внука бывшего Псковского губернского предводителя дворянства Николая Степановича Волкова» о внесении его в родословие и выдаче ему свидетельства о происхождении. Метрическая выписка гласит: «Псковской епархии Порховского уезда села Полоной Спасо-Нерукотворного образа церкви за 1870 год под № 10 в мужской графе значится: 1869 года июля 30 дня родился младенец Владимир крещен в Англии по обряду английской церкви, к православию присоединен 1870 г сентября 4 дня. Родители: порховской помещик потомственный дворянин Александр Николаевич Волков православного вероисповедания и законная его жена Алиса Васильевна английского вероисповедания. Восприемники: лейб-гвардии Гродненского гусарского полка корнет Константин Николаевич Волков и порховского помещика тайного советника Михаила Александровича князя Дондукова – Корсакова дочь девица Ольга Михайловна» (т. е. дядя В. А. и его тетка по матери). [8]

«Мой отец Владимир, братья и сестра воспитывались в Англии у своих деда и бабушки, были в английских школах, потому что родители постоянно уезжали то в Грецию, то в Египет, где дед писал картины. Летом все дети ездили в Глубокое к Дондуковым-Карсаковым», – вспоминает Николай Владимирович Волков. [9]

Глубокое Опочецкого уезда Псковской губернии впоследствии стало именоваться гейденовским, так как в 1865 году Софья Михайловна Дондукова-Корсакова вышла замуж за графа Петра Александровича Гейдена. Со своей будущей женой Варварой Петровной Гейден Владимир Александрович Волков был знаком с детства. После двух лет службы в лейб-гвардии Конном полку и офицерского экзамена он был произведён в корнеты и вышел в отставку. Сохранилась архивная запись о бракосочетании 12 июня 1894 года фрейлины её Императорского Величества графини Варвары Петровны Гейден с сыном Порховского помещика-дворянина Александра Николаевича Волкова – Владимиром Александровичем Волковым. Они были обвенчаны причтом церкви общины св. Георгия в Санкт-Петербурге, и

Пётр Александрович Гейден в Глубоком

брак их был внесён в обыскную книгу под № 33 за 1894 год. [10] На момент вступления в брак оба были псковскими дворянами.

Любимая и единственная дочь выдающегося общественного и политического деятеля графа П. А. Гейдена Варвара Петровна была прекрасно образована и богата. Очевидно, её подружки-аристократки воспринимали этот брак как мезальянс, жалея «бедную Варю», вынужденную жить в смоленской деревне. В 1892 году граф Гейден купил в качестве свободного подарка своей дочери имение Хмелита в Вяземском уезде Смоленской губернии, некогда принадлежавшее Грибоедовым. Усадьба была в запустении, но отремонтированный дом из 54 комнат ждал молодых хозяев. Началась их семейная жизнь, рождались дети Елена, Пётр, Александр, Николай, Владимир, Марина.

Варвара Петровна Волкова, урожд. Гейден, 1912 г.

Нельзя сказать, что брак В. П. и В. А. Волковых был особенно удачен. До замужества Варвара Гейден пережила серьёзное увлечение С. Д. Сазоновым, будущим министром иностранных дел (который женился на её подруге), но сохранила с ним и в Хмелите дружеские отношения. Сергей Сазонов был своим человеком и в Глубоком, где каждое лето семья Волковых гостила по месяцу. В близком окружении бытовала шутка: «Хорошо, что Варвара Петровна не вышла замуж за Сазонова, а то война с Германией началась бы на 10 лет раньше». [11]

«Дорогая Варя, – Твое доброе письмо меня очень тронуло.

На этот раз война и такая, какую Европа не видела со времен Наполеона, неизбежна. Остановить хода событий мы не в состоянии, хотя и испытали решительно все средства мирного разрешения вопроса.

Все наши усилия разбились о безумие и беспримерную недобросовестность австро-германской дипломатии. Остается прибегнуть к оружию в надежде на помощь Божию и на доблесть наших войск, поддержанную патриотизмом Русского народа. Во время таких отношений симптомы благостности не к лицу. Будем же надеяться, что мы можем идти навстречу грозным событиям со спокойной совестью.

Немцы войны не хотят, но взялись за ум слишком поздно, австрийские же дипломаты заслуживают виселицы.

Я завален работой и боюсь за свои физические силы.

Обнимаю тебя крепко.

Твой Сазонов». [12]

Высокий сановник пишет письмо в деревню замужней даме, излагая расстановку сил на политической арене Европы накануне I Мировой войны, зная, что она его поймет и что ей это будет интересно. Можно согласиться с оценкой её личности сыновьями и большим близким кругом как весьма незаурядной, а во многом выдающейся натуры. Что касается семейной жизни Волковых, то здесь определённое значение во взаимоотношениях супругов Волковых имело неравенство их имущественного положения: Варвара Петровна была хозяйкой большого имения, ей постоянно помогал отец, оплачивая её заграничные путешествия, а Владимиру Александровичу принадлежал земельный минимум в размере 252 десятины 120 сажень, необходимый для участия в уездных и губернских выборах. [13]

Он был предводителем дворянства Вяземского уезда в продолжение трёх трёхлетних сроков, несмотря на несколько неприязненные отношения к нему и его жене, как к «чужим», псковским, к тому же обладавшими родством, свойством и дружескими связями в аристократических кругах, и последним предводителем вплоть до революции. [14] На своём посту он занимался активно общественной деятельностью: входил в состав попечителей учебных заведений, участвовал во всех культурных мероприятиях. В 1912–1913 годах во время празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года Владимир Александрович входил в юбилейный комитет, занимался сбором средств на памятник «Доблестным предкам» и лично от себя сделал одно из крупных пожертвований. За годы службы В. А. Волков был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 2-й степени. Смоленский губернатор отмечал, что «за всё время своей службы он исполнял возложенные на него обязанности с редким усердием и преданностью делу». С течением времени высокие нравственные качества Волкова оказали своё воздействие на уездное дворянство, отношение в губернии стало доброжелательным и уважительным; сыновья его любили больше, чем мать, так как он способен был их всегда выслушать, понять и поддержать без всякого диктата.

Женившись на В. П. Гейден, поселившись в Хмелите, Владимир Александрович, получивший очень хорошее образование в России и Англии, будучи сам незаурядной личностью, оказался в тени своей энергичной, деятельной эмансипированной супруги, которую местное дворянство за глаза называло «Волчихой». Их раздражало

В УТЬРСКАЯ ТЮРЬМА 20
ВОЛКОВЪ Владимиръ Александровичъ
КАМЕРА 54 КОРРИДОРЪ 6
Пшонникъ
6 яицъ
12 кус сала
Кус. сыра *короб. соли*
Бут. кофе и бут молока.
Рубашка и воротникъ
полотенце
носки
Кловетная бумага. *2 листа уборки*
Дети здорова.
Кажь ли все либуь все
бы жето хотилось итти
кто тобы или же дусе
Очень надтоось скоро видеть
Обильное баря

Письмо в Бутырскую тюрьму мужу. Л. 1

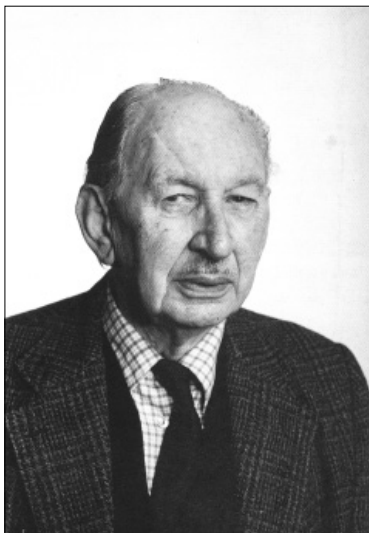
Мы здорова. Намини
кака ты? Прислажь
м штать книги
какихъ? Обильное
Мама
Посилья получише
спонды здорова
Индаринъ Вонд

Письмо в Бутырскую тюрьму мужу. Л. 2

Могила В.А. Волкова (отца Н.В. и В.В. Волковых) под Парижем

её общественная деятельность, независимость её взглядов, умение преодолевать препятствия в достижении своих целей. Она построила земскую школу в Хмелите, стала её попечителем; в Вязьме была открыта, благодаря её влиянию и хлопотам, женская гимназия. Основать в городе с 35-тысячным населением университет, о чём она мечтала, помешала война (I Мировая). Всю войну она организовывала госпитали, оказывая помощь больным и раненым воинам, семьям воинов, призванных на войну. К этому времени она вся уже «в политике»: в январе 1906 году она в Смоленске, на собрании у будущего председателя III Государственной думы Н. А. Хомякова. «Я была единственной дамой за хозяйку; должна сказать, что ничего особенно интересного не слышала», – писала она отцу. [16] В 1907 году он умер, о чём она сообщила другу отца, знаменитому правоведу и адвокату Анатолию Фёдоровичу Кони: «Теперь у меня чувство, что вырван мой якорь счастья. Я счастлива сознанием, что я наслаждалась его обладанием непрерывно. Он сдержал свое обещание, он делал для меня все, что мог.. В общении с ним время моей жизни было легко».

Николай Владимирович Волков-Муромцев. Лондон, 1982 г.

Любопытно, что все письма к Кони Варвара Петровна подписывает как Волкова-Гейден. 9 февраля 1917 года она сообщает ему о ещё одной трагедии – гибели старшего сына Петрика: «Жизнь надломилась непоправимо, и с острой болью матери тесно связана боль, что в такое время ушла молодая, полная сил жизнь, не внеся своей лепты на служение Родине. Разум говорит, что там, где замешана женщина и чувство, там родителям нет места. А сердце говорит другое, и душа смертельно тоскует». И позднее: «С этого времени все, кроме отношений к людям, которых любила, остальное же все потеряло цену, может быть, от этого сравнительно так легко переношу потерю состояния, разгром гнезда, поправление всех дорогих воспоминаний вещественных...». В том же 1917 году она сообщает о смерти своей 12-летней дочери Марины от дизентерии. Это случилось в августе, спустя несколько месяцев после трагедии с Петриком. [17]

В начале 1918 года все Волковы оказываются в Москве. Софья Михайловна Гейден, мать Варвары Петровны, не зная об их бегстве, покидает Глубокое, ищет их в Вязьме, где они снимали дом. В полном одиночестве умирает «гражданка Гейден, которой принадлежа-

ло вместе с гражданкой Волковой Глубокое», вдали от всех родных, в чужом городе. Владимир Александрович Волков и сын Николай были арестованы в Москве, находились в тюрьмах. Варвара Петровна носила им передачи в Бутырки, благо продукты привозили на подводах хмелитские крестьяне, которые очень уважали В. А. Волкова за его постоянную помощь им в сложных ситуациях. Варвара Петровна как известная деятельница Красного Креста добивалась невозможного, попадая на приём к Я. Свердлову, Г. Чичерину, Камневу и другим комиссарам, хлопоча об освобождении мужа, сына и своих близких знакомых.

«Друг своих друзей», как её называли, она и в тяжёлое время осталась верна себе. Твёрдость характера и гейденовское воспитание помогли ей перенести революционные катаклизмы. В 1922 году, перед отъездом из России, под предлогом заграничного лечения она сдала в Третьяковскую галерею графику и 130 живописных картин, которые после пожара в Глубоком в 1908 году перевезла в Хмелиту. Несколько папок с документами и фотографиями она оставила в Историческом музее [18], где многое сохранилось. Кое-что Волковы вывезли с собой – об этом рассказывал Владимир Владимирович, младший сын Волковых, который дважды в глубокой старости посетил своё родовое гнездо усадьбу Хмелита, ныне центр Музея-заповедника «Хмелита». Он сообщал, что его отец Владимир Александрович, с которым Варвара Петровна за границей жила в разъезде, похоронен под Парижем на русском кладбище Сент-Женьев-Де-Буа. На его могиле скромная табличка с датами (1869–1947). В «Алфавитном указателе русских захоронений на кладбище Сент-Женьев-Де-Буа» значится: «Волков-Муромцев Владимир Александрович, последний предводитель дворянства Вяземского уезда Смоленской губернии и Волкова (ур. графиня Гейден) Варвара Петровна (1870–1961). Погребена в Иерусалиме». [19] Старший сын Волковых, Николай Владимирович, автор замечательных мемуаров, после эмиграции жил в Англии, там же и умер. У него было две дочери – Кэролайн и Стефания. Младший – Владимир Владимирович – был бездетен, жил в Швеции, похоронен в 2000 году в Стокгольме на русском православном кладбище. Дочь Волковых Александра Владимировна (Сандра) была директором гимназии в Ницце, потом работала переводчицей, похоронена в Сан-Ремо.

Источники:

1. Вуколов Н. Волков из рода Волковых//Хмелитский сборник №4. – Смоленск. 2001. – С. 12.
2. ГАПО; Дело о внесении дворян Волковых в дворянские родословные книги. Ф. 110, оп. 1, ед. хр. 176.
3. ГАПО, ф. 110, оп. 1, ед. хр. 176, л. 15.
4. Там же, л. 16 оборот; л. 24, л. 24 оборот.
5. Там же, л. 25, л. 62.
6. Волков-Муромцев Н. В., указ. соч., с. 12; Биографический словарь. Художники русского Зарубежья. – СПб, 1999. – С. 205.
7. Вуколов Н., указ. соч. – С. 22 – 23; Memoirsof Alexander Wolkoff – Mouromtsoff (A. N. Roussoff). – London, 1928.
8. ГАПО, ф. 110, оп. 1, ед. хр. 176.
9. Волков-Муромцев Н. В., указ. соч. – С. 12 – 13.
10. ОПИ ГИМ., ф. 123, ед. хр. 5, л. 2.
11. Вуколов Н., указ. соч. – С. 38.
12. Там же. – С. 39.
13. Смоленские губернские ведомости. – №26. – Вып. 28. 07. 1912.
14. Петрова Ю. В. Последние владельцы Хмелиты Волковы и их вяземское окружение. / Хмелитский сборник №10. – 2010. – С. 234.
15. Там же. – С. 234.
16. Шевырин В. М. Рыцарь российского либерализма. Граф П. А. Гейден. – М, 2007. – С. 37.
17. РО ПД, ф. А. Ф. Кони.
18. Вуколов Н., указ. соч. – С. 45 – 46.
19. Там же. – С. 7.
20. Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902 – 1920). –М, 1997. – С. 5.

МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО АРХИВА АКАДЕМИКА Т. Н. КАРЫ-НИЯЗОВА КАК ИСТОЧНИК ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Постников С. В.,

*кандидат педагогических наук, доцент Вольского филиала
Военной академии тыла и транспорта Минобороны РФ*

Прошёл XX век. Ещё живы в нашей памяти многие события и лица ушедшего столетия, однако они уже стали страницами истории. На политической карте мира появились новые государства, а в некогда союзных республиках начался процесс активного национального самопознания. Вместе с этим проявились многие не решённые в прошлом вопросы, проблемы социально-политической истории СССР, Российской Федерации, – проблемы, усугубляемые отсутствием у исследователей, учёных-историков, социологов, политологов, обществоведов объективной информации о происходившем несколько десятилетий назад.

Достаточно остро сегодня звучат вопросы новейшей истории одной из бывших союзных территорий Советского Союза – Узбекской Советской Социалистической Республики (УзССР). Узбекские учёные активно ищут альтернативные интерпретации национальной истории, а российские находятся в зоне «благостного неведения» о причинах и сущности многих событий истории современного Узбекистана. Среди главных причин – отсутствие исследований, опирающихся на фактический материал об изучаемых событиях и фактах. В частности, если говорить об узбекистанских страницах истории СССР, то отметим полное игнорирование российскими учёными архивных материалов из этой республики, особенно фондов областных, городских, личных архивов.

Уникальнейшим архивным фондом по новейшей истории Узбекистана является личный архив академика АН УзССР, доктора фи-

*Академик АН УзССР Ташмухаммед Ниязович Кары-Ниязов (1897–1970).
Фото из архива НМЦ им. Т. Н. Кары-Ниязова*

зико-математических наук, профессора Ташмухаммеда Ниязовича Кары-Ниязова (1897–1970). Академик Т. Н. Кары-Ниязов – легенда узбекской науки. О нём вспоминают с приставкой «первый»: первый директор национального среднего профессионального учебного заведения; первый профессор-узбек; первый доктор наук из числа лиц коренной национальности Узбекистана; первый академик и президент АН УзССР; автор первых учебников по математике на узбекском языке, национальной научно-математической терминологии; первый человек, увидевший останки захоронённых в мавзолее Гур-Эмир Тимура и тимуридов; создатель письменного узбекского языка на кириллической графической основе и пр. Он был математиком, историком, культурологом, философом, филологом, активно разрабатывал вопросы истории и философии таких наук, как математика, астрономия и естествознание. За свои научные работы он был награждён высшими наградами страны, стал лауреатом Государственных премий СССР и Узбекистана. Естественно, в личном хранении такого деятеля за 70-летнюю жизнь накопилось огромное

количество документов, могущих быть источниками по истории и культуре Узбекистана в XX веке.

После смерти Кары-Ниязова архивные фонды продолжают храниться в его доме в Ташкенте, где сегодня открыт Научно-методический центр его имени. Архив по сей день окончательно не систематизирован и не описан по принятым нормам архивоведения. Тем не менее, существующая классификация позволяет оценить его масштабы.

Фонды архива сгруппированы по разной степени объёма и значимости дел. Всего 56 дел. Среди них материалы многочисленных научно-исследовательских работ, монографий, книг, повестей, написанных Т. Н. Кары-Ниязовым (23 папки); речей, докладов, выступлений, научных и научно-популярных статей (9 папок); работ по созданию узбекского алфавита на основе русской графики и математической терминологии на узбекском языке; рукописей коллег и оппонентов (3 папки). Документы биографии учёного (4 дела), о научном споре с доцентом Г. Джалаловым (д. 1); о «клеветничестве» (д. 29); о работе Наркомпроса (2 папки – д. 26, 45), Комитета науки (3 папки); Академии наук УзССР (д. 35); Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства (д. 38); Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана (д. 14); секции по культурным связям с соотечественниками (д. 42); об археологической экспедиции в Самарканд для исследования мавзолея Гур-Эмир в 1941 году (д. 54); о Декаде узбекской культуры в Болгарии 1966 г. (д. 15); поздравления к 70-летию Т. Н. Кары-Ниязова (д. 12); его международная (д. 13) и местная переписка (д. 21), а также издательские договоры (д. 48).

Библиотека архива содержит 1 321 том книг, в том числе выполненных рукописным способом, подшивки и отдельные экземпляры газет «Русский Туркестан», «Туркестанские ведомости», изданные до 1917 года, «Правда Востока», «Ташкентская правда» 30–70-х гг., «Вечерний Ташкент» 80-х гг. и др. В том числе оригиналы и копии 64-х наименований печатных трудов академика, 51 его статья в периодических изданиях; многочисленные работы о жизни и деятельности учёных, писателей, общественных деятелей Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Кыргызстана, России.

Среди наиболее ценных, с исторической точки зрения, в архиве академика находятся автографы: основателя научной школы

физической оптики в СССР, академика и президента АН СССР Вавилова С. И.; основателя советской ядерной энергетики, академика и президента АН СССР Александрова А. П.; учёного-историографа, источниковеда, библиографа, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки УзССР, академика РАЕН Б. В. Лунина; учёного, крупного специалиста в области электроники, доктора физико-математических наук, профессора Г. Н. Шуппе; казахского писателя-публициста, журналиста, сценариста, общественного деятеля Сейлхана Аскарлова; узбекского учёного-физика, доктора физико-математических наук, профессора, академика и президента АН УзССР Арифова У. А.; узбекского историка, доктора исторических наук, профессора, академика АН УзССР Турсунова Х. Т.; учёных-историков И. К. Додонова, М. М. Мусаева, крупного инженера-ирригатора З. А. Ашурматова, учёного-химика И. А. Каблукова и других.

Не менее ценными представляются машинописные подлинники, написанные крупнейшими учёными и общественными деятелями середины XX века: министром просвещения УзССР А. М. Кучкаровым; педагогом, краеведом-историком, писателем Н. П. Архангельским; каракалпакским учёным, основателем каракалпакской научной школы истории, доктором исторических наук, профессором А. А. Панабергеновым; грузинским математиком, доктором физико-математических наук, профессором, академиком АН ГрузССР А. В. Бизадзе; учёными-математиками, академиками Д. Манжероном, В. Романовским, В. Щегловым, А. Григорьяном, С. Сирожиддиновым.

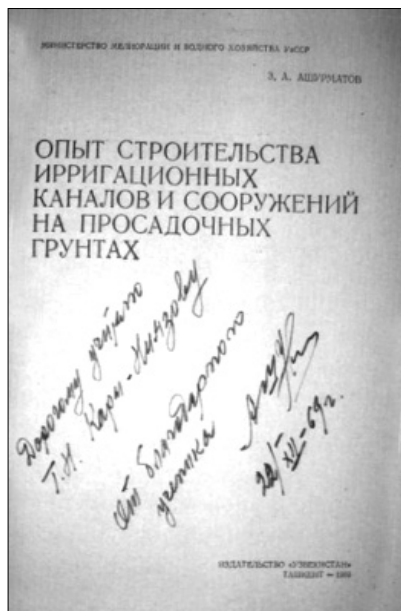
Огромным фактологическим потенциалом обладают рукописи Т. Н. Кары-Ниязова и материалы к ним. Анализ таких дел, как «Материалы к рукописи НИР «Основы науки и культурного наследия узбекского народа», «Материалы к рукописи НИР «Развитие науки в Узбекистане», «Рукописи и материалы к повести «Размышления о пройденном пути (Школа жизни)» и ряда других, показал, что в них отложилась уникальная информация о состоянии общего, среднего специального и высшего профессионального образования в Узбекистане; приводятся редкие, малоизвестные современному историку цифры (об этом неоднократно докладывалось мною – С. П., например, в статьях «Развитие народного образования в Средней Азии 1-й половины XX века» // Витязь. Международный научный журнал. – Красноярск. – 2011. – № 4(9). – С. 34–38; «К вопросу об истории среднего и высшего профессионального образования в

Средней Азии и Казахстане» // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Шестой международной заочной научно-практической конференции. В 4-х ч. / под ред. канд. техн. наук, профессора, генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов-Вольск: ООО «Изд-во «Наука», ВВИТ, 2012. – Ч. 3. Актуальные проблемы психологии и педагогики. В 3-х кн. – Кн. 2. – С. 109–116). Здесь же изложены редкие факты о развитии науки в Узбекистане середины XX века (материалы представлялись в моих статьях «Деятельность учреждений Академии наук СССР во время эвакуации в Узбекистан в годы Великой Отечественной войны» // Идёт война народная, Священная война (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: ООО «НикОс», 2011. – С. 228–235; «Избранные труды академика Т. Н. Кары-Ниязова как источник по истории науки Узбекистана» // Актуальные проблемы профессионального образования в контексте внедрения ФГОС: Сборник научных статей // Под ред. А. Г. Наумлюка, Т. В. Манухиной. – Саратов: ИЦ «Наука», 2012. – С. 310–314. – С. П.).

Среди материалов, не представленных пока широкой научной общественности, – списки действительных членов, членов-корреспондентов и почётных членов первого состава АН УзССР. Если не вдаваться в перечисления, то можно лишь отметить, что в работе научных сессий национальной Академии наук в 1943 году заседали 10 докторов наук, 6 кандидатов, 12 профессоров. По своему качественно-профессиональному составу академики были: пять членов – математики, по четыре – писатели, инженеры, по два – врачи, геологи, химики, филологи, специалисты сельского хозяйства, по одному – биологи, востоковеды, историки, философы, экономисты. Два почётных члена АН УзССР были народными мастерами.

Папка с «Материалами об археологической экспедиции в Самарканд для исследования мавзолея Гур-Эмир» содержит факты об этой экспедиции без современного её мистического оформления. Кроме описания хода работ по вскрытию гробницы, здесь приводятся характеристики всех найденных артефактов, оценивается личный вклад каждого участника экспедиции, даётся подробный хронометраж исследования.

Отдельно нужно остановиться на материалах архива, освещающих историю развития культуры Узбекистана в годы Великой Оте-

*Титульный лист книги З. Ашурматова
с дарственной надписью своему учителю Т. Н. Кары-Ниязову.
Из библиотеки НМЦ им. Т. Н. Кары-Ниязова.*

чественной войны. Анализ дел личного архива академика Т. Н. Кары-Ниязова позволяет современному историку выяснить, что времени войны принадлежат десятки произведений узбекских авторов, ныне ставших литературными раритетами, известных лишь немногим специалистам. Среди них произведения Хамида Алимджана («Возьми оружие в руки!», «Верность», «Джигит», «Другу-бойцу», «Привет гвардейцам»), Гафура Гуляма («Проводы», «Ты не сирота», «Жду тебя, сын мой!», «Небо земли»), Уйгуна («Клятва»), Тимура Фаттаха («Джигит»), Зульфийи («Моя родина»), Амина Умари («Письмо с юга»), Айбека («Навои») и другие.

Не осталось в стороне и драматическое искусство. В самый разгар войны, в 1942 году, в Янги-Юле был организован драматический театр, в Андижане – республиканский уйгурский театр. В дни войны, также в 1942 году, была осуществлена постановка оперы «Улугбек» (музыка А. Ф. Козловского), посвящённая жизни и твор-

ческой деятельности Улугбека, великого узбекского учёного XV века. В 1943 году А. Ф. Козловский закончил запись 160 узбекских народных песен; в июне 44-го была поставлена опера Бизе «Кармен» на узбекском языке (в переводе Миртемира); в годы войны осуществлялось строительство нового здания Узбекского театра оперы и балета в Ташкенте (на 1 300 мест). Одно за другим появляются произведения, воплотившие в себе идеи патриотизма узбекского народа как на фронте, так и в тылу. Это пьесы К. Яшена «Смерть оккупантам», А. Умари «Мечь», Ш. Сагдуллы «Наш боец», балеты С. Василенко и В. Смирнова «Акбияк», М. Левиева «Сухейль и Михри»; драмы Т. Садыкова, А. Козловского, К. Яшена «Даврон-ота», М. Ашрафи, С. Василенко, А. Козловского, Х. Гуляма, В. Халила «Шер-али»; Т. Садыкова, М. Джалилова, М. Бурханова, Х. Алимджана, Уйгуна «Меч Узбекистана»; Т. Джалилова, С. Абдуллы «Курбан Умаров»; Б. Надеждина, Ю. Раджаби, Туйгуна, А. Умари «Касос»; марш М. Ашрафи «Героическая симфония»; песни, вальсы, кантаты Т. Садыкова «Бахор», «Джонон», «Интизов», М. Бурханова «Эй, улуг Устоз!», «Джангчилар кўшуги», Д. Закирова «Ол касос!», «Джангда бардам булл!», Г. Мушеля «Слава родной земле», М. Харратова «Свекли ватан», «Йигитлар», «Кзыл Қўшун», М. Левиева «Узбек оглан», «Чевар кыз», «Шер баччалар» и другие. Многие драматические и музыкальные произведения посвящены идее патриотизма в истории Узбекистана: «Муккана» Х. Алимджана, «Полёт орла» И. Султанова, «Нурхон» К. Яшена, «Навои» Уйгуна и И. Султанова. Т. Н. Кары-Ниязов называет наиболее выдающихся режиссёров, работавших в узбекских театрах в 1941–1945 годах, – И. И. Берсенева, А. Турдыева, Ш. Бурханова.

В числе редких данных – информация о развитии кинематографа в Узбекистане в 1940 годах. Его работниками в годы войны было создано 10 звуковых художественных кинокартин («Морской ястреб», «Насреддин в Бухаре», «Я – черноморец», ..).

Своеобразным идеологическим агитационно-массовым орудием становится узбекское изобразительное искусство. В черновых материалах к рукописям книг академика Т. Н. Кары-Ниязова особо отмечаются работы таких мастеров, как С. Абдуллаев, создававший по подобию «Окон РОСТА» их узбекский вариант, «Агитвитрины», автор плакатов «Забота о детях», «Подарки на фронт»; В. Кайдалов («Уничтожим фашистскую гадину», «Победа будет за нами», «Сокрушительный удар по врагу»), В. Уфимцев («Руки прочь!», «Советская

метла», «Нам канал, врагу могила»), С. Мальт, Н. Кашина, В. Рождественский, Хамдами... Создаются значительные картины на патриотические темы: «Проводы в Красную Армию», «Поздравление с наградой» Л. Абдуллаева, «Кавалерийская атака», «За родину» О. Тетевосяна, «Шефы в госпитале», «Налёт партизан на фашистский штаб» М. Аринина, «Узбекистан фронту», «Навои среди народа» Ч. Ахмарова, «Партизанка», «Путь зверя», «Гнездо врага» У. Тансыкбаева.

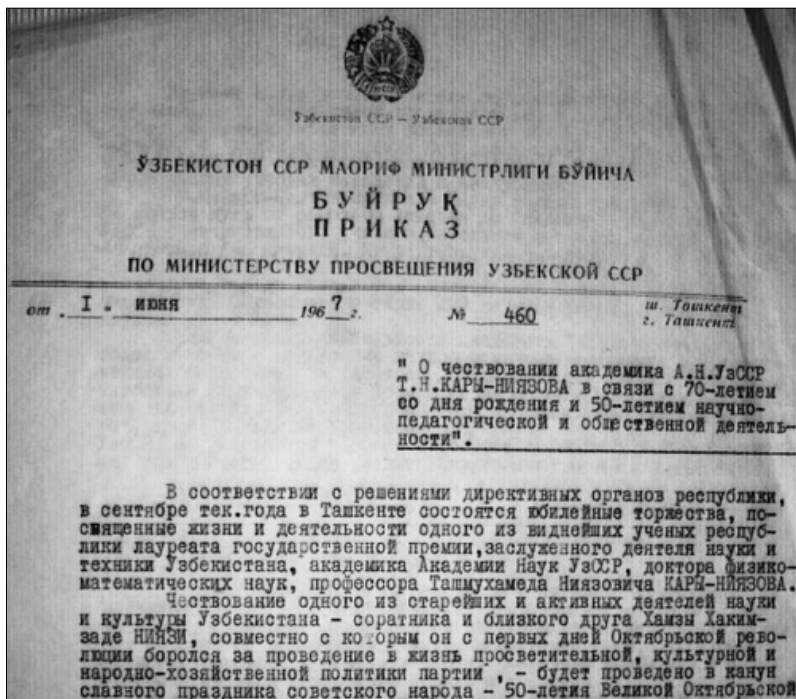
Дополнением к охарактеризованным материалам являются иллюстрации и фотографии, хранящиеся в папке «Фотоматериалы к книгам Т. Н. Кары-Ниязова», а также в папке «Фотоматериалы к рукописи монографии “Астрономическая школа Улугбека”».

Интересна переписка Т. Н. Кары-Ниязова с первым секретарём ЦК Компартии Узбекистана в 1959–1983 гг. Ш. Р. Рашидовым: в письме от 12 мая 1969 г. идёт речь о вопросах пошатнувшейся нравственности в республике, да и в стране в целом. Автор довольно смело обращается ко всеильному главе узбекских коммунистов с критическим анализом причин падения морали: «Мероприятия, проводимые отдельными организациями и отдельными лицами (например, комсомольские организации, клубы, махалля, вузы и т. п.) в области воспитательной работы носят не систематический, а эпизодический характер, от случая к случаю, не находятся на должном уровне, страдают формализмом, а потому не всегда достигают желаемой цели.

...На экранах кинотеатров и телевидения демонстрируются такие фильмы, которые вместо воспитания оказывают медвежью услугу... Например, фильмы, в которых показываются утончённые методы ограбления или убийств... Желая показать отрицательные стороны жизни, тем самым мы заражаем неискущённую часть населения мадрозом, даём повод для подражания».

Пединституты республики он критикует за отрыв в их программах теории от практики и выпуск в школы неспособных педагогов. Осуждение коснулось руководителей вузов и методов отбора абитуриентов, качества учебно-материальной базы. Вместо исполнения своих непосредственных обязанностей кафедры вузов «увлекаются подготовкой диссертаций, гонятся за формальными учёными степенями».

По сути, брошен вызов существующей системе коммунистической морали. Вместе с тем вовсе не последовала репрессивная ре-

*Фрагмент приказа Минпросвещения УзССР
о чествовании Т.Н.Кары-Ниязова в связи с его 70-летием.
Приказ подписан его учеником.
Из фондов архива НМЦ им. Т.Н.Кары-Ниязова.*

акция со стороны Ш. Р. Рашидова, что говорит о несправедливости безапелляционной оценки современными историками органов государственной власти Советского Союза, как тоталитарного режима.

Ещё больше заставляют задуматься документы Наркомпроса УзССР. Их анализ позволяет усомниться в подлинности некоторых фрагментов так называемых «сталинских списков», хранящихся в фондах Архива Президента Российской Федерации. Однако об этом можно будет говорить лишь после тщательной сверки тех и других дел.

Уникальные сведения о жизни и деятельности выдающегося просветителя среднеазиатских народов, учёного-педагога, истори-

ка, писателя Г. В. Андреева можно почерпнуть из писем Н. П. Архангельского. Вот некоторые выдержки из них: «Покойный Николай Николаевич Боев (в конце жизни он ведал Научным архивом УзНИИ педнаук) говорил мне, что Григорий Андреев учился в Аулиета (Джамбуле) в высшем начальном училище, которым заведовал Н. Н. Боев. Там же учились и два брата Гр. Андреева. Они – среднеазиатские евреи, все трое – крещёные.

Этот факт крещения детей «туземных евреев» едва ли не уникален. Для его понимания, может быть, следует вспомнить, что в близком к Аулиете Семиречье жил туркестанский епископ и что Семиречье – единственная область Туркестана, где официально имелись православные миссионеры. Боев не знал обстоятельств крещения Андреевых.

В журнале «Литературный Узбекистан» Г. Джурабаев (под этой фамилией Г. В. Андреев учился на Востфаке САГУ) напечатал два рассказа». Далее автор письма перечисляет и характеризует малоизвестные широкому кругу исследователей литературные и публицистические работы Г. В. Андреева с 1909 по 1936 г. Он пишет, что «в статьях Гр. Андреева много фактического материала о путях образования для коренного населения Туркестана в предоктябрьское десятилетие».

Среди материалов частной переписки можно найти и весьма курьёзные образцы, свидетельствующие о демократичности отношений между слоями населения Советского Союза и достаточной гласности в средствах массовой информации. Первое из них – письмо И. А. Яковлева:

«Дорогой Ташмухамед Ниязович!

Обращается с просьбой к Вам в прошлом преступник Яковлев Илья Андреевич, проживающий теперь в Воронежской обл., г. Самолуки, п. Березки.

Отбывший меру наказания 12 лет честно освобожден досрочно, как вставший на правильный путь жизни.

Дорогой академик, я решил твердо жить на свободе, мне нужна помощь, я освободился в августе, 6-го, получил 129 рублей, на которые не могу прожить и одеть себя более-менее, воровать не хочу, решил лучше прожить помощью, просил у Шолохова, он молчит! А теперь решил просить у Вас (денег). Сколько можете сами, чтобы мне одеться и первое время жить...»

Как видно, в советском обществе такое обращение к государственным деятелям принималось ими без ложной брезгливости, принималось как нечто само собой разумеющееся. Тем более, академик Т. Н. Кары-Ниязов славился своей непримиримостью к несправедливости и неравенству в обществе. Инженер Б. Ким в своём письме восхищается его честностью: «Ваши высказывания в рубрике «Ленин, время и мы» до глубины души тронули меня.

...Трижды Героя Турсункулова Хамракула никто в массах не любит.

...Вы не причастны к процессу некоторых знатных деятелей искусств, проявивших себя в «домах терпимости» в районе Чиланзара». Далее он благодарит академика, который осуждает диссертации, защищённые «не умом, а денежным мешком».

Несмотря на сумбурность текста этого источника, исследователь вопросов нравственности в эпоху «развитого социализма» сразу же отметит, что в Узбекистане в 60-е годы активно через СМИ осуждалось падение моральных устоев, коррупции, взяточничества. Причём, критике подвергались все, невзирая на чины и положение.

Все эти многочисленные и разноплановые факты, изложенные в фондах личного архива академика Т. Н. Кары-Ниязова, свидетельствуют об особой ценности хранящегося в них материала. Сожаление вызывает лишь их недоступность для широкого круга исследователей-историков: ведь данные этого архива вобрали в себя богатую фактологическую и статистическую базу данных по истории образования, науки, культуры Узбекистана новейшего времени, социально-политической истории СССР. Их анализ позволил бы более объективно оценить многие события нашего недавнего прошлого.

Источники:

1. Научный архив Научно-методического центра им. Т. Н. Кары-Ниязова в Ташкенте. Общ. фонд. Оп. 1, дела 1–57.
2. Список книг, хранящихся в библиотеке Научно-методического центра им. Т. Н. Кары-Ниязова в Ташкенте.

VI. МЕТОДИКА И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ОПИСАНИЯ ПСКОВСКИХ РЕАЛИЙ

Дудченко Л.Ю.,

кандидат филологических наук,

зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Псковского филиала

Российской международной академии туризма

Глобализационные процессы, характерные для современного этапа социально-исторического развития, вызвали необходимость формирования единого языка общения как средства взаимодействия культур. В современной теории описания культуры средствами другого языка он именуется английским языком межкультурного общения (АЯМО).

Реалии региональной культуры стали предметом изучения дисциплины, которую исследователи именуют лингвокраеведением, местным лингвострановедением или дидактическим регионоведением. Реалия, согласно дефиниции словаря Ефремовой – это предмет материальной культуры. Добавим к этому определению социальный процесс – явление, существующее в реальной жизни. В данном исследовании под псковскими реалиями будем подразумевать предмет материальной культуры, социальный процесс или явления, характерные для псковской действительности.

Псковские реалии могут быть представлены различными семантическими группами, включающими единицы для описания, – гео-

графических объектов, социальных, религиозных, бытовых и т.д. Результаты исследования показали отсутствие стандартизации лексики, обозначающей псковские реалии, о чём свидетельствуют многочисленные графические варианты. В качестве примера можно привести единицы, используемые для номинации Мирожского монастыря.

The Mirozhsky Monastery;
 the Mirozhsky abbey;
 the Spas-Mirozhsky Monastery;
 the Mirozh Monastery of Our Saviour;
 the Mirozha Monastery;
 the Savior monastery on the Mirozha;
 the Mirozhsky Cloister.

Между тем исследования иноязычного описания культуры демонстрируют ряд типичных особенностей, которые проявляются в процессе номинации реалий культуры с помощью иностранного языка. Одной из особенностей является искажение исходной семантики культурной единицы, так называемая абберрация. Примером абберрации может служить единица ‘nunnery’ – лексическая единица для обозначения женского монастыря, для обозначения мужского монастыря ‘monastery’. Регистрируются многочисленные примеры употребления the Snetogorsky monastery, the Eleazarovsky monastery. В качестве дополнительного примера абберрации можно привести вариант ‘abbey’ для обозначения православного монастыря. Анализ словарных статей позволяет сделать вывод о том, что единица ‘abbey’ используется для обозначения католического монастыря под руководством аббата (‘abbot’), настоятеля, который в соответствии с католической традицией носит тонзуру. Словарные статьи определяют тонзуру (лат. *tosura*) как остриженное место на макушке у католических духовных лиц, символ отречения их от мирских интересов. Следовательно, использование данной единицы для описания настоятеля православного монастыря значительно искажает значение единицы, что особенно нежелательно при описании религиозной лексики, требующей значительной точности.

Семантика единицы ‘князь’ имеет оттенок значения, зарегистрированный в псковской культуре, и означает «взятый на службу, на жалованье, в войско, не для управы», согласно словарю В. Даля. В то же время регулярно используемая единица ‘prince’ для номинации

псковских князей означает «правителя, монарха или члена королевской семьи, наследственный титул». Следовательно, употребление единицы 'prince' для обозначения князя Александра Невского, князя Гавриила, князя Довмонта представляется неоправданным.

Определённые трудности связаны с передачей значения геральдического животного, изображённого на гербе Пскова. Согласно словарной статье, это рысь, которую изображали, начиная с XV века, на печатях и монетах времён Вечевой республики «Pskov's coat of arms, a lynx, was depicted as early as the 15th century on the city's republican seals and coins» [freedictionary.online]. Вариант «барс» зачастую передаётся с помощью единицы «panther», то есть животного чёрного окраса. Барс может быть представлен единицей «snow leopard», то есть ирбис, обитающий в горных массивах Центральной Азии. При выборе единицы учитывался окрас, места обитания, научная классификация вида, в результате чего наиболее адекватным можно считать «golden leopard».

Особая точность требуется при передаче наименований географических объектов. Данная область англоязычного описания псковской культуры также изобилует вариантами, что связано с исторической традицией.

Уникальная псковская архитектура и иконопись требуют внимательного анализа и ревизии при англоязычном описании. Анализ англоязычных примеров демонстрирует регулярное использование единицы «temple» для обозначения православного храма. «Turning left along the Volokolamskoe Shosse as far as the neo-classical temple at number 9, you arrive at the 'Stroganov Arts and Crafts Institute'» (MN 2008 № 50). В то же время словари определяют temple как: 1. A building used for worship in some religions, typically religions other than Christianity: a Hindu/ Buddhist/ Sikh temple – an ancient Greek/ Roman/ Egyptian temple (MEDAL 2007:1540), где уточняется употребление единицы при описании религий, кроме христианских. Для уточнения значения единицы возможно употребление заимствования в скобках: «... in the Solovetskii temple (khram) everything is unusual: the exterior form, the interior structure of the spatial composition, ...» [Brumfield, 2003: 333]. Употребление аналога, единицы, лишь частично передающей значение исходного элемента культуры, допустимо в тексте, не требующем научной точности, где он может служить удобным, хотя и приблизительным, средством пояснения значения внешнекультурного термина. Использование аналога ведёт к упрощению текста, в широком

смысле к ассимиляции описываемой культуры и размыванию конфессиональной идентичности.

Анализ англоязычных текстов демонстрирует стремление к сохранению культурной самобытности исходного текста культуры, который может быть представлен как одной языковой единицей, так и связным текстом. Стремление к сохранению самобытности проявляется в использовании заимствований, например, Pskov Veche. Заимствование является транслитерированным вариантом номинации реалии, что особенно целесообразно в случае передачи географических объектов, например, Chudskoye Lake. Инокультурный элемент маркируется с помощью курсива. Наряду с заимствованием калькирование является ещё одним продуктивным способом передачи элемента культуры.

Подводя итог, следует отметить возрастающий интерес к культуре Пскова, что обусловлено её уникальным характером и ролью Пскова в истории становления российской государственности. Эта тема становится предметом иноязычного описания, продолжается работа над созданием англоязычного словаря псковских реалий в рамках работы над многотомным изданием, посвящённым англоязычному описанию русской культуры. Между тем анализ зарегистрированных единиц, используемых для обозначения псковских реалий, свидетельствует об отсутствии стандартизации в этой области. Корпус лексики для обозначения псковских реалий представлен, в основном, аналогами (единицами, передающими часть семантики), которые искажают смысл явления, превращая язык из средства общения в средство разобщения, делая межкультурный диалог малоэффективным.

Литература:

1. Дудченко Л.Ю. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб, 2010.
2. Дудченко Л.Ю. Русская лингвокультура за рамками русского языка: православные термины и их английские соответствия // Журнал «Русский язык за рубежом». – Москва 2010 № 2. – С. 81-88.
3. Brumfield, W. C. Tradition and Innovation in the Sixteenth-Century Architecture of Solovetskii Transfiguration Monastery / W.C. Brumfield // Russian Review. – Blackwell Publishing. – 2003. – Vol. 62. – № 3. – P. 333-365.
4. freedictionary.online

ЧТО ОЗНАЧАЛО ИЗЪЯТИЕ РИЗ С ИКОН?

(по материалам «Дела комиссии по изъятию церковных ценностей Великолукского уисполкома» 1922 года)

Родионова Е. А.,

*студентка IV курса Великолукской Государственной академии
физической культуры и спорта*

1922 год – страшная дата для Русской Православной Церкви, поворотный момент в закрытии и разорении православных храмов и монастырей новой властью. Советское правительство под предлогом помощи голодающим Поволжья повсеместно изымает церковную утварь и предметы, украшавшие храмы. То, что когда-то было пожертвовано храму, принесено в дар Богу, превращается в пуды золота и серебра. «Изъятие церковных ценностей – это святотатство и кощунство», – так оценил (во время допроса) происходящие события Патриарх Тихон [4, с. 197].

Можно ли изучать убранство храмов по документам, которые рассказывают об уничтожении этого убранства? Вероятно, возможно, если нет других источников.

Предметом нашего исследования стали ризы икон из храмов Великих Лук и уезда, упоминаемые в деле № 298 «Об изъятии церковных ценностей» (Государственный архив в городе Великие Луки. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 298. «Об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья»). В ходе работы ставилось несколько исследовательских задач: выяснить, что такое риза и каково её место в богословии иконы; по документам дела об изъятии церковных ценностей сопоставить отношение к ризам как церковному предмету всех участников событий 1922 года; определить масштаб изъятия риз и окладов в церквях Великих Лук и уезда; систематизировать имеющиеся в деле №298 материалы о храмовых и наиболее почитаемых иконах в великолукских церквях.

В объяснении значения слова «риза» дореволюционные словари и современные источники, которыми мы пользовались, практически не расходятся: «Ризами называют шитые и металлические покрытия икон, оставляющие видимым из живописного образа лишь лик святого и его руки. Более чтимые иконы в храме всегда бывают в ризах, серебряных, позлащённых, или золотых, украшенных драгоценными камнями» [15. с. 695; 8. с. 564]. Название «оклад» – «то же, что риза иконы» – присутствует чаще не в словарях, а в статьях и исследованиях, когда речь идёт о металлическом (чеканном, басменном) покрытии – в отличие от шитых риз, риз из сканного жемчуга. Наименование «окладки», часто встречающееся в деле 298, ни в словарях, ни в работах нам не удалось обнаружить – вероятно, оно обозначает украшение из драгоценного металла, которое покрывает лишь часть иконы (венец, цата). Ризы – не самостоятельный предмет церковной утвари, они всегда находятся на иконах. С точки зрения специалистов, изучающих церковное искусство [3. с. 565], строго говоря, они не являются предметами декоративно-прикладного искусства, «качество декоративности действительно присуще многим предметам, но оно является лишь дополнением к их литургической сущности».

Для тех, кто участвовал в процессе изъятия церковных ценностей, ризы на иконах привычны и хорошо знакомы. Но, как видно из материалов дела 298, отношение к ним разное. Для представителей исполнительной власти (ВЦИКа, губисполкома, уисполкома) сама икона и её риза – вещи, которые возможно разделить, причём первая не имеет ценности: в инструкции ВЦИК, открывающей дело [1. л. 1], говорится о том, что «иконы, т. е. самая живопись, не подлежит изъятию, так как не представляет из себя ценностей в смысле золота, серебра, камней» [1. л. 6]. А риза иконы, как и богослужебные предметы из драгоценных металлов, ценится по весу и качеству металла: «из блюдец, (...) дисков, кадил оставлять потребное для богослужения количество, за исключением золотых, которые изымаются во всяком случае» [1. л. 6].

В секретной инструкции ВЦИК от 18. 04. 22 не упоминается о художественной ценности предметов, повышающей их стоимость, но вскоре, в дополнение к ней, из Пскова приходит телеграмма: «ризы икон должны быть доставлены в губфинотдел не поврежденными» [1. л. 10] – вероятно, учитывается художественная цен-

ность и стоимость неповреждённого предмета. Для изымающих церковные предметы – это золото и серебро. Является ли оно, в их представлении, средством спасения людей от голодной смерти? – Читая инструкцию, мы не нашли однозначного ответа на этот вопрос. Механизм изъятия и передачи в губфинотдел, а затем в Москву подробно прописан, а дальнейшая судьба изъятой вещи неясна, механизм реализации и превращения в хлеб для голодных в инструкции отсутствует. При чтении документа создаётся впечатление, что это изъятие не в пользу голодающих Поволжья, как заявлено в названии документа, а в пользу государства. В советской исторической литературе [б. с. 61] мы не нашли данных о том, как спасло голодных изъятие этих ценностей. В более поздних по времени работах по истории РПЦ приводятся следующие данные: «В результате было изъято церковных предметов на сумму 4 650 810. 67 рублей в золотых рублях. Из этих средств 1 миллион пошёл на покупку продовольствия для голодающих, остальные (...) на организацию самой кампании» [13. с. 181].

В последние годы, благодаря деятельности издательского отдела Псковской епархии, появились новые источники информации, дающие представление о ходе изъятия церковных ценностей в Псковской губернии и масштабах этого изъятия.

«В Псковской губернии изъятие церковных ценностей не было отмечено столь страшными последствиями. Заместитель председателя Псковского губисполкома Г. И. Васинов сообщил во ВЦИК о результатах кампании по изъятию церковных ценностей, что она проходила с середины марта до середины августа 1922 года. Настроения разных групп населения характеризовались следующим образом: «пассивное», а затем, под влиянием агитационной работы парторганов, «все более сочувственное отношение со стороны крестьян-бедняков и середняков, а также городских рабочих; отрицательное – со стороны кулачества, торговцев, интеллигенции. В общем, – отмечалось в документе, – кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии... прошла сравнительно спокойно, а имевшие место не столь значительные осложнения... проходили лишь в начале кампании, а в последующем работа протекала без всяких перебоев, в удовлетворительной обстановке». Под не столь значительными осложнениями подразумевались случаи, когда при изъятии церковных ценностей в кафедральном соборе,

Крыпецком монастыре и ряде церквей верующие препятствовали работе комиссии. Серьёзный характер приобрело сопротивление в Торопце, где властям пришлось прибегать к арестам и помощи милиции для разгона верующих, препятствующих изъятию. Крупных судебных процессов по поводу изъятия церковных ценностей в Псковской губернии не было. Исключение представляло дело, по которому в 1922 году были осуждены священник Саввино-Пустынской церкви Сидоровской волости Псковского уезда о. Степан Парийский и церковный староста Василий Алексеев за сокрытие четырёх драгоценных крестов, пожертвованных церкви в 1895 году. В ходе судебного разбирательства обвиняемые показали, что скрыли кресты без злого умысла, не желая присвоить, – считали их собственностью не церкви, а приходского попечительства. Однако свидетели заявили, что кресты были скрыты обвиняемыми умышленно. Суд приговорил о. Степана Парийского к 2 годам, а старосту Василия Алексеева к 3 годам, обоих со строгой изоляцией при Псковском исправительном доме.

Процедура изъятия церковных ценностей включала в себя составление актов губернской или уездными комиссиями. Согласно установленному порядку, для богослужения на церковь оставлялись, как уточнялось в телеграмме Председателя ВЦИК М. И. Калинина в адрес Псковского губкома РКП(б) от 4 мая 1922 года, «сосуды и принадлежности в количестве не более двух комплектов». В соответствии с актом, за исключением части священных сосудов и Евангелий, подавляющее большинство перечисленных ценностей подлежало сдаче в Псковский губфинотдел 25 апреля в 7 часов вечера. Аналогичные акты были составлены по всем церквям и монастырям. После этих кощунственных акций в адрес Комиссии по учёту и изъятию церковных ценностей от верующих пошёл поток просьб: «не изымать, разрешить замену важных для богослужения предметов соответствующим количеством равноценного драгоценного металла, продлить сроки сдачи».

Следует отметить, что 20 апреля 1922 года председатель Псковской губкомиссии Никитин докладывал в Москву М. И. Калинину, что изъятие ценностей в Пскове будет закончено 1 мая, в уездах – 10 мая, что задержка произошла вследствие разлива рек. В Пскове и губернии эта работа проводилась медленнее, чем в других регионах. Псковские власти постоянно подгонялись Центром, который в теле-

граммах, адресованных губкому РКП(б) М. И. Калининым от 18. 04, 4. 05 и 11. 05 и И. В. Сталиным от 11. 05, обращал внимание на крайнюю медлительность и отставание от других губерний, требовал ускорить завершение кампании.

На заседаниях губернской комиссии по изъятию церковных ценностей рассматривались многочисленные просьбы верующих. Иногда подобные заседания проводились совместно с церковными советами и председателями причта. Так, 29 марта, на следующий день после составления в кафедральном соборе первого акта, состоялось первое такое заседание. В результате было решено «предоставить церковному совету до 5 апреля с. г. право замены указанных вещей соответствующим количеством равноценного металла. Все указанные вещи сдать в губфинотдел того же 5 апреля с. г. К 19 июля 1922 года от церкви было получено: золото изделий – 39 фунтов 50 золотников 35 долей; бриллиантов – 1010 штук, разных драгоценных камней – 1362 штук на 3, 73 млн руб.; серебряных изделий – 212 пудов 18 фунтов 8 золотников и 24 доли, более чем на 5 млн руб.; звонкой монеты – на 205, 6 тыс. руб.

К середине августа 1922 года, как отмечается в отчёте Псковского губисполкома ВЦИКу, «общее количество ценностей, учтенных Губфинотделом, выражается в следующем: 1) 262 предмета золотых изделий с драгоценными камнями весом 1 пуд 07 фунт. 3 зол. и 79 долей; 2) 9 931 предмет серебряных изделий весом 289 пуд. 03 фунт. 47 зол. и 32 доли» [9, с. 81–87].

Изъятие в Великолукском уезде производится в соответствии с инструкцией, в определённые для него сроки; на изъятые вещи заполняются акты. Представители власти – тоже люди. Каково им? Наверное, для некоторых это непростой поступок, душевные переживания, которые, конечно, в официальных документах не фиксируются. Но иногда об этом может сказать... орфография документа! На обратной стороне выписки из протокола заседания уисполкома, которая предъявлялась при изъятии ценностей из Казанской церкви [17, л. 54], есть приписка карандашом: «Икону Казанской Божией матери хотят оставить». Лицевая сторона документа утверждает, что потир, дароносица, крест – это только фунты серебра, а на обратной – имя Божией Матери с заглавной буквы. Этот пример – не единственный. На обратной стороне выписки из протокола об изъятии из Вознесенского монастыря – запись карандашом:

«Оставлены в храме ризы и иконы:

Воскресения Господня

Тихвинской Божией Матери

В Ильинском приделе икона Пророка Илии

В Борисоглебском приделе Св. Св. Бориса и Глеба» [1, л. 52].

В машинописной выписке из протокола по изъятию из Входяиерусалимской (Пятницкой) церкви:

«Нижний этаж

4) 1 сер. Крест

5) 1 риза с иконы Усп. Б. Матери

6) 1 риза с иконы Смоленской Б. Матери (...)

Придел Св. Великомученицы Параскевы» [1, л. 49].

На обратной стороне акта об изъятии из погоста Новобогородицкого: «При изъятии священник заявил о замене ризы и венчика иконы Одигитрии Б. М.» [1, л. 71].

Что такое ризы икон для прихожан храмов? Это предметы, изъятие которых из храма невозможно. Несколько документов дают представление о начале этого процесса. Исполком по церковным инвентарным книгам 1917 года составил опись ценностей – выписки из неё зачитывают на собраниях прихожан, которые прошли в начале апреля (возможно, в один день – 2. 04) во всех приходах города. Фактически их ставят в известность о предстоящем изъятии, но формально требуют от них согласия на него. Верующие заявляют о своём несогласии: Протокол собрания верующих Николо-Богоявленской церкви от 2 апреля 1922 года [1, л. 22], на собрании присутствует 200 прихожан: «ризы на двух иконах и лампаду, которую мы совершенно отказываемся снять, боясь гнева и суда Божия». Протокол собрания верующих Входяиерусалимской церкви (количество собравшихся не указано) [1, л. 27]: «общеприходское собрание, обсудив предложение исполкома и видя из описи, что ценности церкви заключаются почти исключительно в ризах на иконах, которые считают невозможным снять с икон, не оскорбляя религиозного чувства верующих, а с другой стороны, признавая необходимость принести посильную помощь несчастным голодающим, (...) предложено прихожанам делать посильный взнос.

Несмотря на несогласие верующих, с 4 по 26 мая изъятие в городе и уезде совершается. Но в инструкции предусматриваются исключительные случаи, «в коих возможно допустить замену равноцен-

ным количеством серебра или золота по ходатайству самой группы верующих. (...) надо разуметь случаи, когда дело идёт о каком-либо местном особо почитаемом предмете, как например, об иконе, особо почитаемой у местных жителей, ризы которых жители желают сохранить в неприкосновенности» [1, л. 6]. На документах изъятия есть записи о том, что риза оставлена на иконе по просьбе верующих до её замены серебром. Группа документов, датированных 4–10 мая 1922 года, представляет собой заявления верующих с просьбой об оставлении риз на иконе и об отсрочке в изъятии для того, чтобы прихожанам собрать необходимое количество серебра для замены (17 заявлений, 3 приписки на актах об изъятии церковных ценностей):

Заявление прихожан Троице-Сергиева монастыря г. Великие Луки [20, л. 58]: «В виду того, что икона Св. Троицы есть единая храмовая, находящаяся в главном приделе со времени основания храма, досточтима всеми верующими по своей древности и великому значению Божественных ликов, на ней начертанных, то и просим сию святыню оставить нерушимую в утешение всех прихожан. А также икону Св. Феодосия, в честь которого устроен придел. Ибо приход наш бедный и возобновить обозначенные иконы мы будем не в состоянии».

Заявление прихожан Спасо-Преображенской церкви Великих Лук 04.05.1922 г. [1, л. 62] «о замене ризы с иконы Знамение (как чтимой всеми прихожанами и горожанами) равным количеством серебра» (риза с этой иконы оставлена в храме без замены, на обратной стороне заявления есть резолюция: «Риза оказалась медною»).

Заявление от прихожан Троицкого храма д. Плай о замене серебром ризы, так как «икона Одигитрии является чудотворной» [1, л. 74].

Заявление прихожан Троицкой Церкви Великих Лук [1, л. 79] «об оставлении риз на иконах Рождество Христово и Владимирской Божией Матери».

Прихожане Успенской церкви п. Колюбаки просят «о замене серебром ризу иконы Успенья как иконы древней и особопочитаемой не только в уезде, но и в других губерниях» [1, л. 79]. Под заявлениями стоят подписи председателей церковных общин, иногда за них расписывается другой – грамотный – член общины. Что чувствуют они, видя разорение своего храма и предпринимая попытку спасти хоть немного? Эти заявления – не просто деловые бумаги, они – свидетельства трагедии. Мы ещё раз осознали

это, когда читали заявление от прихожан Покровской церкви. От их имени его написал настоятель – известный нам священник о. Матвей Виноградов. До переезда в город он долго служил в Успенском (ныне разрушенном) храме погоста Милолюб; судя по клировым ведомостям, это был очень ответственный человек, который к тому же обладал хорошим слогом и чётким, красивым почерком. Ни одной подробности из хозяйственной жизни храма он не упускал, его ведомости – самые длинные и подробные из всех, которые мы читали. И в заявлении слог его узнаваем: «прихожане не в состоянии выкупить оставленные в означенной церкви ризы на иконах Покрова и великомученика Георгия, просим оставить означенные ризы в нашей церкви, так как украшенные ими иконы являются храмовыми и осособчимыми. 10 мая 1922 года. Председатель совета Матфей Виноградов» [20, л. 64]. Он старается быть предельно убедительным, но дрожащие буквы выдают его состояние – пожилой, мудрый человек понимает: ризы всё равно будут сняты.

Почему прихожане просят об одной-двух, а не обо всех ризах? Наверное, понимают, что собрать большое количество серебра в бедном приходе не удастся. Выбирают часто не храмовую, а наиболее почитаемую икону. И сегодня эти заявления – единственный источник сведений о том, какие почитаемые иконы были в великолукских церквях.

Но была ли произведена замена? На выписке об изъятии ценностей из синагоги Великих Лук указан срок замены серебром – 1 неделя [4–11. 05: 1, л. 59]. Вероятно, такой же короткий срок был определён для всех храмов города. Для уезда – 1 месяц [13.05 – 14.06: 1, л. 80]. На обратной стороне только одного заявления [1, л. 74] есть запись о том, что серебряные вещи на замену ризы чудотворной иконы Одигитрии из Троицкой церкви п. Плай собраны: «до 3 июня принесены, полноценной монетой, серебряные ложка, футляр для спичек, 5 столовых ложек, 5 чайных ложек, лопатка, сахарные щипцы». Судьбу других риз проследить невозможно: в протоколах изъятых ценностей риза перестаёт быть ризой определённой иконы – «ризы с 4 маленьких икон» [1, л. 49], а затем названо количество серебра – «Изъято ценностей из 11 церквей в г. Великие Луки 20 пудов, 34 фунта 30 зол. 69 дол. серебра. Из 11 погостов уезда 3 пуда 26 фунтов 2 зол. 2 дол. серебра» [1, л. 33] – всего около 448,924 кг серебра.

Масштабы изъятия риз с икон по городу и Великолукскому уезду выглядят следующим образом (данные из «Протокола комиссии по изъятию ценностей из церквей города Великих Лук и его уезда от 2 мая 1922 года» [1, л. 13]: изъятых риз – 197, окладок – 11 (некоторые данные здесь или отсутствуют, или их не разобрать).

Наше первоначальное представление о том, что риза – это украшение иконы, изменилось после знакомства с заявлениями прихожан великолукских храмов. Верующие пытались спасти ризу так, как они спасали бы икону. Вероятно, риза и икона для них – не два предмета, однако и не единый предмет: между ними какая-то сложная взаимосвязь. Прихожане пытаются спасти последнюю оставшуюся в храме ризу на особо почитаемой иконе – разве о сохранении внешнего благолепия храма здесь идёт речь? Почему на особо чтимой иконе обязательно нужно сохранить ризу? Все эти вопросы заставили нас обратиться к исследованиям по иконописи и церковному искусству.

В работах начала XX века – в частности, в работе Е. Н. Трубецкого «Два мира в древнерусской иконописи», – мы обнаружили совсем не то, что ожидали. «Золотая или серебряная риза, закрывшая икону, оказалась весьма поздним изобретением конца XVI века; она прежде всего произведение того благочестивого безвкусия, которое свидетельствует об утрате религиозного и художественного смысла. В сущности, мы имеем здесь как бы бессознательное иконоборчество, ибо заковывать икону в ризу – значит отрицать её живопись, смотреть на её письмо и краски как на что-то безразличное как в эстетическом, так и в особенности в религиозном отношении. И чем богаче оклад, тем он роскошнее, тем ярче он иллюстрирует ту бездну житейского непонимания, которое построило эту непроницаемую перегородку между нами и иконой» [11, с. 245].

Для автора риза и икона – разные вещи, более того, риза мешает иконе, она – «преступление против иконы». Риза делает икону предметом роскоши. Он с радостью пишет о том, что «в золотой броне наконец-то пробита брешь», имея в виду выставку 1913 года, на которой иконы были представлены без риз. В 1916 году, когда была написана статья, наверное, никто не мог предположить, какую ещё страшную брешь предстоит вынести православным храмам в XX веке. После чтения статьи Е. Трубецкого осталось не-

доумение: в течение четырёх веков в православных храмах украшением иконы затемнялся, даже искажался её смысл? Риза – свидетельство падения религиозного сознания, начавшегося в конце XVI века? Может быть, не стоило так бороться за их сохранение? Ризы сняты – иконы остались?! С этими вопросами мы обратились к священнику Свято-Вознесенского собора г. Великие Луки о. Сергию Матвееву. Его разъяснения и замечания были очень ценны для дальнейшей работы: «Чтобы понять смысл того или другого церковного предмета, богословского вопроса, нужно рассматривать его с позиции единства: нельзя рассматривать обособленно какую-нибудь одну главу или один эпизод Евангелия и таким образом пытаться делать выводы; Священное Писание есть единое целое – и в свете этого целого нужно осмыслять его части. Также и убранство храма. Каждая вещь в нём, каждая деталь украшения несёт глубокий символический смысл. Таким смыслом наполнены иконы, их ризы, и этот смысл мы способны понять, если воспринимаем убранство храма и сам храм в его неразрывном единстве с делом спасения души человека. Эту целостность разрушать нельзя. Ризы нужно было отстаивать, потому что их изъятие – это покушение на целостность храма, целостность веры... Что касается отношения к ризам как к помехе для восприятия иконы, то можно сказать следующее. Икона, риза, как и все другие предметы, находящиеся в храме, – дело рук человеческих. Человек несовершенен. Он создавал ризы, которые заслоняли смысл иконы, и сами иконы далеко не всегда соответствовали высоте Священного Образа. Но и эти несовершенные предметы появились не без Промысла Божия. Икона Святой Троицы, Владимирская икона Пресвятой Богородицы в течение веков были скрыты под ризами – но именно эти ризы спасли иконы, сохранили их до того времени, когда они по воле Божией вновь были явлены людям... Какой символический смысл несут золотые и серебряные ризы на иконах? Символика золота в храме очень богата, многозначна. И вам не следует в этом единстве искать один, самый главный, аспект. Церковный символ – это единство смыслов».

В работах по иконописи достаточно распространено негативное отношение к ризам, частично совпадающее с мнением Е. Трубецкого (риза – свидетельство утраты понимания богословского смысла иконы). И. Языкова пишет о том, что в XVI веке иконопись

переживает кризис, связанный с упадком духовности. Именно в это время и появляются ризы на иконах: «Заметим, что уходит из иконы свет. И это является самой непоправимой утратой XVI века. Свет изредка обозначается сухими пробелами на одеждах, едва заметными движками в ликах. Это не исповедание света, а всего лишь заученный ремесленнический приём. Свет не преобразует цвета в иконах и поэтому краски теряют свою звучность, чистоту, драгоценность. Недостаток света в иконах начинают подменять металлической басмой – серебряной, золотой и т. д. В XVI веке довольно часто поля и фон иконы выкладывают теснённой басмой. Это повышает декоративный эффект иконы и даже в некоторой степени возвращает фону драгоценность, понимаемую часто материально. Но эта подмена настолько существенна, что начинает менять природу самого образа. В традицию входит обычай украшать икону окладами, венцами, цатами и другими украшениями, которые порой закрывают полностью живопись иконы, так что видны только лик и руки («личное»). В XIX веке эта традиция настолько укоренится, что дешёвые иконы станут писать специально «под оклад», то есть прописывая личное, а остальное оставляя в грубой намётке.

Практика украшения икон ризами была известна и ранее. В Византии и на Руси для особо чтимых икон делались великолепной работы ювелирные оклады (или ризы, шитые из жемчуга и драгоценных камней). Но это были редкие случаи. Так, например, митрополит Киприан после освобождения Москвы от татар, прославляя заступничество Богородицы, преподнёс драгоценный оклад для иконы Владимирской Божией Матери. Его преемник, митрополит Фотий, также приказал сделать оклад для чудотворного образа Пресвятой Богородицы Владимирской. Но надевали ризы на икону в исключительных случаях, когда выносили её по большим праздникам перед народом. В XVI веке басма и оклады становятся обычным явлением» [16, с. 321]. Приведённые в этой работе примеры подтверждают то, что ризы на иконах были достаточно распространённым явлением и до XVI века.

В других работах мы узнали, что первые ризы на иконах появились «одновременно с развитием русской иконописи. В «Житии Св. Андрея Боголюбского» упоминается о том, что Святой Благоверный князь украсил Владимирскую икону Божией Матери золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчугом (Жития Святых, 4

июня). Древнейший из известных – оклад XII века на иконе Святых Апостолов Петра и Павла, находящийся в собрании ГТГ (15). XII век – век интенсивного духовного развития Руси. «Сама духовная жизнь русского народа, его святость и церковное искусство получают национальный отпечаток как результат постоянно нового и своеобразного переживания христианства» [12, с. 208]. XIV- XV века – эпоха русской святости, подъёма духовной жизни. Ризы на иконах появились не в период духовного спада, как результат забвения или непонимания христианских истин. Они являются результатом их осмысления и наполнены глубоким символическим значением.

Золотые, серебряные, шитые бисером или жемчугом ризы, покрывающие на иконах написанные одежды Святых, понимались как символическое раскрытие образа спасения души, сияющей одеждой чистоты (серебро) и божественной благодати (золото).

Украшение окладов самоцветами, жемчугом, цветными эмальями – «бисером многоценным» – считалось символом богатства души, украшенной множеством духовных дарований...

В ходе работы мы выяснили, что на протяжении веков риза иконы была «драгоценным мостом» между святыней и молящимися. Золото и серебро, из которого изготавливали ризы, имеет глубокое символическое содержание. Именно поэтому, с точки зрения верующего человека, ризы неприкосновенны. Однако в 1922 году Постановлением ВЦИК ризы объявлены предметами из драгоценного металла, подлежащими изъятию. Изучая материалы «Дела комиссии по изъятию церковных ценностей Великолукского уисполкома» 1922 года, мы сделали вывод о том, что для представителей власти ризы икон представляли ценность, равную стоимости золота и серебра, из которых они были изготовлены. Духовенство и прихожане храмов, из которых изымались церковные предметы, видели в снятии риз с икон акт кощунства. Они, как могли, противостояли ему, используя все содержащиеся в инструкции возможности. Судя по документам, были спасены лишь единичные предметы. Люди боролись не за золото и серебро в украшении храма, а за нерушимость единства, воплощённого в каждом элементе церковного убранства, в иконах и самой церковной службе.

Источники и литература:

1. Государственный архив в городе Великие Луки (ГАВЛ). Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 98. «Об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья» (1922 г.).
2. Благовестник. Толкование на Четвероевангелие бл. Феофилакта Болгарского. – изд Белорусского экзархата, 2006.
3. Буснева-Давыдова И. л. Церковное искусство малых форм //Православная энциклопедия. Т. 1. Русская православная церковь. – М.: Православная энциклопедия, 2000.
4. Вострышев М. Патриарх Тихон. – М.: Молодая гвардия, 1997.
5. Иннокентий Херсонский. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. – М: Лествица, 1999.
6. История СССР. Т. 8 – М.: Наука, 1966.
7. Монахиня Иулиания (Соколова). Смысл и содержание иконы. – М.: Московская Православная Духовная академия, 2005.
8. Полный богословский энциклопедический словарь, т. II. – М. 1891.
9. Псковский синодик, Пострадавших за веру Христову в годину гонений священноцерковнослужителей, монашествующих и мирян Псковской епархии XX столетия. Под ред. архимандрита Ермагена (Муртазова). – М.–Псков. 2005.
10. Савельева Т. Ю. Печальный юбилей //Великолукские были. № 18. – 02.05.2007.
11. Трубецкой Е. Н. Два мира в древнерусской иконописи // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. – М.: Республика, 1994.
12. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. – Изд. Западноевр. Экзархата Московский патриархат. Паломник, 2001.
13. Цыпин В. Гонения на РПЦ //Православная энциклопедия, т. 1. Русская Православная Церковь. – М.: Православная энциклопедия, 2000.
14. Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского. Житие св. Андрея Боголюбского. 4 июня. Электронная версия издания. Директ-медиа, 2004.
15. Энциклопедический словарь изд. Ф. А. Брокгауз и И. И. Ефрон. – СПб, 1899, т. XXVI, с. 695/
16. Языкова И. К. Богословие иконы. – М. 1995/

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ ШКОЛЬНИКАМИ

Котов Д.В.,

*педагог-организатор сектора культурологии ЦКО МГДД(Ю)Т,
действительный член Всероссийского геральдического общества,
член Союза краеведов России*

В современном обществе гуманитарные дисциплины – такие, как история, культурология или искусствоведение, – увы, традиционно остаются не на ведущих ролях. Слово «искусствовед» у нового поколения ассоциируется в лучшем случае с куратором выставки нового концептуального искусства, в худшем – со зрителем в зале картинной галереи. О классическом искусствоведении в средствах массовой информации принято вспоминать, к сожалению, только в преддверии очередного аукциона, где одним из многомиллионных лотов выставлена картина известного художника минувших веков. Почему, на наш взгляд, в свете этих тенденций так важно изучение молодым поколением столь узкопрофильной дисциплины, как архитектуроведение? Дело в том, что архитектура является не только стилиобразующим видом искусства, но и определяет естественную среду обитания городского жителя в урбанистической реальности XXI века. Без понимания закономерностей развития архитектуры в рамках глобального историко-культурного хронотопа осложняется процесс погружения молодой личности в окружающее пространство с целью приобщения к национальной культуре. Кроме того, изучение архитектуры по правильно разработанной методике помогает обучающимся развить в себе аналитические способности, прививает чуткость к пониманию эстетических и социальных норм, развивает формирующуюся личность не только интеллектуально, но и духовно.

В изучении памятников архитектуры учащимися, основываясь на многолетнем опыте, можно выделить несколько общих проблем.

I. Проблема методологическая

Существующий стандарт программы по МХК в рамках школьного образования не соответствует современным требованиям, предъявляемым социумом.

Обучаясь в непрофильной общеобразовательной школе, учащийся, вне зависимости от личных интересов, предпочтений и склада мышления, получает знания по точным наукам, естественнонаучным и гуманитарным направлениям примерно в равной степени. Современная парадигма отечественного образования не предполагает упора на такие дисциплины, как культурология и искусствоведение. Школьная программа по мировой художественной культуре (МХК), как правило, даёт самое базовое и поверхностное представление о различных видах искусства в контексте истории мировой культуры. Более того, в последнее время в отечественных школах и вовсе наметилась тенденция к исключению МХК из числа изучаемых предметов. Несомненно, существующая программа нуждается в переработке, но никак не в полном устранении.

Отсутствие системного подхода в изучении памятников архитектуры: восприятие отдельных сооружений и архитектурных образов вне стиливого и историко-культурного контекста; отсутствие чёткого представления логики формирования, развития и преемственности стилей.

Главная проблема состоит в том, что школьнику приходится усваивать значительный массив фактологического материала без понимания методологической специфики изучения произведений искусства. Даже имея интерес к культурному наследию страны и мира, желая развивать в себе чувство прекрасного, юный исследователь чаще всего не видит способа и пути познания, направленного не через бессистемное накопление в памяти фактов и образов, а через комплексное и последовательное изучение логики формирования и развития определённых стилей, течений и традиций на протяжении всей истории искусства – от первобытного до современного.

Дефицит учебной литературы по описанию и анализу памятников архитектуры, адаптированной для школьников.

Очевидно, что глубокое изучение принципов описания и анализа архитектуры не предусмотрено школьной программой и лежит в сфере интересов дополнительного образования. Однако даже для факультативного изучения азов искусствоведения старшеклассниками существует крайне мало учебной литературы. Кроме того, личный опыт показывает, что даже в профильных вузах в данном вопросе существуют определённые проблемы. Ведущие отечественные и зарубежные искусствоведы ещё со времен Витрувия, автора трактата «Десять книг об архитектуре», акцентировали внимание на истории искусства в общем понимании, выдающихся персоналиях, процессах развития стилей, конструктивных особенностях сооружений. Однако полного и исчерпывающего методического пособия по описанию и анализу памятников архитектуры до сих пор не существует. Выдающийся советский искусствовед Б.Р. Виппер, отличавшийся глубоким и всесторонним подходом, к сожалению, не успел написать главу об архитектуре своего «Введения в историческое изучение искусства», изданного уже после смерти автора.

Ключевые моменты в обучении школьника на профильном уровне. Какие знания нужно усвоить и каким навыкам необходимо обучиться начинающему исследователю архитектуры, чтобы выйти на серьёзный уровень? На финальном этапе обучения ученик должен понимать особенности возникновения, хронологические рамки и основные отличительные черты архитектурных стилей и направлений; уметь безошибочно оперировать архитектурными терминами и не путаться в них. Важно осознание учащимся роли знаков и символов, заложенных в архитектурные формы, планы и элементы декора, так как семиотический аспект играет определяющую роль в понимании особенностей как культовой архитектуры, так и светской. Необходимо умение ориентироваться в отличительных особенностях архитектуры разных цивилизаций, стран, культур, регионов. Обучающийся должен иметь свою точку зрения, уметь и не бояться отстаивать её в рамках научной дискуссии.

Пожалуй, главная задача педагога – научить школьника грамотно описывать и анализировать памятники архитектуры, проводить сравнительный анализ построек как однотипных, так и совершенно отличных друг от друга.

Здесь мы возвращаемся к вышеозначенной проблеме дефицита учебной литературы. В этой связи на педагога ложится серьёзная ответственность в подборе верной методики.

Мне и моим коллегам на протяжении продолжительного времени доводилось принимать участие в различных региональных и всероссийских конференциях, конкурсах и олимпиадах школьников общегуманитарной направленности, в том числе в конкурсе краеведческих исследовательских работ «Отечество», всероссийской конференции старшеклассников «Юность. Наука. Культура» (г. Обнинск), «Чтения им. В.И. Вернадского», фестивале «Юные таланты Московии», межрегиональном конкурсе «Культура и дети». Оценивая работы участников с позиции членов жюри, судей, экспертов, приходилось не раз констатировать недостаточный качественный уровень работ по архитектуре на секциях «Культурное наследие» и «Искусствоведение». В свете многолетней практики выделяется едва ли не единственное исследование лауреата премии Президента РФ для поддержки талантливой молодёжи Сергея Свирского из города Александрова Владимирской области, в котором он анализировал архитектуру нескольких местных храмов. Работа отличается грамотностью и профессионализмом архитектурного описания и анализа во многом благодаря многолетней кропотливой и дотошной работе как научного руководителя Л.К. Подгорновой, так и самого школьника. Камнем преткновения является отсутствие общедоступных методических разработок в области архитектуроведения для педагогов, особенно в регионах.

II. Проблема педагогическая

Современная поп-культура формирует «постерно-клиповое» мышление, препятствующее использованию комплексного (системного) подхода в процессе обучения.

Не секрет, что после развала СССР и смуты начала 90-х в обществе началась переоценка ценностей. Западная культура мощным потоком хлынула на телеэкраны, билборды и прилавки магазинов. Нынешние школьники выросли в уже совершенно новой социокультурной среде, для них характерно мышление времени расцвета пёстрой популярной культуры и высоких технологий, которое можно условно назвать «постерно-клиповым». Около года назад на «Винзаводе», одной из крупнейших выставочных площа-

док Москвы, можно было увидеть творчество 16-летней школьницы Тани Пёникер, которое хорошо отражает специфику восприятия окружающего мира современной молодёжью: рисунки юной художницы представляют собой калейдоскоп персонажей, образов и цитат, в котором смешиваются черты различных субкультур. Несмотря на несомненный талант и безудержную фантазию, работы школьницы бессистемны, хаотичны и нацелены скорее на форму, нежели на содержание. Современным детям сложно сконцентрироваться на чём-то конкретном. Это требует от педагога грамотного подхода – не только методического, но и психологического. Важно заинтересовать ребёнка, оперируя понятными ему ассоциациями, использовать истинные увлечения ребенка для раскрытия творческого и исследовательского потенциала. Изучение архитектуры не является исключением. К примеру, если школьнику интересны легенды и мифы Древней Греции, можно заинтересовать его памятниками Акрополя, а заодно рассказать о принципах ордерной системы; ребёнок читает фэнтези про рыцарей и драконов – чем не повод поговорить о средневековых крепостях, а заодно и романской архитектуре, логичным продолжением чего станет изучение готического стиля?!

Разнообразие неотфильтрованной информации, доступной ребенку нового поколения, ведёт к когнитивному перенасыщению и, следовательно, потере интереса к последовательному получению новых знаний.

Ключевым фактором является умение вычленивать из информационного потока важные и достоверные факты. Ребёнку необходимо привить критический подход к возможным источникам информации. Современным школьникам, привыкшим скачать реферат из Интернета и, порой даже не прочитав его, сдать для получения оценки, полезно поработать если не с книгой, то с наглядным памятником, который безо всякой посторонней помощи, имея определённые навыки, можно изучить хотя бы в общих чертах. Архитектура в этом плане является идеальной пищей для аналитического ума, её изучение помогает активизировать процесс познания. Опыт работы с детьми 10–12 лет показывает, что даже не питающие поначалу сильной любви к искусству ребята, пару раз правильно определив архитектурный стиль постройки или верно угадав по декору капители тот или иной ордер, постепенно входят

во вкус, начинают воспринимать изучение архитектурных памятников как интересную игру, успехи в которой подогревают тягу к новым знаниям.

III. Проблема практическая

«Кабинетное» изучение памятников архитектуры.

Для изучения архитектуры необходима наглядность. К сожалению, чаще всего у учебной группы нет возможности воочию увидеть, рассмотреть и пощупать каждый изучаемый памятник, поэтому следует максимально продуктивно использовать любой подобный шанс. Это могут быть выездные занятия в городе или работа в условиях краеведческой экспедиции. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Однако важно научить ребёнка задаваться правильными вопросами: Кому принадлежал этот старинный особняк? Что написано на памятной табличке, укреплённой на фасаде того здания? Какое учреждение находилось вон в том красивом доме с колоннами? Когда была воздвигнута здесь эта церковь? Получая ответы, школьник не только знакомится с историей своего района, своего города и своей страны, но и учится анализировать окружающую реальность, находить в повседневных вещах интересные факты, сопоставлять их между собой. Следует обращать внимание на время постройки каждого объекта, на стилистические особенности, по которым можно атрибутировать сооружение. Практика показывает, что данному вопросу необходимо уделять пристальное внимание, так как внутри городского ансамбля зачастую соседствуют здания разных эпох, что может сильно запутать учащегося.

Неумение школьника вдумчиво смотреть по сторонам и обращать внимание на то, что его окружает.

Ученик, ежедневно занятый школьными и домашними проблемами, чаще всего не обращает внимания на окружающий городской пейзаж, находясь в дороге. По причине вышеозначенных проблем нового поколения, природное детское любопытство, пресыщенное телевидением и доступом в Интернет, в процессе взросления стремительно слабеет. В компетенции педагога – реанимировать его. Многие школьники не знают, что находится на соседней улице, поэтому первым простым заданием может стать историко-культурная разведка местности по пути от школы до дома. Одна вдумчивая прогулка с целью исследовать хотя бы свой район может ощутимо расширить кругозор ребёнка.

Шаги к решению обозначенных проблем. Свой посильный вклад в развитие талантливых и одарённых детей вносит наш сектор культурологии МГДД(Ю)Т. Существует ряд авторских методических разработок, находящих применение при проведении различных мероприятий сектора, направленных на развитие исследовательской, творческой и практической деятельности учащихся.

Уже три года подряд в рамках открытых историко–культурологических Карамзинских чтений работает Школа юного исследователя им. Н.М. Карамзина, где сотрудники сектора ведут семинары по описанию и анализу памятников архитектуры, методикам написания исследовательских работ, сбору информации в условиях краеведческой экспедиции, источниковедению и другим сопутствующим темам.

Недавно в пятый раз на территории Московского городского Дома детско–юношеского творчества (МГДД(Ю)Т) и природного заказника «Воробьёвы горы» прошёл культурологический слёт «Корона Москвы». Ежегодно несколько московских команд школьников соревнуются в описании объектов, расположенных на территории полигона, отрабатывая умение составления экскурсии. Педагоги сектора не только оценивают выступления, но и подробно консультируют учащихся по их работам.

Эти примеры можно назвать элементами образовательной системы, которые развивают у детей исследовательские и аналитические навыки, работают на обучение школьников описанию и анализу краеведческих объектов, в том числе и памятников архитектуры.

КРАЕВЕДЕНИЕ: ЗАКАТ ИЛИ РАССВЕТ?

(Вопросы и не всегда ответы)

Анисимова Е.И.,

*зав. сектором культурологии МГДД(Ю)Т,
академик ММАДЮТК, член Союза краеведов России*

ЧТО ЕСТЬ СЕГОДНЯ? Какие сложности испытывают руководители и обучающиеся, занимающиеся исследованиями в области краеведения?

Сложность представляет необходимое для успешной работы *сочетание различных специальных научных методов и методик*, а также введение изучаемых локальных региональных тем и процессов в контекст общего исторического, экономического, экологического, политического, социокультурного *развития* страны и мира.

Существует ли приоритетная краеведческая деятельность обучающихся?

И в школах, и в учреждениях дополнительного образования детей (УДОД) развивается, в той или иной мере, разнообразная краеведческая деятельность, но приоритетной на сегодняшний день становится проектная и исследовательская работа с обучающимися.

Сравним направления краеведческой работы в школе и УДОД. Посмотрим, что где преобладает:

■ Проектная деятельность обучающихся в школе преобладает, а в УДОД фактически не реализуется.

■ Поисковая деятельность обучающихся в школе развита в меньшей степени, а в УДОД преобладает.

■ Практическая работа (уход за памятником, участие в Вахте Памяти и т.д.) в школе достаточно развита. Не менее развита она и в УДОД (участие в реставрации памятников, мониторинге и т.д.).

■ Музейная деятельность обучающихся в базовом образовании развивается там, где есть школьные музеи, а в дополнительном образовании развивается там, где есть практическая связь УДОД с музеями.

■ Экспедиционная деятельность обучающихся в школах развита очень мало (чаще всего практикуются экскурсионные туры). В УДОД она развивается при наличии финансирования.

■ Исследовательская деятельность обучающихся в школе чаще носит проектный и не системный характер, но появляются отдельные конкурентноспособные работы. В УДОД исследовательская деятельность учащихся развивается и есть хорошие результаты при наличии соответствующих специалистов.

Разнообразны ли формы и задачи работы с обучающимися в области краеведения?

Помимо проектной и исследовательской деятельности школьников, существует большое количество других форм работы с детьми в области краеведения. Каждая из них решает определённые задачи – развивающие, познавательные, обучающие, популяризаторские, воспитательные, социализирующие и т.д.

Каковы различия форм краеведческой работы в школе и УДОД?

Необходимо использовать различные формы краеведческой работы с обучающимися. При этом прослеживается определённая закономерность: формы краеведческой работы [1] с обучающимися в базовом и дополнительном образовании несколько отличаются.

Формы краеведческой работы:

■ Только в школе: туристическая поездка, летняя практика.

■ Только в УДОД: учебный выезд (посещение историко-культурных мест, памятников природного и культурного наследия с выполнением определённых заданий); клубный день; тематическая школа.

■ Общие: экскурсия, поход, экспедиция, слёт, акция, викторина, игра, чтения, конференция, олимпиада, фестиваль, НОУ, Малая академия наук.

При анализе продуктов (результатов) краеведческой работы по количественным параметрам (мало, средне, много) выявляются следующие закономерности:

■ Реферат сегодня в школе занимает большое место, а в УДОД для обучения используется мало. Аналогично реферату проект в школе занимает большое, если не преобладающее место, а в УДОД для обучения используется мало.

■ Краеведческая справка в школе часто является начальным этапом к поисковой деятельности и занимает среднее место; в УДОД (как результат работы) применяется мало.

■ Краеведческий очерк и в школе, и в УДОД также является начальным этапом к поисковой деятельности и занимает среднее место.

■ Краеведческое эссе мало используется в школе, средне – в УДОД.

Творческая работа по краеведческой тематике преобладает как в школе, так и в УДОД (изо, фото, фильм и т.п.), так как в меньшей мере требует фундаментальных знаний. В таких работах креативность преобладает над собственно краеведческой значимостью.

■ Компьютерная презентация как продукт проектной деятельности обучающихся максимальна в школе, в УДОД её место среднее.

■ Составление паспорта краеведческого объекта практически не распространено в школе и минимально – в УДОД.

■ Запись воспоминаний практикуется и в школе, и в УДОД как формирования фондов и экспозиций школьных музеев, для базы исследования и т.д., занимая при этом среднее место.

■ Фотофиксация краеведческих объектов максимально используется в базовом и дополнительном образовании.

■ Составление путеводителя – достаточно популярный жанр краеведческой работы в школе (средне), мало распространён в УДОД.

■ Составление аннотированного каталога – такого фактически нет в школьном краеведении, а в УДОД таких работ мало.

■ Составление летописи мало используется как в школе, так и в УДОД (летопись школы, детской организации, детского объединения, клуба и т.п.).

■ Поисковая работа средне развита как в школе, так и в УДОД.

■ Исследовательская деятельность обучающихся мало развита в школе и средне – в УДОД.

Проектная деятельность обучающихся. Что это такое? Проектная деятельность получила широкое распространение, но каким именно должен быть проект обучающегося – вопрос дискуссионный.

Приведём пример попытки выявить различия проектной и учебно-исследовательской деятельности.

Специфические черты (различия) проектной и учебно-исследовательской деятельности [2].

Проектная деятельность. Проект направлен на получение конкретного запланированного результата – продукта, обладающего определёнными свойствами и необходимого для конкретного использования. Реализацию проектных работ предваряет представление о будущем проекте, планирование процесса создания продукта и реализации этого плана. Результат проекта должен быть точно соотнесён со всеми характеристиками, сформулированными в его замысле.

Учебно-исследовательская деятельность. В ходе исследования организуется поиск в какой-то области, формулируются отдельные характеристики итогов работ. Отрицательный результат есть тоже результат. Логика построения исследовательской деятельности включает формулировку проблемы исследования, выдвижение гипотезы (для решения этой проблемы) и последующую экспериментальную или модельную проверку выдвинутых предположений.

Попробуйте применить выше изложенные формулировки к краеведческой деятельности... Работают?! Особенно «экспериментальная или модельная проверка выдвинутых предположений»!..

Есть ли частица истины в ниже изложенных рассуждениях? Поспорим? Согласимся?

Проблемы и тенденции проектной деятельности обучающихся. Проект обучающегося чаще всего носит реферативный (компилятивный) характер, хотя материал может быть представлен в научнообразной форме.

Поисковые и исследовательские моменты в таком проекте занимают незначительное место. Объективно личный вклад автора, как правило, прослеживается мало. Содержание проекта бывает достаточно поверхностно. Список используемой литературы краток и редко включает серьёзные научные труды по представляемой теме. В проектах по краеведению много неточностей, расхожих легенд, ошибок, непроверенных данных, «переписанных» из популярной литературы и публикаций местных краеведов. Руководители про-

ектов обучающихся мало знакомы с методами и методиками краеведческого поиска, основами источниковедения, специальными знаниями.

Проблемы и тенденции исследовательской деятельности обучающихся.

ПРОБЛЕМЫ. Проблемы анализа и интерпретации; синтез полученных данных.

У юного исследователя практически нет инструмента, «ключа» для серьёзного, глубокого, а не поверхностного (пусть и творческого, креативного) изучения и исследования какой-либо темы. Обучающийся, как правило, не владеет методами и методиками научного исследования, так как его этому не обучили. Нельзя «исследовать», не владея специальными (теоретическими) знаниями. Основам, методологии и методике научного исследования в педагогических вузах не учат.

ТЕНДЕНЦИИ. Реферативные и компилятивные работы обучающихся выдаются за проекты и исследования. В текстах работ описательность преобладает над аналитикой.

ТРУДНОСТИ. Выбор темы исследования. Формирование источниковой базы (работа в архивах, фондах музеев и т.п.). Необходимость владения специальными знаниями как руководителю исследовательской работы обучающегося, так и самому обучающемуся.

Временные, технические и материальные затраты.

Качества педагога – научного руководителя исследовательской работы обучающегося. Какие мы, краеведы? Профессионализм и компетентность в избранном исследовательском поле (предмете). Владение методологией и методиками исследования, исследовательской образовательной технологией. Наличие собственного исследовательского опыта.

Решение проблем. А может, нужно сделать так? Создать действенную систему повышения квалификации педагогов – руководителей проектных и исследовательских работ учащихся, в том числе и краеведческих. В педагогических вузах страны ввести курс «Методология и методика научного исследования».

ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ ЗАВТРА? Краеведение – это сочетание головы и ног. Нельзя изучать край, не пройдя его в походах, экспедициях,

не посещая заповедные, мемориальные, историко-культурные места. «Кабинетное краеведение» – это нонсенс. Сочетание различных специальных научных методов и методик. Изучение локальных региональных тем и процессов, введённых в контекст общего исторического развития страны и мира. Комплексное, системное изучение региона.

Так закат или рассвет? Всё познаётся в сравнении... Сравнивайте, господа!

Источники:

1. Приведённые данные составлены на основании многолетних наблюдений автора.
2. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа / [Сост. Е. С. Савинов]. М.: Просвещение, 2011. С. 170. (Стандарты второго поколения).

ОРГКОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

Союз краеведов России. Псковское региональное отделение –

председатель **Вересова Тамара Васильевна**

члены Совета **Грушина Любовь Евгеньевна,
Никитенко Николай Васильевич**

Псковская областная универсальная научная библиотека –

директор **Павлова Вера Ивановна**

Российская международная академия туризма.

Псковский филиал –

директор **Козырева Ольга Анатольевна**

УЧАСТНИКИ ТРЕТЬИХ ПСКОВСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

1. АЛЕКСАНДРОВ Анатолий Алексеевич, старший научный сотрудник Псковского музея-заповедника: **Находки римских монет в Псковской области.**

2. АНИСИМОВА Елена Игоревна (Москва), заведующая сектором культурологии, академик Московской Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения: **Краеведение: закат или рассвет?**

3. АНИСИМОВА Надежда Владимировна, старший научный сотрудник Бежаницкого ИКЦ Философовых: **«Далёкому мужеству верность храним»** (Реализация проекта «Памяти 1812 года» по программе «Культура Псковского региона»).

4. АУН Маре, КИРИСТАЯ Арвис (Таллинн, Археологический центр): **О вкладе краеведов в изучение древней истории Сетумаа** (Печорского края).

5. БЕЛЮКОВ Дмитрий Анатольевич (Великие Луки), кандидат исторических наук, декан социально-гуманитарного факультета Великолукской Государственной академии физкультуры и спорта. Заместитель председателя Псковского регионального отделения Союза краеведов России: **Краеведческое движение в Великих Луках: организационные формы и направления исследовательской деятельности.** Представление новой книги «Очерки истории физической культуры и спорта Псковского края».

6. БЕЛЮКОВА Светлана Валентиновна (Великие Луки), методист Управления образования Администрации гор. Великие Луки, член Союза краеведов России: **Слёт юных краеведов как форма подведения итогов работы за год** (Из опыта работы муниципальной системы образования).

7. БУЙКО Игорь Викторович (Великие Луки), директор Лицея №10: **презентация книги «Великолукцы на службе империи»** (О Великолуцком 12-м пехотном полке, основанном в 1811 году).

8. ВЕРЕСОВА Тамара Васильевна (Москва–Псков), член Совета Союза краеведов России, председатель Псковского регионального отделения СКР, главный редактор альманаха «Псковский летописец». **Представление сборника «Вторые Псковские региональные краеведческие чтения» и презентация нового выпуска альманаха «Псковский летописец».**

9. ВЛАДИМИРОВА Людмила Иосифовна (Остров-Псков), методист Управления культуры Администрации гор. Пскова; член ПРО СКР. **Древние псковские пригороды Островской земли.**

10. ГАМАЮНОВА Эмилия Фёдоровна (Москва), ответственный секретарь Экспертного совета Фонда по премиям «Памяти Митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова)»; **ЯКОВЛЕВА Ольга Ростиславовна** (С.-Петербург), внештатный сотрудник Макариевского фонда: **Государевы награды Митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова).**

11. ГОЛУБЕВА Ирина Александровна (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Русского музея: **Общество «Старый Петербург – Новый Ленинград» (1921–1938): основные этапы и направления деятельности.**

12. ГРУШИНА Любовь Евгеньевна (Изборск), археолог, член Совета Псковского регионального отделения СКР: **Краеведы Изборска.**

13. ДУДЧЕНКО Людмила Юганесовна (Псков), кандидат филологических наук, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин ПФ РМАТ: **Особенности англоязычного описания псковских реалий.**

14. ЖЕЛАМСКИЙ Александр Гаврилович (Невельский район), кандидат географических наук, Действительный член Русского Географического общества, создатель Музея пейзажного наследия «Окоём»: **Земля – есть книга...** (История, запечатленная в пейзаже Псковской земли).

15. ЗАКУРИНА Татьяна Юрьевна (Псков), кандидат исторических наук, начальник Научно-экспертного отдела ГУК «Археологический центр Псковской области»: **Новые открытия в Изборской крепости.**

16. ИВАНОВА Екатерина Дмитриевна (Великие Луки), студентка II курса ВЛГАФК. **Образ Александра Невского в сознании современных школьников.**

17. ИВАНОВА Инна Евгеньевна (Струги Красные), главный библиограф Центральной районной библиотеки, член Совета Псковского регионального отделения СКР: **История и современная деятельность районного краеведческого сообщества.**

18. КАРАМЫШЕВ Олег Михайлович (С.-Петербург), кандидат юридических наук, доцент кафедры Истории государства и права СПбГУ: **Историко-родословное общество карамышевцев и карамышелюбов: история создания и перспективы развития.**

19. КОНОВ Юрий Геннадиевич (Псков), научный сотрудник Музея-заповедника (Приказная палата): **Военная история Красногородской крепости.**

20. КОНДРАТЕНЯ Александр Владимирович (Псков), краевед, член Псковского регионального отделения СКР: **Роль Опочецкой крепости в обороне Псковской феодальной республики и Русского государства.**

21. КОТОВ Дмитрий Владимирович (Москва), педагог-организатор сектора культурологии Московского городского Дворца детского (юношеского) творчества: **Проблемы описания школьниками памятников архитектуры в условиях краеведческих экспедиций.**

22. ЛЕВИН Натан Феликсович (Псков), краевед, Почётный гражданин города Пскова, член Псковского регионального отделения СКР: **Проблемы топонимики Изборска.**

23. ЛЕДИНИНА Татьяна Георгиевна, главный библиограф Областной научной библиотеки, член Псковского регионального отделения СКР; **ЯШИН Юрий Яковлевич** (Псков). **Возрождая – сохраняем.**

24. МАКЕЕНКО Людмила Николаевна (Псков), старший научный сотрудник Музея-заповедника: **Представление книги «России честь, надежда, щит», посвящённой псковичам – героям войны 1812 года.**

25. МАСЛЕННИКОВА Любовь Владимировна (Псков), старший преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин и дисциплин специализации ПФ РМАТ: **Григорий Александрович Пушкин в Литве** (к разработке нового экскурсионного маршрута).

26. НИКИТЕНКО Николай Васильевич (Псков), заместитель председателя Псковского регионального отделения СКР: **Усвяты – один из древнейших городов Руси.**

27. НОВИКОВ Игорь Александрович (Челябинск), кандидат исторических наук, доцент Кафедры отечественной истории Челябинского Государственного педагогического университета: **Вклад Южного Урала в разгром армии Наполеона в Отечественную войну 1812 года** (На примере северо-запада России).

28. ОБОЗНЫЙ Константин Петрович (Псков), кандидат исторических наук, заведующий Кафедрой исторических дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва): **Изборск Евгения Климова.**

29. ОРЛОВ Владимир Викторович (Великие Луки), учитель истории средней школы №5, Заслуженный учитель РФ, член Псковского регионального отделения СКР: **Одиссея генерала Н.Н. Пущина** (Наши земляки – участники Бородинского сражения): Представление новой книги «Великие Луки. Окно в исчезнувший мир».

30. ОСТАПЕНКО Марина Владимировна (Псков), учитель математики школы №8; **ВЛАДИМИРОВА Татьяна** и **ЕФИМОВ Николай**, учащиеся 7 кл.: **Познавательные игры «Путешествие по Изборску».**

31. ПОНОМАРЁВ Андрей Юрьевич (Москва), методист сектора культурологии Московского городского Дворца детского (юношеского) творчества: **О священных камнях Печорского края – Сетумаа (Печорский р-н Псковской области России, Вырусский и Пылваский уезды Эстонии) в работе Леонида Зурова и судьбе его наследия.**

32. ПОСТНИКОВ Сергей Васильевич (Вольск Саратовской обл.), кандидат педагогических наук, доцент Вольского филиала Военной Академии тыла и транспорта Минобороны РФ: **Материалы личного архива академика Т.Н.Кары-Ниязова как источники по новейшей истории Узбекистана.**

33. ПРОКУДЕНКОВА Елизавета Викторовна (Псков), старший научный сотрудник Музея-заповедника: **Подвижническое служение музыке.** К 145-летию В.В. Ястребцева, друга и биографа Н.А. Римского-Корсакова.

34. ПУШКОВ Леонид Викторович, ведущий специалист Главного архивного управления города Москвы; **ПУШКОВ Виктор Петрович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: **Книжные покупки Пскова на Московском печатном дворе в XVII веке.**

35. РАХМАТУЛЛИН Анатолий Михайлович (Псков), главный инженер ООО «Реалстрой»: **Исторические предпосылки к «затирию» имени святого благоверного князя Довмонта в русской истории.**

36. РОДИОНОВА Елена Александровна (Великие Луки), студентка 4 курса ВЛГАФК, член Псковского регионального отделения СКР: **Что означало изъятие риз с икон?** (По материалам «Дела комиссии по изъятию церковных ценностей Великолукского Уисполкома» 1922 года)

37. СВИРИДОВА Светлана Леонидовна (Псков), ведущий археограф Отдела информации ГАПО: **Псковичи – участники Отечественной войны 1812 года в документах Государственного архива Псковской области.**

38. СИМАКИНА Галина Фёдоровна (Смоленская обл.), заместитель генерального директора Музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита»: **Сохранить связь с прошлым.**

39. СОРОКИНА Любовь Аркадьевна (Порхов), научный сотрудник Учебно-исторического заповедника «Холомки»: **От Холомковских чтений – к Гагаринскому семинару.**

40. СТОРОКОЖЕВА Елена Сергеевна (Псков), сотрудник Краеведческого отдела Областной универсальной научной библиотеки: **Информационные ресурсы Псковской областной универсальной научной библиотеки: к 1150-летию первого упоминания Изборска в летописи.**

41. ФЁДОРОВ Алексей Иванович (Санкт-Петербург), краевед: **Лев Николаевич Модзалевский.**

42. ФИЛИМОНОВ Анатолий Васильевич (Псков), зав. кафедрой отечественной истории ПГУ: **Представление новой книги «Велье и его округа».**

43. ЧИЖИКОВА Евгения Георгиевна (Ярославль), Действительный член Российского Дворянского Собрания: **Изображения Святого Довмонта на фресках храмов Ярославля XVII века.**

44. ЦВЕТКОВ Николай Анатольевич (Пыталово), председатель Пыталовского регионального отделения Всероссийского общества «Энциклопедия российских деревень»: **Путь длиной в четверть века: от Краеведческого общества по изучению сельской истории до регионального отделения Всероссийской (ЭРД) Энциклопедии российских деревень.**

45. ШУМКОВ Андрей Александрович (Москва), главный редактор издательства «Старая Басманная»: **Историко-краеведческий альманах «Карамыш» – презентация нового издания.**

46. ЮРИНОВА Елена Дмитриевна (Пустошка), заведующая отделом Историко-краеведческого музея: **Крепость Заволочье.**

47. ЯКОВЛЕВА Тамара Ивановна (Пустошка), главный библиограф Центральной районной библиотеки: **Псковские дворяне в войне 1812 года (Ададуров В.В., Афросимов Я.Е., Мейер К.Х.).**

Псков. Троицкий собор с захаба.
Фото П. К. Вересовой

**ТРЕТЬИ
ПСКОВСКИЕ
РЕГИОНАЛЬНЫЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ**

(Псков, 10–12 октября 2012 г.)

Редактор-составитель – Т. В. Вересова
Дизайн и вёрстка М. С. Столбова

На 1-й странице обложки –
здание Псковской областной
универсальной научной библиотеки,
в которой проходили Первые и Третьи
региональные краеведческие чтения.

Фото П.К. Вересовой.

На 4-й странице обложки –
участники Третьих чтений на экскурсии
в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре.

Фото М.С. Столбовой.

Подписано в печать 05.08.2013 г.
Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Гарнитура Garamond. Печ. л. – 20,5.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 100 экз.